

А Д А М Х Л Е Б О В

**К Л А Н
О Д Е Р Ж И М О Г О**

Annotation

Меня эпично долбануло током в музее. А потом я попал в картину. Прямиком из Москвы. Сначала вокруг темнота, а потом 16 век. Европа. Инквизиция. Девушки. Приключения. Я быстро нажил себе могущественных врагов. Самый вышел главный из тени, чтобы сразиться. Мир больше не будет прежним после этой схватки. Пытаюсь разглядеть того, кто вечно скрывается под забралом. Бью! Маска с лязгом слетает с лица врага. А там... Твою ж мать!..

Адам Хлебов

Клан Одержимого

Это вообще не моя работа. Я обычный сисадмин в музее, а не электрик и не монтажник видео систем.

Но мне по фиг, я умею любую работу делать.

Меня снова вызвало начальство, потому что шестьдесят девятая камера в зале фламандских живописцев перестала работать.

Я шел слегка прихрамывая, думал о выходных и нес в руках стремянку. Прикольная у меня работа.

Хоть и лазить под четырёхметровый потолок не моя обязанность.

Мое дело — сервера и компы.

Добравшись до места, я полез наверх, тихо ругаясь и матерясь про себя на обслуживающую фирму.

Каждый раз, когда что-то ломалось, начальство предпочитало обращаться ко мне, а не звонить этим уродам, потому что они могли ехать на вызов неделями.

Единственное что меня раздражало, так это лестница. Купили хотя бы нормальную, устойчивую стремянку.

Стоя на раскачивающейся стремянке под потолком, я решил, что в следующий раз сам куплю за свой счет подходящую для таких случаев.

Со мной рядом внизу находились две сотрудницы, две сестры, работающие в отделе экспертизы.

Они вызвались подержать стремянку и поболтать со мной про жизнь.

Чтобы проверить камеру по регламенту необходимо было отключать сигнализацию.

А для этого, в свою очередь, нужно было эвакуировать всех посетителей.

Такой геморрой в полдень, в разгар дня не нужен был никому. Поэтому я решил сначала посмотреть, что происходит с питанием на камере.

Открутив кожух, я попробовал потеревонить провода отвёрткой-тестером.

Но мне это не очень-то и удалось. Я не заметил оголенный провод и случайно коснулся его локтем. Жуткая боль от удара током пронзила мое тело.

Я увидел как у обеих сестер расширились зрачки от ужаса.

Криков я уже не услышал, потому что в следующее мгновение я почувствовал во рту вкус шоколада. Свет вокруг погас. И я полетел вниз головой с четырёхметровой высоты.

Я нёсся как сумасшедший! С моим телом что-то явно было не так. Я толком ничего не помнил и не понимал.

Я бежал пасмурным днем по промерзшему декабрьскому снегу, вниз к подножию по крутому склону холма.

Сердце бешено стучало, я почти задыхался и не чувствовал своей врожденной хромоты.

Слева от меня, у здания из красного кирпича, незнакомые люди разжигали костер в здоровенном мангале.

Они не обращали на меня никакого внимания.

Я уловил аромат. Божественно пахло дымом и копченым мясом.

Какое-то дурацкое название у этого отеля, то ли таверны. «У оленя».

Я еще раз бегло прочел вывеску. «Dit is inden Hert».

«На каком языке это написано?», — промелькнула мысль, но я тут же вспомнил о погоне.

За спиной слышался лай собак и крики людей, преследующих меня.

Я мельком оглянулся. Один из них сотрясал воздух кулаком и кричал.

— Эй, Девитт! Стой! Куда ты рванул, полоумный?

Это он мне? Я вроде не Девитт! Я Савва Филатов. С детства люблю собак, но сейчас они явно не планировали ласкаться и проявлять щенячьи нежности.

Эта свора, состоящая из дюжины гончих разных размеров, настигала, и, видимо, готова была разорвать меня в клочья.

«Оружие бы мне. Хоть какую палку, а лучше пику».

Не успел я подумать об этом, как в моей кисти из ниоткуда вырос деревянный стержень.

По нему пробежал голубой электрический разряд.

Обнаружив в своей правой руке длинную заостренную пику, которую я держал на плече, я почувствовал небольшое облегчение.

Хоть что-то! Я не умею орудовать такими штуками, но всё же проткнуть копьем глотку нападавшим лучше, чем подставлять предплечья под укусы псовых клыков.

Просто так я им не дамся! Страх не было. Скорее возбуждение от предстоящей схватки.

Отголоски тревоги куда-то отступили, когда я крепко кистью сжал древко своего оружия.

Оно было отполированным и потемневшим от времени. Его гладкую фактуру приятно облегла моя ладонь.

Складывалось впечатление, что эта старая пика пережила не одно сражение или охоту.

— Девитт, дурень! Ты спешишь получить лещей от своей матушки? За то, что возвращаешься из лесов с пустыми руками? — Кричал второй преследователь.

— Откуда у этого гаденьша столько сил, после неудачной недельной охоты? Девитт, да подожди ты! Остановись! Забери свою долю!

Кому они кричат, черт побери! Где этот Девитт? Я ничего не понимал, но продолжал бежать.

Кроме меня и этих двоих, не считая собак, рядом никого не было. Снег хрустел под моими ногами.

Сзади я услышал приближающееся дыхание пса, догоняющего меня. Мне пришлось прибавить, но собака не отставала.

Я не сдамся! Было неприятно думать, что она схватит меня сзади за щиколотку и или того хуже — за ляжку, но это обстоятельство только придало мне дополнительных сил, и я смог прибавить скорость.

Впереди открывался вид на долину, расположенную у подножья холма.

Я понял, что нахожусь на окраине какого-то селения, скорее даже небольшого городка, раскинутого на берегу замерзшей реки.

Дистанция между мною и моими преследователями-людьми увеличивалась. Видимо, они решили не бежать за мной, а предоставить дело псам.

Скорее всего они рассчитывали на то, что собаки набросятся стаей, собьют меня с ног, завалят.

Я понял, что им было все равно — загрызут меня или нет. Мне бы добежать до подножия...

Обороняться на склоне, если ты внизу, очень тяжело. Тот, кто выше — всегда имеет

преимущество, это я знал еще с детства, когда наблюдал, за тем, как мои сверстники играли в «царя горы».

Сам я по понятным причинам играть не мог, мой физический изъян — хромота на правую ногу, делали меня неконкурентоспособным, невыгодным партнером для командных детских игр.

Я не мог быстро бегать, прыгать, взбираться на деревья, кататься на коньках или велосипеде, не мог ходить на лыжах, играть в футбол или лапту.

Здоровые люди не понимают, как много степеней свободы они имеют, обладая полноценными руками и ногами.

Порой простой подъем по лестнице был для меня огромной проблемой — мне приходилось переволакивать хромоту со ступени на ступень, словно тяжелую ношу.

В такие моменты я был неповоротлив и медлителен.

Нет, здоровому человеку этого никогда не понять!

Но я привык. И детское прозвище «Саввка-хромой» со временем перестало волновать меня.

Хотя, даже младшие дети подхватывали эту кликуху, и еще не умея толком выговаривать шипящие иногда по ошибке называли меня «Шавка-хломой».

В таких случаях я молча и грозно сдвигал брови, надвигался на малышню своей хромой походкой, чем приводил их в дикий ужас.

Они с визгом разбегались, исчезали и старались больше не попадаться мне на глаза.

Лишенный возможности играть в детстве, я развил в себе исключительную способность наблюдать, анализировать и видеть то, чего никогда не замечали другие дети.

Например, перед началом любой игры я мог безошибочно угадать, кто будет лидером и за кем пойдут остальные.

Я мог точно предсказать кто будет жульничать, поймут ли хитреца на обмане, и будет ли он бит другими мальчишками, понесшими репутационный, моральный и материальный ущерб.

Я мог наверняка указать какая из команд победит в итоге.

Я видел заранее тех, кому можно доверять за благородство их представлений о мальчишеских чести и достоинстве, и кому не стоило доверять не потому что они были плохими, а потому что такие дети обладали наивной простоватостью, граничащей с откровенной глупостью.

Но все описанные выше чудесные умения жестоко приземлялись и впечатывались в повседневную серость моей жизни тем фактом, что я не мог их реализовать.

Я всегда был вне действия под названием детская игра. Роль непосредственного участника мне заменяла роль наблюдателя.

Сейчас же удивительным было то, что я ощущал совершенно незнакомую невесомую легкость.

Я не бежал — я парил над склоном, если так можно выразиться.

Мне казалось, что законы гравитации отменены лично для меня. Ощущение опасности утраивало удовольствие. Теперь, когда я чувствовал обе свои ноги, мне казалось, что я всемогущ!

Я не боялся упасть.

Адреналин качал в нервную систему уверенность, передающуюся в мои конечности, все получалось на автомате.

Я ловок и силен. Меня это несколько сбивало с толку, но времени на обдумывание у меня не было.

Я сканировал пространство впереди для того чтобы выбрать подходящую площадку для боя.

Вдруг я заметил внизу у подножья странно одетого мужчину, который отпиливал тонкие ветки неизвестным инструментом.

Его тулуп напоминал русский ватник, но кожаной выделки.

И тут я начал понимать, что попал куда-то, где я никогда не был.

Странная одежда людей, пейзаж, форма домов отнюдь не напоминали Россию, где я родился, вырос, выучился на айтишника и пошел работать в музей сисадмином.

Я почти добежал до подножия холма. Мужик в кожаном тулупе нарезавший хворост, не оборачиваясь ко мне поздоровался:

— Здравствуй Девитт, опять охота была неудачной? Я вижу собаки голодны, и вы идете с пустыми руками.

На всякий случай я зыркнул по сторонам, но снова не увидел никакого Девитта.

Два пса бежавшие за мной следом сначала поравнялись со мной, обойдя по бокам, а потом устремились вперед. Я выбежал на лед.

Мне подумалось, что они бегут вперед, чтобы резко развернуться. Хотят набросится спереди, чтобы вцепиться мне в горло, чтобы наверняка завалить меня. Я разгадал их маневр!

Инстинкт подсказал, что мне нужно резко сменить траекторию движения и готовиться принять битву прямо сейчас.

Нужно заколоть жоака! Где он в своре?

Я резко принял влево, перехватил древко выставив острейший наконечник перед собой, остановился, развернулся левым плечом к стае псов.

Ага вот он! Здоровый. Он нагнул голову, шерсть на его загривке вздыбилась. В глазах сверкнула агрессия. Я оскалил зубы в ответ.

И тут произошло неожиданное.

Вожак переводил взгляд с пики на меня, будто оценивая свои шансы.

Затем поджал уши, и, покорно завиливав хвостом, засеменял трусцой в мою сторону.

Он демонстрировал полное подчинение.

Свора с громким лаем пронеслась мимо меня дальше, не испытывая к мне никакого интереса.

Селянин в кожаном тулупе отвлекся от своего занятия и с удивлением наблюдал за моими последними движениями.

Когда я опустил копьё, взятое на изготовку пару мгновений назад, он укоризненно покачал головой и поцокал:

— Девитт, тебе жениться давно пора, а у тебя все еще детство в пердаке играет. — Он посмотрел прямо мне в глаза, но спустя пару секунд вернулся к хворосту.

Последнее грубое замечание вызвало в душе волну желание отдубасить мужика, но в следующее мгновение услышал голос одного из своих преследователей.

— Да парень тронулся умом, видимо. Оно и понятно, потерять отца...

Второй толкнул локтем говорившего, чтобы тот замолчал. Первый осекся. Оба подошли к мужику в кожаном тулупе и пожали ему руку.

— Матиас, будь в добром здравии. Да он, наш Девитт, исчез позавчера. Мы черного

огромного борова-подранка почти загнали на Синюю Косу, вот-вот должны были добить его, а боров как сквозь землю провалился, — мужчины переглянулись.

— Искали часа четыре. Следы есть, кровь есть, а кабана нет. А потом Девитт исчез вслед за зверюгой. День рыскали, обшарили весь Старый лес — тоже всё тщетно. Думали потеряли парня. А он вот выскочил. Только сегодня утром с боковой тропы. Идет и молчит, на вопросы где был не отвечает. А у трактира каааак припустит вниз по холму, только пятки сверкали... Может и правда с потерей отца связано... Такое зрелище не каждый взрослый мужик вынесет, а тут совсем юнец...

— Девитт, сынок с тобой все нормально? Ты не захворал ли? Заходи ко мне, Агата твоей матушке молока и масла отольет, — Матиас обратился ко мне по-отечески, почти ласково.

Все трое с сочувствием посмотрели на меня.

Я растерялся — они принимают меня за кого-то другого.

Вот я попал.

Я посмотрел себе под ноги, ничего не ответил, потому что решил разобраться в ситуации.

Это точно не был сон, слишком детально и явственно предстала передо мной эта иная реальность.

Вскинув пикку на плечо, я развернулся и зашагал в направлении дороги, ведущей к городской ратуше.

Было, о чем подумать. Я посмотрел на свою обувь. На ногах у меня были сапоги из мягкой воловьей кожи наподобие современных уг, но только закрывающие голень до колена.

Они были очень удобны.

Правда, отсутствие рифлёных следов на снегу говорили о том, что в этой местности подошвы изготавливали неизвестным мне способом.

Несмотря на то, что в сапогах мне было тепло, стопа ощущала все неровности снежного наста, иногда вызывая неприятные ощущения.

Я был одет в засаленный тулуп из овчины не первой носки, его вытертая поверхность говорила о том, что он пережил три или четыре поколения разносортных хозяев.

На груди я увидел заштопанную заплату, из-под которой пробивались бурые пятна потемневшей от времени крови.

Ого! Возможно в нём кого-то убили. Удар пришелся прямо в сердце.

Меня позабавила мысль о том, что я ношу одежду, снятую с мертвеца. По правде говоря, я их никогда не боялся.

Похвалив себя за фантазию, я переключил внимание на окружающие строения.

Добротные кирпичные дома с трапециевидными фасадами пытели уютом и теплом через свои дымоходы.

Преимущественно двухэтажные жилища источали ароматы своих домашних очагов. Я представил, как хозяйки домов внутри стен готовят свою стряпню. В целом городок оставлял впечатление милого местечка.

Я пригляделся к людям. Странная одежда, обувь на мужчинах.

Белые передники на женщинах и немаловажная деталь: на верхней одежде у людей отсутствовали карманы.

Я стал осматривать свой тулуп похлопывая себя по бокам, но так и не нашел карманов. Зато обнаружил на поясе красивый охотничий нож с деревянной ручкой.

Люди выглядели так, словно жители селения были родом из другой эпохи.

Может тут фильм снимают? Но ни камер, ни прожекторов с зонтами-отражателями, ни киношных фургонов, как правило, в изобилии присутствующих недалеко от места съемок, не было видно.

Впереди плелась тяжело груженная повозка. Под вязанками хвороста я сумел различить силуэты двух больших бочек. Рядом с повозкой, понуриив голову неторопливо плелся огромный монах.

Я мог поклясться, что ширина его плеч достигала метра, а рост составлял два двадцать или около того.

Казалось, что он занимал больше места на узкой дороге, чем две его лошади, впряженные в телегу.

Я быстро догонял повозку. Поравнявшись с монахом мне почему-то захотелось его подколоть. Это была несвойственная дерзость.

— Батюшка, я вижу в этот раз вы нормально затарились винишком.

Монах остановился, посмотрел по сторонам и убедившись, что нас никто не видит грозно перевел взгляд на меня.

По его глазам я понял, что он размышляет о том раздавить ли меня как клопа прямо сейчас или растянуть удовольствие во времени.

— Не твое дело, псовое отродие! Я сейчас твою башку оторву и насажу ее на пику твоего деда! Тебе мало было отца?

Монах сделал проворный выпад и собирался отвесить мне тяжеленую затрещину, но я успел поднырнуть под его руку и через мгновение оказался впереди телеги. Я продолжал вприпрыжку пятиться, обращенный лицом к повозке.

— Э, полегче батюшка, пупок развяжете, а то «винчик» не довезете до братии. Кстати, вы чудно разговариваете. Всего вам доброго.

— Ты святотатствуешь! Тебе это даром не пройдет, имей ввиду! Ты мне заплатишь, ох заплатишь...

Я развернулся побежал трусцой дальше. Он что-то кричал с спину про клан, про месть. Про то, что неминуемая кара настигнет меня. Но я подумал, что монах явно набрался горячительного из своих бочек перед дорогой и был пьян.

Ещё я пришел к выводу что меня все почему-то принимают за некоего Девицца, у отца которого были очевидные проблемы, возможно с местными попами.

Судя по всему, отца Девицца нет в живых. Это, во-первых. Во-вторых, я совершенно не помню, как я сюда попал.

Что же происходило со мной вчера и позавчера?

Стоп. У меня амнезия?

Я же помню, что меня зовут Савва Филатов, я сисадмин, из Пушкинского музея.

Мне казалось, что я точно помню свой последний рабочий день в музее, предшествующий сегодняшним событиям.

Но совершенно не помнил, как попал сюда.

Я почти добрался до главной башни городской ратуши, когда мои размышления прервал истошный крик женщины с параллельной улицы.

Я пока ее не видел, но слышал, что она кричит о пожаре.

Над моей головой оглушительно зазвонил колокол.

Из лавки у ратуши выскочил мужик лет сорока в одной шапке без верхней одежды и,

свернув налево, бегом обогнул здание храма.

Я бросился за ним.

Могу поклясться, что меня влекло на пожар все что угодно, кроме любопытства.

Я ненавижу зевак и треш-стримеров, спешащих к месту аварий, пожаров, драк ради хайпа или безучастного присутствия.

Я вспомнил про свой телефон. Кстати, где он?

Я бежал в десяти шагах позади лавочника и думал о том, что он оставил лавку открытой без присмотра.

Мы миновали единственный квартал частных строений, и я увидел дом на отшибе метрах в ста пятидесяти от себя.

Из его дымоходной трубы в небо взметалось пламя в два человеческих роста.

Возле дома суетились мужчины.

Один приставил лестницу к крыше, и взобравшись на нее, сбивал языки пламени водой из подаваемых ведер.

Другие таскали ведра с речной водой, набираемой из проруби прямо за домом. Вокруг царил хаос.

Женщины ревели, и, раскачиваясь из стороны в сторону, держались за голову.

Одна безмолвно стояла на коленях, ее плечи тряслись и вздрагивали от немого плача. Лавочник, подбежав к дому истошно закричал.

— Фредерика, где Элайна? Дайте тулуп!

Стоящая на коленях женщина подняла лицо, оно исказилось от непереносимой душевной муки из глаз брызнули слезы.

Она не сумела ответить, слова комом застряли у нее в горле.

Лавочник, не останавливаясь на бегу выхватил предоставленный кем-то тулуп, накинул его себе на плечи и прикрывая дыхательные пути согнутой в локте правой рукой, выставленной вперед, ринулся внутрь горящего дома.

Я отбросил пику в сторону и устремился за ним, но чья-то сильная рука перехватила меня вдоль пояса и увлекла назад.

Из открытой двери, за которой скрылся лавочник меня обдало жаром. Повалил густой сизый дым.

— С огнем отцы воюют, а без отцов дети горюют! Не лезь, стореть всегда успеется...

Я увидел, как окружающие повернулись к тому челу, который меня перехватил и осуждающе посмотрели на него.

Он отпустил меня и отступил на шаг.

— Прости, меня Девитт, я не хотел. Я тебя не сразу узнал в суматохе.

Я зло зыркнул на человека, который просил у меня прощения.

— Бог простит! — Вырвалось у меня из груди. Я посмотрел на дымоход.

Пламя не унималось ни на секунду. Раскалённые кирпичи шипели, а выплескиваемая вода мгновенно превращалась в пар.

— Пена нужна, так не затушишь. У кого-нибудь есть огнетушитель, есть гараж у кого-нибудь поблизости? Почему пожарные так долго едут? — возмущено посетовал я. Некоторые посмотрели на меня недоумевающе.

Я был крайне возбужден. Я видел, что вода не помогает тушить пожар.

Лавочника не было достаточно долго, и я начал испытывать тревогу за него — сквозь окна стало видно, что огонь охватил все внутренние помещения.

"Как назло. Декабрь. Нет дождя! Вот бы сейчас пошел сильный ливень!" досада от того, что не могу ничем помочь прожигала меня. Я посмотрел на небо.

— Дождя бы...

И вдруг сверху словно включили душ. Сильный ливень застучал по крышам и начал хлестать нас по волосам, щекам, одежде. Я рассмеялся.

— Хоба-на! Магия!

Люди вокруг меня переглянулись и отступили на шаг.

По-моему, мои слова показались им странными и я замолк. Я почувствовал какую-то нарождающуюся силу внутри, но не придал ей значения.

Вдруг из открытых дверей из клубов показался полыхающий тулуп, накинутый на голову и плечи лавочника. На руках он нес девушку без сознания.

Я вовремя бросился навстречу, потому что, выйдя из дома, мужчина зашелся раздирающим легкие кашлем. Он сильно ослаб, споткнулся о порог и полетел вперед.

Я успел перехватить обоих, не дав выронить бездыханное тело девушки, завалился на спину.

В следующее мгновение мужчины оттащили нас троих на безопасное расстояние от огня. Стоящая на коленях женщина с воплями бросилась к девушке.

— Элайна! Девочка моя! Какое горе! — женщина, снова рухнула на колени и прижала голову дочери к своей груди. Она раскачивалась, рыдала и причитала. Женщины обступили их со всех сторон.

Зашедшийся в кашле лавочник тоже рыдал неподалёку. Он возносил руки к небу и захлебываясь стоном пытался что-то сказать.

Его речь состояла из обрывков фраз, из которых было понятно, что он и его жена Фредерика потеряли единственную радость в своей жизни — дочь Элайну.

Похоже, что никто не собирался мерять пульс девушке и проводить реанимационные действия. Я встал и направился к Фредерике и Элайне

— Дайте пройти, — попросил я женщин, рвущих на своих головах волосы. Но на меня никто не обратил внимания.

Я почувствовал гнев. Безмозглые идиотки! Я понимал, что нельзя терять ни секунды.

— Расступились бабы! Быстрее, коровы! — я рявкнул стальным голосом так громко и грозно, что две ближайšie женщины вздрогнули, моментально сгорбились и, не оглядываясь, уступили мне проход к центру круга, где лежало тело девушки.

— Все сделали шаг назад! — сказал я тем же тоном. Толпа расступилась и выполнила мое распоряжение.

Я быстро взял кисть девушки в поисках пульса.

Ее мать продолжала реветь, прижимая голову дочери к груди.

— Уведите Фредерику! — меня вновь послушали, женщину подхватили подмышки и оттащили. Она не сопротивлялась.

Повисла гнетущая тишина.

Я рухнул рядом с Элайной на колени и приложил два пальца к артерии на шее. Меня никто не учил этому, но я видел это сотни раз в фильмах.

Пусть я выгляжу смешно со стороны, но я по крайней мере попробую ее спасти!

Мне показалось, что я почувствовал подушечками пальцев очень слабое мерцание сердечного ритма.

Так! Спокойно! Сказал я себе мысленно. У тебя все получится!

В ситуации присутствовал пикантный момент. Мне было необходимо делать дыхание изо рта в рот и провести не прямой массаж сердца.

Элайна была одета в домашнее, и я впервые обратил внимание на глубокое декольте, отрывающее ложбинку между двумя стоячими и красивыми грудями.

Ребра ее были затянуты в кожаный корсет, обхватывающий внизу осиную талию.

Грудь Элайны была упругой. Видимо двочка, приятной округлой формы. Я посмотрел на миловидное лицо девушки, перепачканное сажей.

Я приподнял ее за плечи и одним движением разрезал своим ножом шнуровку корсета на спине.

Пока еще нельзя было сказать с уверенностью была ли она блондинкой. Скорее да, сажа, перепачкавшая волосы, мешала определить их цвет.

Я почувствовал, что меня влечет к ней. Я ощутил, что внутри меня все задрожало. Она была очень красива. Надо спасти девушку.

Я отложил клинок в сторону, вдохнул и начал припадать к ее губам.

Чередуя искусственное дыхание с несильными толчками в грудь в область сердца девушки, пробовал вернуть ее к жизни.

От ее пышных губ шел едва уловимый пряный аромат мяты.

Я не знал сколько раз нужно надавливать на грудь массируя сердце, и как продолжительно нужно выдыхать воздух из своих легких в ее губы.

Но я верил, что мои действия вернут это прелестное создание к жизни. Я делал все это полностью доверившись своей интуиции.

С момента, когда я наорал на плачущих женщин прошло не более пятнадцати секунд. Я заметил, как веки девушки задрожали.

Это придало мне сил, и я начал вдыхать в нее еще чаще и интенсивнее.

Секунд через десять Элайна закашлялась, тело ее встрепенулось, и девушка резко открыла глаза. Кашель быстро прекратился.

Ее глаза встретились с моим, я видел, как зрачки Элайны сузились от яркого света.

В следующее мгновение я почувствовал как ее взгляд, прожег мое сердце, словно электрический разряд.

Боже, она была по-настоящему красива! Я никогда не видел такого притягательного разреза карих глаз, таких чистых и совершенных линий лица.

Элайна снова закрыла глаза. Я испугался того, что теряю ее и снова припал своими губами к ее хорошенькому роту.

Я собрался повторить толчки в сердце, но ощутил звонкий шлепок пощечины. Девушка что есть силы вlepила мне правой ладонью по лицу.

— Деvитт! Негодяй! Что ты делаешь! Гад! Я все расскажу своему отцу, он сделает из тебя отбивную. Слезь с меня сейчас же!

Я расхохотался. Даже слово «гад» в ее устах звучало привлекательно.

В следующее мгновение я взял ее ладонь двумя руками и поцеловал. От ее пальцев пахло дымом.

— Элайна! Я так рад что ты вернулась. Мы все рады...

Я оглянулся, но вокруг нас не было ни души. Я потрясенно посмотрел на девушку.

— Блин...И да, вообще-то я не Деvитт, а Савва. Где все? Куда они подевались?

Я помог встать Элайне. Она ежилась от холода. У дома валялась брошенные ведра и лестница.

Я снял свой кожаный тулуп и накинул ей на плечи.

Снимая верхнюю одежду, я услышал, пробил колокол на ратуше.

— Полдень, — сказала Элайна.

Я еще раз огляделся по сторонам. Кроме нас во дворе догорающего дома никого не было.

Я обратил внимание на то, что ведра были деревянными все вокруг казалось не современным. Меня терзали смутные сомнения.

— Элайна, не пойми меня превратно. Подскажи, какой сейчас год на дворе?

Ответа мне услышать не удалось.

Элайна с тревогой всматривалась мне за спину.

Я обернулся и получил мощный удар в челюсть...

Потеряв сознание от правого прямого в челюсть, который мне нанес Бартель Тиельманс — тот самый монах с дороги, везший вино в своей повозке, я не увидел, как местные снова появились во дворе горящего дома.

Очнулся я от того, что на меня окатили двумя ведрами ледяной воды.

Руки мои были закованы с браслеты с цепями, подвешенными к потолку.

Я висел на них обнаженный по пояс и судорожно глотал воздух, придя в сознание.

Осмотревшись по сторонам, я вспомнил, что со мной произошло во дворе Ван Дейков. Челюсть ныла в желваках, голова гудела словно пчелиный рой.

В помещении было довольно прохладно, и я чувствовал легкий озноб.

Двое мужчин, одетых в шерстяные монашеские балахоны, сидели за кафедрой напротив меня, перед ними лежали листы бумаги, чернильницы и гусиные перья.

Один из них, довольно грузный, держал на животе руки, с толстыми, словно сардельки, сложенными пальцами.

Второй — его полная противоположность, очень худощавый жердья с длинным и глуповатым лицом.

Оба имели выбритые блестящие макушки, как у средневековых католических монахов.

В углу в затенённой части помещения я увидел огромный силуэт Тиельманса.

Он стоял в тени, сложив руки на груди. Не далеко от меня стоял человек в красном колпаке с прорезями для глаз, натянутом на лицо. Он прятал руки за спиной.

Монахи молча смотрели на меня.

— Э-э-э, вы что, серьезно? Ну-ка быстро освободите меня! Пошутили и хватит...

Никто из присутствующих не отреагировал на мои слова.

— Ребят, камон, вы что прикалываетесь? — я дернул наручи и цепи негромко звякнули.

— Не, ну супер! Мне понравилась ваша реконструкция, очень круто! И костюмы, и пейзаж — натуральные. Но я советую вам в следующий раз хотя бы огнетушители под рукой иметь, так ведь и сгореть можно. По-настоящему! Вам же несчастные случаи не нужны?

Все четверо продолжали слушать. Это обстоятельство начало выводить меня из себя.

— Вы что оглохли? Мне больно рукам в запястьях! Эй ты, ку-ккус-клан в красном, — обратился я тому человеку, который стол ближе всех ко мне, — давай, доставай ключик, что ты там прячешь за спиной? Отстегивай! Мне холодно!

Красный колпак повернулся к одному из монахов за кафедрой, но тот сделал упреждающий жест выставленной вперед ладонью, который, видимо, означал «терпение, подожди».

— Девитт Ланге? — спросил меня один из них. Монахи уставились на меня. Я помолчал.

Мне впервые в жизни хотелось сплюнуть под ноги от досады, но я сдержался.

Человек в красном колпаке достал из-за спины металлические клещи с длинными ручками, губки которых были раскалены до красна.

Он поднес их к моему обнаженному соску и посмотрел вопросительно на монахов. Медлить было нельзя.

— Стоп, стоп, стоп. О`кей! Я все расскажу, уберите эту хрень от меня, — я покосился на клещи, толстый монах приказал жестом убрать клещи. — Ребят, я никакой не Девитт Ланге.

Меня путали с ним с самого начала. Хрен его знает почему. Я Савва Филатов, работаю в Москве, искусствовед из Пушкинского музея, недавно закончил один из лучших ВУЗов. Не помню, как попал к вам на реконструкцию, но видимо, я должен быть в ваших списках.

Я считал, что звучу для них убедительно.

— Вы же не раздаете реквизит первому встречному? Значит я свой, поищите в списках Филатова. Еще, вот этот — я кивнул в сторону гиганта Тиельманса, — видимо, снял с меня часы. Это воровство. Мы не будем ментов вызывать? Прошу вернуть. Они мне очень дороги как память. Проверьте его кошель! Если у вас тут с Деви́ттом какие-то разборки, то я ни при чем! Я очень аккуратен в деньгах и в жизни мухи не обидел. Да и вот ещё. Ребят, извините, но ваши методы... — я подобрал слово — устарели. Если вы не заметили — на дворе две тысячи двадцатые годы. Не девяностые.

Монахи продолжали молча смотреть на меня. Я огляделся и увидел на полках книги в кожаных переплетах.

На корешках виднелись названия на латинице. Я сумел прочитать два. «Holly Bible» и «The true story of Thyl Ulenspiegel». Библия и Правдивая история Тиля Уленшпигеля.

Меня осенило. Слава Богу! Передо мной образованные люди. Иностранцы. Они просто не говорят по-русски.

— Хэлоу! Ду ю спик инглишь? Зе Ландн из кэпитал оф Грейт Британ! — монахи переглянулись, а потом с надеждой посмотрели на меня.

Хоть что-то, а то устави́лись как бараны. Я не знаток английского, но пару слов связать могу, спасибо матушке, водила на курсы — Соу, май нейм из Савва Фи-ла-тофф, ай эм нот Деви́тт Ланге. Ит из мистейк! Андерстанд ми? Один из монахов кивнул.

Я растянул свою фамилию по слогам, мне казалось, что так они лучше поймут, что я не Деви́тт. Я остался доволен произведенным эффектом и улыбнулся во всю ширину, на которую был способен.

— Плиз опен зис. — я снова потряхнул своими металлическими браслетами. На мою просьбу полный монах зевнул и нарушил молчание.

— Ну тут дело, ясное. Пора идти на обед. Вот брат Бартель очень кстати вино привез — вовремя.

Монах похлопал по толстому пузу. Я опешил.

— В смысле ясное? — негодуяще переспросил я говорившего.

— В прямом смысле ясное, — его тон граничил с грубостью, он с вызовом посмотрел на меня. — Дело ясное! Одержимость! При этом бес сам признался, что вселился в несчастного Деви́тта Ланге. Интересный случай, братья, такое редко бывает!

— Э, подождите, вы все это время понимали меня и молчали? Вот вы уроды! Почему вы молчали? — я очень гневался на этих двоих. Мне стало очень неприятно от того, что они водили меня за нос.

— В отличии от тебя, юноша. Мы обладаем способностью слушать и слышать. Помолчи, тебе голоса не давали. — Он безразлично посмотрел на мои руки в кандалах.

— Запишем сейчас или после обеда? — спросил у него второй худосочный монах.

— Давай сейчас, пиши под мою диктовку. — толстый встал из-за кафедры. Он оказался маленького роста.

— Прошу прощения, Падре, что перебиваю. Мне клещи остужать или они нам еще понадобятся? — спросил красный колпак.

— Думаю, пока не понадобятся. Видишь, бес смиренный и покорный. Остужай. Итак,

пиши: — он переключился на писаря. — Именем Святой Инквизиции, Римской-католической Церкви, Папы Льва X(десятого) слушалось дело горожанина свободного города Розенлаарь Графства Фландрия Девитта Ланге, сына Фааса, девятого декабря одна тысяча пятьсот пятьдесят третьего года. В присутствии четырёх свидетелей, — монах посмотрел на палача, — нет, пиши все же в присутствии трех свидетелей.

Затем продолжил.

— Девитт Ланге, подозреваемый в ереси, в святотатстве, в использовании магии оправдан.

У меня отлегло от сердца. Толстый тем временем продолжил.

— Вместе с тем, высокой комиссией при наместнике Великого Инквизитора установлено, что в тело гражданина Графства Фландрия Девитта Ланге, сына Фааса, вселился бес, именуемый себя Савва из Филл, возрастом две тысячи двадцать лет или около того. Бес признался, что святотатствовал и творил великие беззакония на территории Московии, в Англии и французской Бретани. Взывал к разуму, используя латинское слово «мент». Клеветал на брата Бартеля Тиельманса, обвинял последнего в воровстве песочных часов. Комиссия постановляет провести процедуру изгнания беса — экзорцизма завтра утром. В случае, если процедура будет признана неудачной — совершить очищающее сожжение Девитта Ланге в полдень того же дня на городской площади в присутствии горожан, монашеской братии и представителей Святой Инквизиции.

— Вы охренели братья? Вы кого собрались сжигать, за что? За то, что я вам правду сказал? Вы ополоумели? Какой такой одна тысяча пятьсот пятьдесят третий год? Какая такая Святая Инквизиция? И Папу вашего сейчас зовут не Лев, а Франциск. Сейчас две тысячи...

Я осекся. А если это правда? Окружающая меня реальность совсем не была похожа на двадцать первый век.

Толстый монах ничего не ответил, зато Бартель Тиельманс подошел ко мне вплотную, взгляделся в мои зрачки и медленно произнес.

— Бес монаху не брат, дьявольское отродье. Не клевети на наместника Бога на земле преподобного Папу Льва десятого! Я тебя предупреждал, что ты мне заплатишь, я тебе обещал твою голову на пику насадить. Так вот знай, честный монах Бартель Тиельманс слов на ветер не бросает.

Я решил, что сейчас мне лучше промолчать и обдумать услышанное. Он проверил крепость цепей и наручей и рассмеялся.

— Молись или как там у вас у бесов принято, все равно тебе ничего уже не поможет. Мы вытряхнем тебя на белый свет, нечисть!

Затем он развернулся, и, трое монахов и палач покинули помещение для допросов и пыток.

Я был шокирован и, признаться, подавлен. Все что они говорили походило на правду. Факты говорили сами за себя. Исчезновение хромоты, вывеска на голландском, странные одежды, и, наконец, настоящее удушьё девушки, спасенной мной, говорили о том, что это не реконструкция.

Эти люди были настоящими. Допустим, я понимаю их язык, допустим все вокруг реальное. Но каким образом я попал в тело этого чувака. Я умер? Кто я? Мне нужно зеркало. Я помню, как я выгляжу внешне.

Я не понимал, что со мной происходит. Может я сошел с ума и попал в одну из картин,

которые так долго изучал? Но это невозможно по определению. Или возможно?

Я убежденный материалист с научным мышлением, я не верю во всякие бредни про порталы во времени.

Так же как не верю в переселение душ и все такое.

Через секунду дверь темницы со скипом распахнулась, и троица вошла обратно. За ними следовали два хорошо одетых горожанина.

— Вот он барон! — один из вошедших мужчин, приблизился ко мне на расстояние двух шагов, смерил меня взглядом с ног до головы, внимательно осмотрел мои наручи и спросил:

— Узнаешь меня?

В его голосе чувствовалась харизма и твердость. Судя по всему, сорокалетний барон совсем не боялся бесов. Это шло вразрез с моими представлениями о средневековых людях. Я отрицательно покачал головой.

— Нет.

Вельможа обратился к толстому:

— Преподобный, представьте меня одержимому!

Монах поторопился выполнить поручение.

— Его милость, барон Виллен Ван Туйль! И его единокровный брат рыцарь ордена Савла — Сталлен Ван Туйль.

— Очень приятно, Савва Филатов, я сегодня главный местный бес, по совместительству искусствовед Пушкинского музея. — съязвил я в ответ и склонил голову. Барон мне ничего не ответил, повернулся к монахам.

— Да, вы правы он одержим. Выглядит как Девитт, но это не он. В него кто-то вселился. Но не помню ни одного случая, чтобы бес откровенно признавался без пыток в своем существовании. А может он сошел с ума?

— Я вас умоляю, он вполне в своем уме! Хитрый прохвост. Он умеет считать, ему больше двух тысяч лет. Сейчас мы проведем небольшой опыт.

Толстый отошел к книжным полкам и снял толстенный том. Я успел прочесть название «Algebra»

— Смотрите, ты умеешь считать? — Аббат обратился ко мне, открыв таблицу в которой были напечатаны суммы простых чисел.

— Ну допустим.

— Сколько будет два плюс пять?

— Семь

— А двадцать плюс тридцать?

— Пятьдесят

Аббат хитро посмотрел на меня затем на барона.

— А сорок пять плюс сорок четыре?

— Восемьдесят девять

Последний ответ поразил словно гром среди ясного неба всех присутствующих. Видимо, они не умели складывать в уме.

А еще что-то вякают про нашу школу и систему высшего образования. Да тут люди дважды два не умеют помножить.

Еще некоторое время монах предлагал мне складывать, вычитать, умножать и делить составные и простые числа без дробей.

Сначала я потешался их откровенно-опешивающей реакции — они так искренне поднимали брови, открывали рты в восхищении, что мне было смешно. Но затем мне это порядком надоело, и я сказал:

— Так, господа. Если вы хотите, чтобы я и дальше работал для вас счетной машинкой, то давайте отстегивайте меня и принесите мне одежду.

Барон с интересом смотрел на меня.

— Да, любопытный случай. Ни разу не ошибся. Ученый бес! Мы можем переговорить наедине?

Толстый мгновенно среагировал будто бы ждал этого вопроса. Он захлопнул книгу и обратился к монахам

— Оставьте нас, идите обедать, я скоро к вам присоединюсь.

Барон обратился к своему брату, который молчал все это время с такой же просьбой. Когда все вышли, толстый хлопнул в ладоши и потер их в предвосхищении хорошей сделки.

— Итак, барон...

— Я беру его в аренду на неделю. Что вы хотите за это?

— Я хочу как обычно, плюс Иоланду на месяц!

Я вмешался в их торг

— Э, я вам не квартира и не машина, вы кого в аренду собрались брать? Я не согласен!

— Заткнись! — грубо рявкнул монах — Тебе слова не давали! Будешь выеживаться — позову палача, он тебе разом соски открутит!

— Продолжайте барон, вам приемлемы мои условия? — монах улыбнулся барону.

— Он действительно воскресил дочь лавочника Филиппа Ван Дейка?

— Да! Множество людей подтверждают этот факт. Она была совершенно мертва, когда отец вытащил ее из горящего дома. Огонь — дым столбом ...Вы же знаете, барон, как это бывает при пожаре. Нет основания не верить. Я мог бы принять эти рассказы за деревенские бредни, но брат Бартель Тиельманс видел все это своими глазами. А ему врать нет резона. Вы же знаете, Бартель человек чести. Понятно же чей он брат по крови? Бес Савва воскресил девушку.

— Я беру его на неделю в аренду. Вино и солонину я выделю завтра, присылайте Бартеля с повозкой. С Иоландой я так решил: вы ее получите только после того, как он вылечит мою мать. А вы уж постарайтесь его убедить. Девчонку я предоставлю не на месяц, а на одну ночь. За месяц вы с вашим темпераментом затрахаете мою кухарку до смерти! Девка она молодая, мне ее еще замуж выдавать.

Аббат улыбался, и, сложив руки перед грудью, постукивал подушечками пальцев кистей друг о друга в предвкушении удовольствия.

— Я согласен. — Он обернулся ко мне. С его лица сошла улыбка и я почувствовал колючий взгляд аббата — Так, любезный бес Савва, теперь слушай меня. Ты отправляешься в гости в замок барона.

Он поднял подбородок

— Если ты вылечишь его матушку от чахотки, то я отпущу тебя на все четыре стороны, правда, в этом случае, ты должен будешь покинуть графство Фландрия до заката и больше здесь никогда не появляться. А если не вылечишь, то я сначала откручу тебе раскалёнными клещами соски, потом яйца, потом язык. Выколю глаза. Потом я переломаю тебе руки и ноги и брошу на бойню, где миллионы опарышей будут жрать твою живую плоть, а когда они дойдут до мозга, я сожгу тебя прилюдно на площади. Ты все понял?

Невеселая перспектива меня ожидала. Но к своему удивлению слова аббата меня не испугали. Я размышлял о том, что теперь у меня есть целая неделя, для того чтобы что-нибудь придумать.

— Я тебя спрашиваю, ты хорошо меня понял?

Я кивнул в ответ.

— Да, преподобный Аббат, я все понял и согласен на ваши условия.

— Твое согласие никто не спрашивает, будешь делать то, что тебе велят. Для тебя я
Аббат Петрус II.

— Как? Петрус?

Я хотел позлить этого хама.

— Что смешного?! — монах поймал промелькнувшую на моем лице улыбку

— Нет ничего смешного, я уверен ваши предки берут начало в древнем и благородном роду. Я улыбнулся вашему имени, у меня был друг Петрус — соврал я. Пока ситуация поворачивалась в нужную мне сторону. Монах еще очень пожалеет. Я уже знаю на что он реагирует. Значит я смогу ими управлять.

Монах подступил вплотную его лоб почти касался моего подбородка.

— Бес монаху не друг! И не вздумай бежать. Тебя обязательно поймают и к перечисленным ранее экзекуциям я добавлю расплавленного свинца, который вольют тебе в желудок через глотку. Ты все понял?

— Да, Аббат Петрус II Дрище. Я все понял про экзекуции и расплавленный свинец. А часы мне вернут, когда я вылечу матушку уважаемого барона?

Аббат лихо развернулся на пятках, ничего не сказал про часы и выразил мне свое презрение междометием

— Пффф.

Затем он сложил руки на пояснице и обратился к вельможе

— Пойдемте барон, время трапезы. Беса доставят вам в замок сразу после обеда.

Я проводил этих двоих взглядом с улыбкой. В моей голове уже созрел мощный план.

Если монастырь, аббатство и приказ наместника Великого Инквизитора находились за западными пределами Розенлааря в долине на мысе Гарнаал, то замок располагался у подножия скалистой гряды Цецей.

Меня доставили к надворотной башней на телеге двое монахов. Ворота замка были заперты и нам некоторое время пришлось ожидать пока их отопрут.

Перед отправкой в замок с меня сняли наручники, аббат взял с меня слово, не оказывать сопротивление монахам, не пытаться бежать, всячески способствовать и подчиняться барону. Естественно, что я пообещал выполнять все требования Петруса II.

Меня немного удивило такое доверие к словам одержимого бесом, с другой стороны я понимал, что моя жизнь находится в руках аббата и барона.

Я не считал разумным отказываться от предложенного или выставлять свои условия.

Моя задача выиграть время и справиться с ситуацией. Я не очень верил в то, что меня отпустят. Но провести неделю в замке барона по-любому лучше, чем проходить сеанс экзорцизма с последующим очищающим сожжением.

По дороге я порядком замерз, хоть мне и вернули мою одежду. Мне пришлось поделаться зарядку чтобы согреться, пока мы ждали встречающих из замка. Монахи молча наблюдали за мной, хотя мои действия вызвали у них явный интерес.

Видимо, им было приказано хранить молчание. А может быть они приняли обет молчания. Запрета на разговоры и общение мое обещание не включало.

Я пытался поговорить с ними по дороге о погоде, природе и местных порядках, но после пары безуспешных попыток оставил эту затею.

Через некоторое время тяжёлые ворота замка распахнулись навстречу нам вышло четверо стражников с пиками, облаченных в сверкающие хромом доспехи

Они напомнили мне испанских конкистадоров. Их пылающие взоры говорили о том, что они готовы драться, если возникнет такая необходимость.

Стражники шли квадратом. Когда первые двое из них поравнялись со мной, один из монахов подтолкнул меня в центр прямоугольника.

Бойцы барона обратились ко мне лицом. Они разглядывали меня, и, видимо, не найдя в моей внешности ничего необычного немного успокоились.

— Пойдешь с нами. И давай, без глупостей — мы проткнем твою шкурку насквозь при любом неверном движении. От тебя требуется повиновение. Будешь соблюдать порядок — останешься цел и невредим. Договорились? — обратился ко мне один из них, судя по голосу он был старший.

— Договорились.

— Тогда пошли.

«Хрен тебе на воротник, а не повиновение», — подумал я про себя, но никак не показал это внешне. «Сейчас, конечно, я быковать не буду, но позже ты пожалеешь о своем высокомерном тоне».

Двое стражников обступили меня сзади, а двое пошли чуть впереди. Они больше не смотрели на меня и решил разглядеть, монахов, оставшихся за спиной.

Я развернулся на ходу и помахал им рукой на прощание. Монахи продолжали стоять,

провожая нас взглядом. Они никак не отреагировали на мой жест.

Я посмотрел на одного из стражников, идущего за мной справа.

Это был молодой парень примерно моего возраста или чуть старше. На вид ему было лет двадцать-двадцать пять, не больше. Что-то в его внешности показалось знакомым, но я не понимал, что именно.

Я мог поклясться, что он весело подмигнул мне. Это не прошло мимо внимания второго, который строго зыркнул на подмигивающего. Парень сделал вид, что смотрит мимо меня вперед.

Мы прошли в ворота, внутренняя структура замка представляла из себя систему запутанных строений, возведенных в разное время.

Это считывалось по разнообразию форм и материалов стен и контуров домиков.

Внутри было довольно многолюдно. По улицам ходили люди, некоторые выглядывали из окон, разглядывая меня, ведомого стражей. За нами бежала ватага ребятишек в тулупчиках, шапочках и варежках и кричала:

— Ведут, ведут! Одержимого Девитта ведут!

Я понял, что прежде чем я попал в замок, я получил прозвище, от которого будет трудно отмыться. При этом я не чувствовал в их взглядах агрессии.

Некоторые смотрели на меня с сочувствием, другие с просто с симпатией или любопытством.

Встречающиеся молодые девушки по большей части улыбались мне, одна даже бросила мне засушенную розу и громко поприветствовала:

— Привет, красавчик!

Стражники грозно посмотрели на нее и гаркнули чтобы она убиралась с дороги, но она нисколько не побоялась ратников.

Меня это удивляло и смущало. Во-первых, меня никто и никогда не называл красавчиком, во-вторых, у меня было иное представление о том, как средневековые люди относились к бесам и людям одержимым потусторонними сущностями.

Мне казалось, что, будучи пленниками своих религиозных предрассудков, люди в шестнадцатом веке боялись и ненавидели бесноватых.

Жители замка напротив — оказывали мне почти теплый дружеский прием, как говорили раньше. Не хватало красной дорожки, оркестра и почетного караула.

Моя уверенность в том, что вся эта история с экзорцизмом и инквизицией закончится хорошо укреплялась до тех пор, пока я не увидел череп, обтянутый высохшей кожей, нанизанный на длинную пику в центре замковой площади.

— Блин, кто это был? В чем провинился этот бедняга? — вырвался у меня вопрос.

— Ганс. Это был одержимый Ганс. В него тоже вселился бесьяра, как и в тебя. — безразлично ответил старший, который требовал от меня повиновения.

— А что экзорцизм не помог? — я покосился на плохие зубы Ганса.

— Этого мы никогда не узнаем. Барон велел обезглавить бесноватого, когда был не в настроении. А он всегда не в настроении, когда выпивает вина.

— И часто он пьет?

— Каждый день. Исключение — март и апрель, месяцы, когда идет Великой Пост.

Я призадумался. Надо признать, что перспектива быть казненным по пьяни меня не очень-то и радовала.

Я вспомнил, что, когда писали протокол или заключение для инквизиции Аббат

сообщил, что сегодня девятое декабря, а значит мне нужно дотянуть практически три месяца до трезвого периода жизни барона.

Задача не из легких. Но я не привык сдаваться. У меня в голове созрел план. Дальнейший путь до палат барона я проделал молча, обдумывая его.

Меня привели в большую залу, которая видимо имитировала монархический зал приёмов, но несколько меньших масштабов.

Барон, не чурался считать себя царьком и у противоположной входу стены с окнами на возвышении стояло большое кресло символизирующее трон.

Слева от трона стоял письменный стол, за которым восседал то ли писарь, то ли управляющий хозяйством, имеющий достаточно высокий статус для того, чтобы, взглянув на нас мельком, пренебрежительно отпустить стражу.

Он единожды, без слов махнул тыльной стороной ладони, словно отмахиваясь от назойливой мухи, и охрана, поклонившись, развернулась на пятках и поспешила удалиться.

Перед тем как выйти из помещения, подмигивающий мне стражник успел прошептать фразу, значение которой я понял не сразу.

— Спасибо за сестру!

Так состоялась наша первая встреча с Себастианом Ван Дейком, ставшим впоследствии мне близким другом и соратником.

Воины строем вышли из помещения, и я остался один на один с человеком за столом. Он продолжал писать что-то гусиным пером, не обращая на меня внимания, когда в дверь трижды постучали.

— Заходи! — проговорил человек за столом.

Писарь-управляющий был одет в бархатный темно-синий камзол.

Поглощающая дневной свет ткань, казалась приятной на ощупь. На бедре красовалась шпага с золоченым эфесом, видимо подчеркивающая его особый статус.

Я заметил, что стражники не имели на поясе иного длинного клинкового оружия, кроме коротких кинжалов.

Я обернулся к двери. В помещение быстрым шагом зашел гонец. Он подошел к столу и протянул свиток.

— Кассельхолдер, послание барону из Ватикана.

Гонец заметно нервничал, он протянул бумагу дрожащей рукой.

Так. Кассельхолдер — держатель замка, вроде так переводится. Значит человек сидящий за столом управляющий, я не сильно ошибся.

Я был уверен, что подружусь с ним. Он очень влиятелен в замке, если стража безоговорочно терпела пренебрежительное отношение, а на гонце нет лица — он его панически боится.

Достаточно было посмотреть на кассельхолдера, чтобы понять, что все население и распределение ресурсов в замке подчинялись ему непосредственно.

Кассельхолдер не удостоил гонца взглядом.

— Читай!

— Послание Его Высокопреосвященства Кардинала Папской области Лоренцо Кампеджо барону Виллену Ван Туйлю.

Милостивый барон. Его Преосвященство не может удовлетворить ваше прошение, по причине мизерных взносов в казну Римской Католической Церкви. Однако, если взносы

будут увеличены до десяти тысяч дукатов ежемесячно, мы сможем рассмотреть прошение повторно.

Надиктовано, но не читано секретарю Его Высокопреосвященства Кардинала Папской области Лоренцо Кампеджо

— Это всё. На печати читать? — гонец имел придурковатый вид.

— Нет не надо читать печать, ты же не идиот. Эти чинуши совсем совесть потерять. Их интересуют только деньги! Обнаглели. Десять тысяч дукатов! — кассельхолдер отложил перо, — Если бы поместье давало бы такой доход, то на эту сумму я смог бы купить триста тридцать три лошади или вооружить небольшую армию! Не, ну я понимаю, если бы они затребовали пятьсот... Пять сотен дукатов в год куда ни шло...Надиктовано, но не читано. Ушлепок!

Я внимательно слушал сидящего за столом. Я сделал вывод, что управляющий неплохо считает в уме, и, что лошадь стоит около тридцати дукатов. В отличии от монахов он не заглядывал в арифметические таблицы.

Он не стеснялся при мне клясть шишку из Ватикана, и это тоже не вполне соответствовало моим представлением о репрессивном аппарате инквизиции шестнадцатого века и атмосфере страха, царящего в обществе.

— Оставь послание на столе и иди. Я тебя вызову, если ты мне понадобишься. — сказал кассельхолдер гонцу, не отрываясь от письма.

Когда тот вышел, управляющий посмотрел на меня и встал из-за стола. Он был среднего телосложения, под камзолом угадывалась ладная фигура.

На вид управляющему исполнилось лет тридцать не больше. Хорошая карьера для относительно молодого человека. Хотя кто знает, может в те времена он уже считался стариком?

— Что скажешь бес? — кассельхолдер обратился ко мне.

— Господин ..., не знаю вашего имени.

— Интересное начало, — управляющий гоготнул. — Называй меня Аарт.

Я не очень понимал причин его веселья.

— Господин Аарт, прежде всего я хочу сказать, что я вижу в вас человека чрезвычайно образованного, я надеюсь вы меня поймете — я не бес.

— Да? И кто же ты? — Аарт Ван дер Саар, иронично улыбнулся, присел на краешек своего стола вполоборота ко мне, свесив правую ногу приготовился слушать мой ответ. По всему было видно, что он испытывает любопытство. Его глаза горели интересом.

Я понял, что это редкий случай и надо пользоваться возможностью.

— Я не бес, — повторил я, — я, странствующий во времени, знаток картин и художников.

— И все? Только странствующий во времени? — кассельхолдер улыбался во всё лицо, я не считывал в его мимике агрессии и это успокаивало меня немного, — разве ты не воскресил Элайну поцелуем? Знаешь, мне рассказали, что идиота монаха Бартеля это вывело из себя. Он и так не отличается умом, а тут он вообще обезумел. Он давно положил глаз на эту девицу. Что скажешь, он тебя оболгал? Она ведь несказанно хороша. Это правда. Всё дело в ревности?

Было не понятно верит ли он мне или прикалывается. Я хотел было объяснить ему, что я из другого времени, но решил, что он все равно будет сомневаться в моих словах. А мне важно заполучить его доверие.

— Господин Аарт, я должен вам сказать, что я обладаю некоторыми навыками оказания первой медицинской помощи.

— Ты чудно говоришь, вроде все понятно, но что значит медицинской?

— Да, верно. Я имел ввиду лекарской. Это одно и тоже слово. В местах где я родился, лекарей называют медиками.

— Девитт, уймись, хватит валять дурака. Я все понимаю, но перестань выдумывать слова, ты родился Розенлааре и здесь испокон веков лекарей называли лекарями. Или ты вправду потерял разум и память? — Он подошел и хлопнул меня по плечу.

Мне было сложно что-то ответить. По разговору я понял, что Девитт являлся приятелем Аарта.

Но я не тот, за кого меня принимают, и если я начну врать, что я Девитт, то меня быстро раскусят на мелочах типа медика.

Нужна была правда. Но эта правда не устраивает ни меня, ни Аарта.

Придется говорить полуправду, а этого я терпеть не мог. Но мне другого ничего не оставалось.

— Аарт, слушай, короче такое дело. Я заблудился на охоте, мы гнали раненого кабана. Он набросился на меня, я очень перепугался. Я прятался три дня, и, если честно, я ничего не помню. Ни где я живу, ни как зовут мою матушку, ни что произошло с моим отцом. — Я сделал паузу заметив, что при упоминании отца Аарт помрачнел. — Меня пытали, точнее собирались пытать в приказе Инквизитора, и я рассказал им все, что они хотели от меня услышать.

— Ты реально не помнишь, что я твой кузен? — вот это поворот, я неожиданно обрел сильного союзника. Я отрицательно покачал головой. Аарт продолжил.

— Ты реально сказал монахам, что можешь вылечить Хендрику, мать барона Виллена? — он явно потешался ситуации. Я парировал.

— Ты чувствовал когда-нибудь жар раскаленных клещей палача под носом? Меня не особо спрашивали. Я был вынужден согласиться с их условиями. Что мне оставалось делать? Они сказали, что меня ждет процедура экзорцизма, а затем очищающий огонь.

Кассельхолдер встал подошел ко мне с траурным выражением лица, обнял, потом пытливо заглянул в глаза. Отступил, и издевательски хрюкнув, весело расхохотался.

— Да ты гонишь! — нахмурившись я отреагировал на московском сленге. — Никакой кабан в меня не вселялся! Вот ты скотина!

— Вот теперь узнаю своего кузена Девитта! Теперь понимаю, что в тебя вселился не кабан, а маленькая хрюшка! — он пискляво хрюкнул еще раз. Мне стало смешно, и я рассмеялся вместе с ним.

— Так и быть я тебе помогу, бедолага!

— Я тебе так дорог?

— Нет конечно, на хрен ты мне нужен! Шучу! — он продолжал искренне улыбаться. — Конечно дорог! Ты помнишь про наш клан?

Я отрицательно покачал головой.

— Девитт, какой бы ты не был сумасшедший или одержимый, ты всегда можешь рассчитывать на меня как на себя! Я не забыл, то добро и тепло, которое мне дали твоя матушка и отец! Я не забыл, что мы выросли вместе.

— Если я тебе так дорог, то можешь выплатить мне деньгами.

— Хрен тебе, ты и так мне должен один дукат золотом.

— Что будем делать с моей памятью?

— Ты помнишь, как в прошлом году мельник пьяный навернулся с мельницы, долбанувшись головой об лед?

Я смотрел на него непонимающими глазами.

— Ах-да! Ты ни хрена не помнишь! Короче, перед прошлым Рождеством мельник Шантал упал и на три месяца потерял память. Потом потихоньку все вспомнил. Пока ты в замке, тебе ничего не грозит. Только постарайся не наделать глупостей. Как ты собирался лечить матушку братьев Ван Туйль? — его глаза снова озорно сверкали.

Я пожал плечами

— Ну сначала надо взять анализы, потом поставить диагноз, подобрать методику лечения, но на это понадобится время...

Мои слова привели Аарта в полнейший восторг, хотя я не был уверен, что он понял половину слов.

— Отлично! Говори непонятными словами, тяни время, как только можешь. У меня такое чувство, что старуха отбросит коньки со дня на день. У меня есть идея! Раз ты у нас бес особенный, бес-воскреситель, то мы поедем с тобой в Ватикан!

— В Ватикан? — переспросил я удивленно.

— Да, в Ватикан! Мы поедем улаживать дела барона, он хочет расширить поместье, хочет больше земель и крестьян, а заодно и решим твою проблему. Мы пробудем в дороге достаточно долго, для того что бы тебя здесь позабыли, а ты восстановил память.

— А зачем барону больше земель и крестьян? Насколько я понял дела у него идут не блестяще он и этих крестьян, и горожан с трудом содержит, раз Ватикан ссылается на маленькие взносы в казну.

— Э-э-э, брат! Тут все очень сложно. Раньше поместье давало хороший доход, плюс барон вернулся с последней войны с богатой добычей. Десять возов с золотом и серебром. Он даже новую бабу себе привез — маркизу Дария. Красивая не описать! Огонь! Дочь испанского герцога Альба! От нее у барона Вилена поджилки трясутся!

— Она его жена?

— Какой там! Он даже взглянуть на нее не смеет, не то чтобы пальцем тронуть. Понимаешь?

Я неопределенно пожал плечами

— Пока не очень. Дария эта — добыча? Наложница? Почему взглянуть не смеет?

— Потому рылом и поместьем не вышел. Она его презирает. Ему нужен статус свой прокачать, хотя бы до уровня маркиза. А для этого нужно много-много денег, земель, замков, крестьян, власти.

— Ну ты говоришь — поместье давало доход барону, что не так?

— Последние два года жуткий не урожай, дичи в лесах совсем не стало. Мы, конечно, не голодаем, но еще один такой год и нам труба.

— А телеги с золотом?

Я видел, что вопрос расстроил Аарта. Он опустил голову, но ответил.

— С телегами и золотом полная хрень вышла. Я уговорил барона снарядить галеон в Мексику. Все по началу шло хорошо, но эти суки англичане... Ненавижу! Бритты потопили его на обратном пути у берегов Малаги, забрав весь хабар себе. Будь они прокляты! Твари! Ненавижу!

— Всё потеряли?

— Осталось еще немного, но барон тратит как не в себя, он пытается нравиться Дарии, с такими темпами мы скоро разоримся и залезем в долги.

— А что эта Дария?

— Она брат...здесь как богиня. Когда проходит мимо, словно не шагает, а по воздуху плывет...Представляешь? — мне показалось, что Аарт немного покраснел.

— Представляю, но никак не пойму, чего она сама хочет.

Уж не влюблен ли ты в нее?

Он посмотрел на меня исподлобья и подмигнул. Затем строго продолжил.

— Влюблен или нет, не имеет значения. Ты держи язык за зубами. Никому не слова про это. Нам быстро языки поотрезают, если барон прознает про такие разговоры про нее. Я знаю, чего она точно не хочет.

— И чего же?

— Она не хочет замуж за барона

— Так он ее вроде не заставляет... И вообще, что мешает ей послать его и вернуться домой?

— Она заложница. Наш барон ссудил герцогу Альба половину своих трофеев с последней войны. Обозов было двадцать. Семья Дарии должна или вернуть деньги, или выдать ее замуж, если барон станет маркизом. У Альба дела все хуже и хуже. Герцог весь в долгах по уши. Что касается Дарии, то ее отец уже и не надеется ее вернуть. Совсем перестал писать ей письма. А они все через меня проходят. В последних он прям принуждал ее согласиться на условия барона.

— А она?

— Нет такого закона, который заставил бы дочь герцога выходит замуж за барона. За маркиза или другого герцога папаша мог бы принудить за милое дело. А в случае с маркизой право на ее стороне. Ее нельзя заставить выйти замуж за барона, только по ее доброй воле или по любви.

Похоже, что Аарт был влюблен в маркизу и разрывался между долгом и сердцем.

— Аарт, вытащи меня отсюда, и я тебе помогу собрать нужную сумму. Барон знает, что мы кузены?

— Нет! Ты что совсем рехнулся? — он укоризненно посмотрел на меня, но встретив мой непонимающий взгляд поправился. Он встал из-за стола подошел ко мне и обнял.

— Прости, я забыл, что ты потерял память. Смотри не сболтни никому о нашем родстве, иначе нам обоим крышка.

— Это связано с моим отцом?

В этот момент в дверь три раза постучали.

— Я тебе потом расскажу, жди от меня весточки в записках, записки рви или сжигай сразу по прочтению. Ничего не бойся, я тебя вытащу. Мы еще покажем этим толстобрюхим монахам, кто тут в Розенлааре главный! Ещё запомни! Если кто-нибудь спросит про клан — прям прикидывайся дураком, хлопай глазами, и молчи, даже если что-нибудь вспомнишь. Ты ничего не знаешь про клан «Мстителей» — кассельхолдер прошептал мне последние слова на ухо, похлопал меня по плечу и вернулся за стол.

— Войдите!

В комнату вошел стражник, встал по стойке смирно и громко произнес.

— Кассельхолдер, Барон Ван дер Туйль требует привести беса в опочивальню к его матушке баронессе госпоже Хендрике Ван дер Туйль!

— Ну давай. Помни

Я стоял в просторной спальне старухи Ван дер Туйль, уставившись на ее кровать. Она зашла противным мокрым кашлем. Я представил, как из ее беззубого рта воздушно-капельным путем может распространяться ее болезнь. Я не испытывал особого желания приближаться к ней, но толчок в спину вынудил меня сделать два шага вперед.

Барон грозно потребовал из-за спины.

— Давай, начинай лечить!

Кроме него в комнате находились оба монаха из приказа Инквизиции; Аббат Петрус Второй и его секретарь долговязый и придурковаты монах Бенедикт, два стражника, служанка выполняющая роль сиделки.

Все присутствующие замерли в ожидании моих действий.

Я понятия не имел чем она болеет и как можно было приступить к ее лечению. В помещение стоял полумрак. Было сыро и прохладно. Оно и не мудрено, что старуха болела. Сквозь высокие, но узкие окна в опочивальню почти не поступал свет.

Как лечить болезнь матушки Братьев Ван Туйлей я не знал. Я стоял и ковырялся в памяти, силясь что-нибудь припомнить из собственных скромных познаний в медицине. Я конечно читал в детстве атлас оказания первой помощи и ходил в поликлинику, но это не дало мне никаких знаний о лечении болезней, которые сопровождает кашель.

— Здравствуйте матушка. — я постарался придать своему голосу, как можно больше доброжелательности. — как себя чувствуете? Как давно у вас болезнь?

Старуха протянула мне руку и что-то прохрипела. Я не сумел разобрать ее слов. Потому что она снова зашла в удушливом кашле.

Туберкулез, простуда, пневмония, бронхит? Я судорожно пытался вспомнить симптомы, которые позволили мне диагностировать заболевание. Это была безрассудная надежда — я знал только названия.

Я снова ощутил толчок в спину.

— Я сказал лечи, давай! Бес! Лечи, как лечил Элайну!

Я обернулся и наткнулся на жесткий взгляд барона. Насколько я понял, он предлагал мне приступить к искусственному дыханию.

— Простите барон, мне нужно узнать больше о болезни, чтобы не навредить еще больше. Я не всемогущ. — ответил я с достоинством в голосе. Я понимал, что обижаться на этого средневекового грубоватого феодала бессмысленно. Он не блистал умом.

Моя задача заключалась в том, чтобы заставить барона пойти на сотрудничество, начать играть по моим правилам, не его вызвав гнева. Я подошел и взял в свою ладонь руку старой Хендрики.

Мне нужно найти способ потянуть время, как советовал Аарт. Я вспомнил о нем с теплом. Я не ожидал, что у меня так быстро появиться влиятельный союзник и друг в замке и это придавало уверенности.

— Если ваша матушка затрудняется отвечать, то быть может вы, барон, могли бы рассказать о истории ее болезни. Как давно она болеет? — я посмотрел ему в глаза. Он не отвел взгляд, но немного поубавил спеси.

— Она чахнет уже третий год, ей с каждым днем все хуже и хуже.

Так. Бронхит, пневмония, простуда отметаются. Из всех известных мне болезней оставался туберкулез.

— Замечали ли вы сгустки крови на подушках или одежде после кашля вашей матушки, барон?

— Конечно, это же чахотка! Я же сказал тебе — она чахнет третий год. Начинай лечить, я достаточно тебе рассказал.

Меня осенила идея.

— Не все так просто. Болезнь, практически, неизлечимая. Тут даже высшие силы не всегда могут помочь. — я устремил свой взор в потолок. — Метод которым я, мmmm, поставил на ноги Элайну, тут абсолютно не подойдет. Наоборот, он только усилит болезнь... Я остановился и посмотрел на некрасивые впалые губы пожилой женщины. От одной мысли про поцелуй меня начинало подташнивать. Я поймал на себе мрачнейший взгляд барона, который положил руку на эфес своей рапиры.

— Барон подождите хвататься за оружие. Дослушайте. Это важно, я желаю вам помочь, мы же договорились кое, о чем. Я заинтересован в здравии вашей матушки. Вы ведь сдержите свое слово Аббат Петрус II Дришце? — я посмотрел на монахов. Барон перевел взгляд на аббата. Тот легонько кивнул головой, и барон отпустил рапиру и сложил руки на груди.

— Ну...? Пробасил хозяин поместья.

— Отвар из редких трав. — мой расчет строился на том, что зимой достать травы невозможно и у меня появился шанс потянуть время до весны. — Только он может помочь.

— Говори, бес! Какие нужны травы!

— Горный ковыль, золотой молочай, одуванчик полевой семейства сложно цветковых обыкновенный — я придумывал названия трав на ходу, уверенный в том, что барон не сумеет достать перечисленное до весны.

Барон Ван дер Туйль начал гладить себя по бороде размышляя о сказанном. Он был немного озабочен.

Я похвалил себя за находчивость. Пока все шло как надо. У меня с Аартом два месяца в запасе.

Тем временем барон обратился к одному из стражников.

— Позовите мне моего повара! Сейчас же его сюда!

Стражник приосанился взял под козырек и ринулся выполнять приказание.

Аббат сощурился, и сделав шаг ко мне, заложил руки за спину.

— Не пытайся нас обмануть! Я нутром чувствую ложь! Имей это виду. Тебе несдобровать если ты водишь нас за нос.

— Уважаемый Аббат! Уверяю вас, я очень постараюсь помочь матушке баронессе, но теперь все зависит от вас. Точнее от трав. Другого способа нет.

Мать барона отпустила мою руку и уснула.

Барон подошел к ней и погладил ее по голове. Он ее действительно любил. Все, кроме меня, молча умилялись его чувствам.

Через несколько минут двери распахнулись, в комнату быстрым шагом вошел грузный человек в повязке на волосах и засаленном фартуке.

— Мое почтение барон, — он изящно поклонился хозяину — чем могу быть полезен.

— Нашему б..., нашему лекарю нужны травы. Помогите ему подобрать и быстро.

— К вашим услугам, — повар сложил руки на груди, затем и потер их — какие травы нужны?

Я повторил названия.

— Все решается барон, пойдете, лекарь! — Повар обратился ко мне пригласив жестом выйти из комнаты. Он безошибочно угадал во мне того, кто запросил травы.

Я кусал губы — мой план разваливался на глазах. Я был уверен, что им не найти у себя перечисленных растений. Я ошибся. Хотя я перечислил первые попавшиеся в голову, а я не знал существует ли к примеру, горный ковыль, оказалось, что иронии судьбы именно эти травы имелись в наличии.

Какое-то дурацкое совпадение. Просто невероятное. Может повар не расслышал? Я повторил названия трав. Повар уставился на меня, шевеля губами будто повторяя про себя названия, затем выпалил.

— Горный ковыль, золото молочай, одуванчик.

Я спросил в каком они виде в свежем или засушенном?

— У нас травы все засушены, но мы обдаем их кипятком, и они тут же приобретают свои свойства. Сушеные даже лучше для врачей, это всем известно. — поспешил ответить повар и заискивающе посмотрел на барона. Он хотел вызывать его расположение.

Я решил не спорить, я совсем не разбираюсь в травах и не хотел показаться невежей. Меня очень огорчило, что я ошибся со стратегией, но я не привык унывать. Я сохранил каменное выражения лица.

Еще ничего не решено. Я чувствовал, что выйду победителем в этой игре. Это осторожное ощущение ни разу меня не подводило, в то время, когда я наблюдал за действиями и словами других.

И хоть теперь я сам стал активным участником игры, я видел все сделанные ходы, как бы со стороны.

Я решил ознакомиться с тем, что мне предлагали лично и надеялся сослаться на недостаточное количество.

Но как назло, меня привели в кладовую, где хранились сотни огромных мешков с самыми разнообразными травами.

Мои одуванчик, ковыль и золотой молочай были выданы в таких количествах, что я мог сварить отвар на целую роту солдат.

Я затребовал воду, кастрюли и чаны для подготовки отвара. Поймав на себе любопытные взгляды кухарок, поварят, посудомоек, я разглядел одну хорошенькую молодую особу среди них. Она ловко нарезала морковь кружочками ножом с широким лезвием, и не отрываясь от работы, смотрела на меня. Она была не так красива, как Элайна, но здесь на кухне среди присутствующих она явно чувствовала себя звездой.

— Иоланта! Престань пялиться! Веди себя подобающе! Буркнул на нее повар

— Что я делаю не так?

Ах вот она та, которой грезит этот толстый аббат, бедняжка! Мне стало ее жаль. Тут царили не очень справедливые порядки.

Все ожидали моих действий. Но во избежание кривотолков я попросил удалить всю прислугу из кухни.

— Повар, не знаю, как тебя зовут. Мне не хотелось бы раскрывать свой рецепт. В руках неграмотного сочетание трав принесет больше вреда, чем пользы. А вы, повара, как никто знаете цену секрета точных рецептов.

Я вызвал плохо скрываемое раздражение повара. Он проворчал, что ему нужно кормить господ и он может лишиться головы по моей милости.

Я в ответ промолчал и просто посмотрел ему в глаза. Он отвел взгляд, не желая ссориться с одержимым, я был уверен, что слухи обо мне уже достигли кухни барона. Что же слава одержимого имеет и положительные стороны. Некоторые из местных все-таки меня побаивались.

Моя просьба была выполнена, работники кухни покинули просторное помещение. Я остался наедине с посудой и мешками сушеных растений.

В дальнем конце кухни стоял стражник, но он не глядел в мою сторону. Он старательно делал вид, что рассматривает высокий потолок и полки с кухонным инвентарем. Видимо, ему было поручено следить за тем, чтобы я не сбежал.

Первым делом я налил полный чан воды для того чтобы окончательно убедиться, что я нахожусь в чужом теле, в теле Девицца Ланге, сына Фааса, гражданина графства Фландрия.

Сомнений не осталось, когда на поверхности воды я увидел чужое лицо. На меня смотрел молодой человек лет двадцати пяти с волосами цвета выгоревшей на солнце соломы и лазурно-синими глазами.

Я повел рукой по водной глади. Поверхность взволновалась, и успокоившись явила мне мой новый облик вновь. Я был красив. Я и в той жизни не был уродом, но теперь я понял почему девушки на улицах в крепостных пределах называли меня красавчиком.

Мне было приятно осознавать, что все мои предыдущие проблемы с внешностью остались в прошлом. По крайней мере, пока в прошлом.

Судьба или что-то еще давали мне шанс пожить жизнью очень привлекательного, здорового, сильного и мужественного молодого человека.

Осознание этого факта удесятряло мои силы. Я энергично взялся за работу.

Несколько часов я усердно кипятил воду в чанах, опускал туда пучки трав в кастрюли, то замешивал и сливал, то разбавлял получившийся отвар по новой.

Пока я делал вид что готовлю лекарство, я усиленно думал над тем, как я сумел попасть в чужое тело.

Но сколько бы я не напрягал память, ничего кроме вкуса горького шоколада, болезненных конвульсий и спазмов в мышцах, напоминающих удары тока в 220 вольт на ум не приходили.

Мне казалось, что на воспоминании о переходе из прошлого в сегодняшнее настоящее в моей памяти стоял блок. Я назвал это ощущение про себя «шоколад 220»

Время от времени мне казалось, что я хорошо знаю местность, где меня исторгла из себя старая реальность. Холм и долина, с которой началось мое злополучное посещение Розенлааря, были до боли знакомы, будто я их видел сотни раз, в той другой жизни Саввы

Филатьева.

Трактир «У Оленя» что-то сильно напоминал, но я никак не мог уловить детали в воспоминаниях.

Мне так же казались знакомыми люди, катающиеся на коньках и играющие на льду реки. Словно там когда-то бегал я сам. Возможно, это накладывались воспоминания прежнего владельца тела. Мне было непонятно, как это работает. Очевидно одно — я осознаю себя в чужом теле. Оно не мое.

Будет прикольно, если настоящий Девитт попал в меня, так в другой реальности. Я подискутировал сам с собой.

Возможно, ему не понравится мое тело и мой социальный статус в 20ых годах двадцать первого века, но он явно приколется от еды, одежды, удобств, гаджетов и уровня жизни обычного человека, если сможет принять и оценить все это.

Мне, например, очень не хватало электричества. Не то чтобы я не мог без него обходиться, нет. Но отсутствие света в помещениях делало этот мир немного мрачноватым.

Не зря говорят, что все познается в сравнении.

Я еще надеялся разобраться, как я попал сюда и не исключал возможности, что сумею пребывать в обоих мирах по своему желанию.

Мне хотелось поскорее встретиться с Аартом, чтобы узнать про клан, отца Девитта и, чего уж греха таить, про Элайну ван Дейк, ту чьи девичьи глаза заставляли бурлить кровь в моих венах и будоражить фантазию.

Время в размышлениях пролетело быстро и подходило к ужину. В кухню вошел тот самый повар барона и сообщил, что ему нужно готовить для господ.

— Я уже заканчиваю, теперь мне нужен стакан, куда следует налить лекарство.

— Что такое стакан?

— Ну кубок, из чего вы пьете воду вино?

— Мы?

— Да, вы.

— Мы из плошек

— Ну давай мне плошку для баронессы.

— Понял, нельзя. Баронесса, сыновья и гости пьют из кубков. Мы из плошек

— Ты меня запутал. Давай кубок.

Мне еще предстояло разобраться в сложной системе «можно-нельзя» в этом мире, но, чтобы не выказать слабости я поторопил его твердым голосом.

— Давай, пошевеливайся.

Он проворно распахнул шкафчик, в котором хранилась господская посуда. Я посмотрел на него в надежде получить подсказку, но повар отвернулся и занялся своими делами. Тогда я выбрал кубок посолоннее, со змеёй, опоясывающей кромку, зачерпнул из чана отвар и сообщил, что чан трогать нельзя.

Повар явно был недоволен беспорядком, который я оставлял после себя. Он пробурчал что-то невнятное.

— Все остальное убрать можно. Чан без моего разрешения — нет! Не трогать и не пить. Тут же превратитесь... в змею! — сказал я в ответ на ворчание, разглядывая форму кубка.

Повар недовольно покосился в мою сторону, но на всякий случай не стал спорить.

— Веди в опочивальню баронессы. — обратился я к стражнику, который с ужасом слушал нашу беседу. Тот подскочил и поспешил раскрыть передо мной двери. На дворе стемнело. Мы прошли обратно, по темным коридорам, освещаемым факелами. Путь обратно показался более коротким.

Войдя в спальню баронессы, я застал там троих слуг занимающихся уборкой, самого барона, его брата и бабки-сиделки, которую я видел днем. Монахи не дождались моего отвара.

Баронесса сидела на кровати в приподнятом настроении, она слушала рассказ своего сына о делах в замке. Барон стоял у окна со сложенными руками и беседовал с ней.

Ее взор обратился ко мне, когда подступил к ней с кубком в руке.

— Ваше лекарство матушка-баронесса. — я протянул ей наполненный кубок.

Барон резко развернулся ко мне, он гневно сверкнул глазами и сказал

— Пей сам! Сейчас!

— Хорошо. Я поднес кубок и пригубил. — Я вспомнил фильмы, в которых знатные вельможи постоянно боялись, что их отравят. Похоже этот обряд не был формальностью

— Большой плоток! — барон не скрывал свое недоверие ко мне. Я повиновался и отпил как мне было велено. На вкус отвар получился горьким, как крепкий черный чай. После того как хозяин замка убедился, что я выпил достаточно, он забрал кубок из моих рук. Поднес к носу и понюхал. Почему-то поморщился.

— Не смей назвать ее матушка! Ты ей никто! Для тебя она Её милость баронесса Ван Туйль! — обратился он ко мне, а затем развернулся к брату.

— Сталлен, заberi кубок и дай лекарство нашей матушке. — Он перевел взгляд на старуху.

— Твое новое лекарство. Аббат утверждает, что твою хворь снимет как рукой. — сказал он заботливым тоном

Брат придержал бокал так, чтобы она смогла выпить содержимое. Старуха посмотрела на барона с надеждой, покачала головой, радуясь заботливым сыновьям, затем осушила кубок со змеёй несколькими крупными глотками.

Она снова улыбалась, Сталлен не оборачиваясь ко мне протянул пустой кубок. Я забрал его.

Баронесса Ван Туйль благодарно посмотрела мне в глаза, через плечо младшего сына. Она легонько кивнула в мою сторону, видимо выражая признательность.

Мне подумалось, что в таких случаях нужно поклониться. Я склонил голову, касаясь груди подбородком, и тут же услышал мерзкий протяжный вопль, похожий на скрип несмазанной дверной петли.

Я поискал глазами и быстро обнаружил источник визга. Баронесса завалилась на бок, ее тело сотрясали предсмертные судороги. Она повизгивала с широко раскрытыми глазами. Все присутствующие, кроме меня, бросились к постели старухи.

Барон подскочил первым и держал ее за плечи и заглядывал в глаза, как нашкодивший щенок.

— Матушка, что с тобой? Матушка!

Потом, развернувшись в пол оборота, он оглянулся на меня.
— Это все ты! Ты ответишь!

— Это все ты! Ты ответишь!

Его глаза пылали жадной мести. Барон считал меня повинным в конвульсиях своей матери. Он перевел внимание на мать и взял ее лицо в свои широкие ладони. Я еще раз взглянул на нее. Я видел такой землистый цвет лица в больнице, и понял, что умирающей баронессе уже не помочь.

В голове сверкнула мысль, что я попал, конкретно попал. Я мельком посмотрел на дверь и стал на цыпочках отступать в сторону выхода.

Выскочив из опочивальни баронессы, я понесся сломя голову по широкому арочному коридору. Я был готов столкнуться с охраной, но поблизости никого не оказалось. Пока барон, его брат и прислуга проводили последние мгновения с умирающей я бежал, пытаюсь вспомнить расположение помещений и лестниц на этом этаже. Коридор впереди сворачивал на лево. Дорогу мне освещали тусклые факелы, горящие в кронштейнах. На стенах то тут то там висели скрещённые шпаги, рапиры, пики, алебарды.

К несчастью, я рванул в ту сторону, куда еще ни разу не ходил. Кухня и кабинет, в котором мы встретились с Аартом находился у меня за спиной. Из опочивальни доносились приглушенные голоса, причитания, и тот самый противный визг. Он теперь стал прерывистый — развязка близилась.

Пробежав метров тридцать и свернув за угол, я внезапно столкнулся с молодой девушкой, спешно шагающей навстречу по своим делам. Я отвернул голову, для того, чтобы она не разбила свой высокий и красивый лоб о мою челюсть — удар пришелся в левую щеку. Мы врезались друг в друга, и из-за моих скорости и преимущества в весе, я случайно сбил ее с ног. Падая вместе с ней, я позаботился о том, чтобы не рухнуть на девушку всей своей тяжестью.

Стукнувшись локтями о пол, я похвалил себя за реакцию. Я лежал на девушке с умопомрачительным телом. Грудь ее вздымалась, она нахмурила тонкие ухоженные брови, и разглядывая меня, пыталась понять, что произошло. Второй раз за день я держал в объятиях очень красивую барышню. Если Элайна была блондинкой, то эта особа была жгучей брюнеткой с черными волосами, собранными в хвост.

— Убери свои лапы, аскеросо(испанский. мерзавец)! — она говорила это строго, но без агрессии, с легким испанским акцентом — я кому сказала? Ну-ка слезь с меня сейчас же, бобосо(испанский. идиот)! Не то ты крупно пожалеешь!

— Простите маркиза, я как увалень... — я мгновенно вскочил и подал ей руку, чтобы она могла за нее ухватиться и подняться.

Но она, презрительно фыркнув, оттолкнула мою кисть. Быстро взмахнув ногами и сверкнув белыми подъюбниками, девушка проворно вскочила с прогибом спины на свои ноги, одетые в мягкие бархатные туфельки без каблуков

Ого! Она умеет бороться. Это элемент единоборств и фехтования.

— Ты меня знаешь? Почему я тебя не знаю, почему я раньше здесь не видела? — она разглядывала мои голубые глаза.

Я не успел ответить, из опочивальни донесся гневный рык барона.

— Найдите его! Я убью этого беса! Я вырву ему сердце собственными руками!

— Они ищут тебя? — быстро спросила маркиза Альба

— Да. — кивнул я в ответ.

Тогда она схватила меня за руку, быстро развернулась, подхватила рукой полы своего платья и увлекла за собой.

Моему взору приоткрылась пара, красивых женских ног. Я не видел бедер, но маркиза обладала умопомрачительно красивыми икроножными мышцами, тонкими лодыжками, мелькавшими над небольшими стопами.

— Пошли, быстрее! Они тебя не получат! — ее милый акцент мне запал в душу. Я понимал почему Аарт перестал обсуждать маркизу Дарию Альба. Мой кузен был влюблен в эту девушку.

Редкое сочетание: черные волосы и манящие голубые глаза. Острый подбородок, алые, в меру пухленькие губки, тонкие изящные ключицы, красивая линия груди магнитом притягивали мужские взгляды и желание смотреть на нее безостановочно.

Мы бежали по направлению к ее апартаментам, я слышал шаги преследующих — нас пока скрывал угол. Мы ворвались в ее комнату практически одновременно с тем, как барон, прислуга со стражниками, прибежавшими на крики, завернули за углом за нами. Они заметили, как хлопнула дверь в палаты маркизы.

Никто из них не решился постучать до тех пор, пока к двери не подошел барон. Он постоял в коридоре снаружи, прислушался, а потом негромко постучал.

Маркиза смотрела на меня и весело улыбалась. Она приложила указательный палец к своим губам, давая понять, чтобы я не издавал ни звука.

Стук повторился. На этот раз несколько более смело.

— Кто?

— Это я. Барон Виллен Ван Туйль, душа моя!

— Что вам нужно, барон?

— Я хотел уточнить, не видели ли вы чужака с желтыми волосами и синими глазами? Нам показалось, что вы вышли и тут же зашли в свои апартаменты.

— Вам показалось, я никого не видела.

— Маркиза, вы не могли бы впустить нас, мы хотели бы осмотреть помещение и убедиться, что вы в безопасности.

Маркиза показала средний палец двери, скорчила смешную рожицу и ответила

— Ещё чего! Я в безопасности, тут никого нет. Если, что я в состоянии за себя постоять.

Барон растерялся.

— Вы выйдете к ужину, маркиза Дария?

— Нет, я буду ужинать у себя. Принесите мне побольше хлеба, солонины и вина. — на последних словах она посмотрела на меня и шепотом спросила

— Ты любишь сыр?

Я кивнул утвердительно.

— Ещё принесите мне сыра! — выкрикнула маркиза Дария.

— Хорошо, все будет в лучшем виде. У вас точно все нормально, Маркиза?

— У меня все отлично. Вы с первого раза не понимаете, барон? Ступайте!

Маркиза снова расплылась в широкой улыбке. Она прислушались. Барон и его свита удалились. Дария снова приоткрыла дверь и выглянула в коридор. Убедившись, что там никого не было, она вернулась в палаты.

— Миледи, маркиза Дария, я вам безмерно благодарен, я ваш должник.

— Ты что англичанин? — она весело рассмеялась

— Почему?

— Ну они используют обращение «леди»

— Как мне следует обращаться к вам?

Маркиза расхаживала по комнате.

— Принято обращаться к маркизам — Сеньора или Ваша Светлость.

— Хорошо, Ваша Светлость

— Расскажи, как тебя зовут, что с тобой случилось, почему за тобой гонятся?

Я смотрел на нее и любовался. В этом мире присутствовали восхитительно красивые женщины. Мне это нравилось.

— Перестань пялиться, я не золотая статуэтка.

— Простите, Ваша Светлость, в очень красивы, мне сложно оторвать от вас взгляд.

— Ой, посмотрите на него. Завалил меня комплиментами, я сейчас растаю. Ты знаешь, что барон прикажет отсечь тебе голову, только за то, что ты так бесцеремонно разглядываешь меня? А если услышит твои комплименты, то наверно прикажет сначала вырвать тебе язык. — она озорно улыбалась.

— Ваша Светлость, я готов терпеть любые муки за одну улыбку маркизы Дарии Альба.

— Ах-ты, ловелас! Мне, конечно, приятно, что ты ведешь себя как кабальеро! Скажи, у тебя есть девушка?

В этом, казалось бы, невинном вопросе сплелись интерес ко мне, надежда на приключения, тревога и кокетство.

— Маркиза мое сердце отдано Элайне ван Клиф, дочери лавочника xxx

— Она красива? Опиши ее.

— Она прекрасна, но немного уступает вам в красоте.

Я конечно немного приврал. На самом деле я не мог сказать, кто из девушек красивее, настолько обе были обворожительны. Но что поделать — женщины такой народ, что любят похвалу и лесть. Главное не переборщить с этим.

Мне было немного совестно от того, что я старался угодить маркизе приятными словами, но я ни на секунду не забывал, что мой кузен Арт влюблен в Дарию.

Я пытался ее расположить к себе, чтобы при случае помочь моему новому родственнику Арту. Похоже, что мне это удавалось.

Моя интуиция подсказывала, что я был не случайно заброшен сюда. В это место и в это время.

Я чувствовал, что судьба подарила мне великий шанс сыграть важную роль в новой игре, оказаться в самом эпицентре средневековых страстей, интриг, стать очень нужным людям, встретившимся мне за последние сутки. Я продолжал восхвалять красоту девушки, стоящей передо мной.

— Ври больше! По тебе всё видно!

— Что Вы, Ваша Светлость... что именно вид...

Маркиза перебила, не дожидаясь моего вопроса.

— По тебе видно, что ты втрескался в свою Элайну по уши, и она для тебя самая красивая сеньора на свете.

Глупо было отрицать. Я согласился.

— Надеюсь, она достойная девушка. Между вами что-то уже было? — видимо она

спрашивала про близость.

— Нет, Ваша Светлость, мы только целовались, — подумав немного я поправился — я целовался с Элайной.

Она делано сощурила свои красивые веки, как бы подозревая, что я утаиваю от нее правду, а потом снова лучезарно улыбнулась.

— Расскажи, что с тобой случилось, почему за тобой гонятся?

Я решил рассказать маркизе весь сегодняшний день, лишь утаив подробности про прежнюю жизнь, родство с кассельхолдером и описание Аартом самой Дарии. Она с интересом слушала, изредка задавая наводящие вопросы.

— Так баронесса умерла? — она нахмурила брови, было видно, что она обдумывала мой рассказ. Я кивнул.

— Судя по всему — да.

— Это меняет дело, она вертела сыновьями как хотела. Теперь барон будет принимать все решения единолично. Нам это на руку.

Ого, «нам»? Она включила меня в свою команду?

— Почему ты ее не воскресил, как Элайну?

— Ваша Светлость, я на самом деле не так уж и осведомлен в медици..., — я вспомнил, что некоторые слова могу быть не понятны, — лекарском деле. Она была неизлечима. Ей не помогло бы искусственное дыхание и массаж сердца. Она умерла не от удушья.

— А от чего же она умерла?

— Думаю, что от старости.

Она попросила подробнее рассказать о том, как я реанимировал Элайну.

— Чудесная история, Девитт, я только не поняла: в тебя вселился бес или нет? — спросила меня маркиза, когда я закончил.

Я думал, как ответить. Мне хотелось рассказать ей всю правду. Она была достаточно умна для того, чтобы понять, что я попал сюда из будущего, но вряд ли смогла бы воспринять наши технологии и уклад нашей жизни буквально. Поэтому я решил вводить ее в курс дела постепенно.

— Маркиза, сейчас я все объясню. Я уверен, вы сумеете понять меня. Но прежде чем я отвечу, объясните, пожалуйста, у вас в замке одержимых совсем не бояться? — Меня всё ещё интересовал вопрос, который я не догадался задать Аарту.

— Люди на пожаре просто испарились, когда подумали, что я бесноватый. А в замке меня встречали чуть ли не как героя, хотя дети называли меня «одержимым Девииттом». В чем причина такого разного отношения? — продолжил я.

Маркиза рассмеялась.

— Каждый ребенок знает, что бес не переходит от одержимого к другому человеку.

Это сбило меня с толку.

— Тогда чего испугались люди у дома Каасов?

— Они испугались воскрешения Элайны, но после того как ты рассказал про массаж сердца, я поняла, что она еще не была мертва, когда ее вытащили. Это было не воскрешение, а пробуждение.

— Именно!

— Так что с твоей одержимостью?

Я придумал как доходчиво ей описать, то что со мной произошло.

— Хорошо, перейдем к одержимости. Маркиза вы знаете своих предков? Ну скажем прадедушку и прабабушку со стороны вашего отца герцога Альба?

Она кивнула и не замедлила перечислить их имена и титулы.

— Вы можете коротко описать, любого из них на ваш выбор, что они делали, где и когда жили?

Маркиза описала одну из своих именитых прабабок-фрейлин, которая проживала при мадридском дворе. Теперь она была сосредоточена и серьезна.

— Отлично. А теперь представьте, что вы, понимая, что вы маркиза Дария Альба попали в тело вашей достопочтимой прабабушки, в то время в котором она жила, в Мадрид. Представили? Сознание, память и душа ваша, а тело прабабушки. Представили? — я смотрел в ее голубые глаза.

— Какой ужас! — Воскликнула она с улыбкой на лице. — Получается, — маркиза сделала паузу и потёрла пальцами свои виски, — Получается, что ты — правнук Девицца? И попал в его тело?

Ее глаза горели интересом. Она умничка — схватывала все на лету. ВРЕМЯ ПОШЛО

— Нет не совсем так.

— А как, я запуталась

— Сейчас всё поймете!

Но мне не удалось договорить в дверь громко постучали.

Видимо принесли ужин.

— Идууу — протянула маркиза, оставьте у двери подносы с едой я сама заберу.

Но в дверь постучали повторно, на этот раз по ней требовательно барабанили кулаком.

— Кто там оглох и не слышит меня? Я сказала сама заберу! — маркиза с гневным выражением лица распахнула дверь.

На пороге стоял человек, одетый во все черное. Голову его покрывал капюшон, а лицо закрывала такая же черная маска.

Он схватил маркизу за руку и резко дернул на себя. Кровь ударила мне в голову, я понял, что происходит не ладное, маркизу пытаются похитить.

Думать было некогда, и я устремился к двери, намереваясь вступить в драку с незнакомцем, волокущим Дарию.

— Э! Стой! Охренел, что-ли? Стой — тебе говорю! Ну ка встал! Ты что оглох? Отпусти ее, козлина!

Я не испытывал страха, мои глаза шарили по стене в поисках подходящего оружия. Человек в черном балахоне не обращал никакого внимания на мои слова, он тащил за собой девушку обхватив ее тонкое запястье здоровенной правой ручищей.

Был заметно, что маркизе было больно, она упиралась ногами в пол и барабанила, что есть мочи, кулаком свободной руки по его спине, но огромная разница в весе и физической силе не оставляли Дарии шансов освободиться.

Я на бегу представил, как снимаю первую попавшуюся рапиру со стены. Она тут же очутилась у меня в руках. Я посмотрел на голубую электрическую волну, пробежавшую по клинку и ринулся за похитителем.

"Вот это круто!"

Из-за угла доносились мужские крики, вопли и звон клинков. Я прибавил скорости. Я видел широченные плечи похитителя в черном, мне показалось, что это фигура Бартель Тиельманса.

Кричать дальше было бессмысленно, я принял решение атаковать. Мне теперь было все равно, что делаю я это со спины. Хотя это шло вразрез с моими представлениями о рыцарстве и благородстве. Но враг не пожелал обернуться ко мне лицом, я ему предлагал честный поединок.

Значит он слишком самоуверен, я обязан это использовать против него. Счет идет на мгновения. Я прилично разогнался, бежал и держал клинок над головой острием, направленным в сердце противника.

Ототкнувшись ногой от стены, я в прыжке ударил клинком в точку ниже левой лопатки врага, сворачивающего за угол. Таким приемом пользуются бойцы UFC отталкиваясь от сетки и нанося быстрый удар сверху вниз, добавляя к скорости удара скорость приземления тела — он назывался «шоу-тайм от сетки».

Клинок процарапал что-то твердое и соскользнул.

«Ах ты ж громила хренов! У тебя доспех под плащом!», — выругался я про себя.

Мой удар все же заставил его остановиться и развернуться. Этого оказалось достаточно чтобы Дария вцепилась острыми зубами ему в мясистую ладонь. Я увидел, как он закатил глаза и взревел от боли.

В следующее мгновение он наотмашь ударил маркизу по лицу тыльной стороной ладони, и она отлетела к противоположной стене, потеряв сознание.

«Зря ты так, скотина! Я заколю тебя! Ненавижу, когда бьют женщин» — промелькнуло у меня в голове.

Он вытащил из-под плаща шпагу и молча пошел широким шагом в мою сторону. В его походке чувствовалась уверенность и опыт, полученный в бесчисленных поединках. На меня шел настоящий средневековый наемный убийца.

Его профессия читалась в его безразличном взгляде, прожигающем меня насквозь. Под маской не было видно его эмоций, но я был уверен, что он раздосадовано скалил зубы, и собирался прикончить меня как комара — одним хлопком.

Я отступил назад на пару шагов, прочертил свистящей рапирой невидимый вензель в воздухе, приложил клинок к носу и лбу, потом встал в защитную стойку, спрятав свободную руку за спину.

В тусклом свете факелов я не видел его фигуры — только силуэт в плаще.

Мне удалось рассмотреть за его спиной сцену поединка, который вели барон, трое его стражников, против шести нападавших убийц, одетых так же, как и мой противник.

Похититель надвигался, и я мысленно приказал себе сосредоточиться на дистанции между нами и блеске его клинка.

Это было несколько необычно, потому что я никогда до этого не дрался на шпагах. Враг, словно прочтя мои мысли, сделал неожиданный, стремительный выпад.

Мозг сам среагировал, и я легко отскочил, парировав его атаку. Я чувствовал, как адреналин прибывал в кровь и распространялся теплом по мышцам.

Человек в маске не придавал моей легкости никакого значения, он все ещё находился в абсолютной уверенности в своем превосходстве.

Мне стало немного не по себе от этого. Заметив, что я проявил нервозность, похититель ускорил движения и нанес мне серию мгновенных колющих и режущих ударов. Он бил в ноги, потом диагональю снизу-вверх, сменял удары быстрыми тычками-уколами в пах, в голову, затем резал вертикально снизу-вверх в кисть и снова в ноги.

Внутри все сжалось от восторга после того, как я понял, что я на автомате отразил

каждый удар. Меня будоражил звон клинков и хлесткий свист смертоносного оружия.

«Девитт, а ты крут, дружище!»

Тело юноши, в которого я вселился было отлично тренированным, и я, отступая, так же легко отразил третью атаку нападавшего. Я видел направления движения каждого удара, как бы в замедленной съемке.

По ногам противника я читал глубину и скорость, а по движению его кисти, определял куда человек в черном плаще будет бить в следующее мгновение.

Я посмотрел в сторону Дарии и заметил, что она пришла в себя и с тревогой наблюдает за поединком.

Я подбадривающе подмигнул ей, улыбнулся и надменно сделал поклон, желая вывести из себя моего оппонента.

Он все еще сохранял хладнокровие и не обратил внимание на мои попытки его разгневать. Мне показалось, что я почувствовал холод рассудка убийцы в стальном блеске его глаз.

Средневековый киллер, стоящий передо мной решил развязать клеванты — шнурки под подбородком, держащие плащ на плечах и спине.

Может быть он хотел воспользоваться плащом, как матадор мулетой для отвлечения моего внимания, а может верхняя одежда стесняла его движения.

Это было не важно. Я не дал ему довершить начатое. Он стоял в пол оборота ко мне, на средней дистанции. «Пора!» прозвучала команда в моей голове.

Тело Девитта мгновенно воспользовалось паузой. Я...

Тело Девитта мгновенно воспользовалось паузой.

Я показал атаку правой рукой, дернув противника в сторону, затем перекинул рапиру в левую и в следующую секунду проткнул раскрывшееся горло убийцы.

Клинок мягко прошел через обе артерии между кадыком и позвоночником.

Это произошло так быстро, что мой противник не успел ничего понять. Он издал булькающий хрип и закашлялся, когда его собственная кровь заполнила его гортань.

Человек в маске и капюшоне сначала выронил свою шпагу, попробовал зажать обеими руками раны на шее. Кровь мощными толчками прибывала из сосудов. Он быстро ослаб и рухнул на колени, а потом завалился вперед.

Я подскочил к маркизе и присел на одно колено и взял ее руку в свою.

— Ваша Светлость, простите меня, я не успел вас защитить. Как вы себя чувствуете? Удар был тяжелый.

— Все в порядке, тебе не в чем винить себя, Девитт. Я сама прозевала удар.

Развернувшись к поверженному врагу, я стянул с него маску. Я ошибся. Это был не Бартель Тиельманс. Просто высокий мужчина с крупным телосложением.

— Вы его знаете маркиза?

Она взгляделась в его лицо и отрицательно покачала головой.

Я посмотрел туда, где продолжалась схватка барона с остальными убийцами.

Там было не все так радужно. Из троих стражников на ногах оставался только один.

Тот, который подмигивал мне и благодарил за сестру в кабинете Аарта.

Стоя спиной к друг другу, они вдвоем с бароном отбивались от четырех убийц. На каждого приходилось по два головореза.

— Прошу прощения Ваша Светлость, я скоро вернусь.

Сказал я маркизе и вприпрыжку помчался к месту схватки. Меня словно овеяло детским ощущением праздника, вступая в бой, я будто ощутил томительное ожидание радости от предстоящей мальчишеской игры.

— Господа, сеньоры или как там вас ещё! Нехорошо нападать вчетвером на двоих. Давайте немного изменим баланс! Кто на меня?

Один из тех, кто напал на стражника, обернулся на мой голос и побежал мне на встречу.

— Мне одного мало. А ваш друг, который мужественно сражается с бароном, не желает присоединиться к нашей компании? Все-таки барон пожилой человек, давайте уважать возраст! — я услышал, как Дария прыснула от смеха у меня за спиной. Барону было чуть за сорок, и он, отбивая натиск убийц, кряхтя, прокричал мне в ответ

— Я тебе покажу «пожилого человека»! Я тебе еще надеру жадницу, засранец!

Меня забавляла словесная перепалка с бароном в пылу схватки.

— Барон, вы не в том положении, чтобы мне что-то показывать. Но так и быть, я прощаю вам «засранца» и скоро спасу вас!

Мой противник сходу сделал выпад, под его плащом я разглядел вороной кожух матового металлического нагрудника — доспеха испанского образца. Такие носили конкистадоры.

В памяти мелькнула картина покорения ацтеков. «Хорошо, что я вижу доспех. Нужно

бить в открытые части тела, плечи, кисти, ноги, голову», подумалось мне.

Я легко увернулся от клинка противника, сойдя с линии его прямого удара. Но я не ожидал, что мой оппонент толкнет меня плечом в солнечное сплетение и выведет из равновесия.

Это было продолжения его атаки и меня отбросило вправо на стену. Я долбанулся спиной и головой о стену. Он перебил мне дыхание. Противник нанес болезненный удар не только по телу, но и по моему самолюбию.

Еще минуту назад я был такой весь из себя мачо и крутой фехтовальщик в глазах Дарии, теперь же меня швырнули как собачонку.

«Каналья! Ты не о том думаешь!» Я снова сконцентрировался на схватке.

Тот, с кем я фехтовал уже успел проворно развернуться. Теперь я стоял спиной к дерущимся барону и стражнику, а противник лицом.

Он начал новую атаку. Его стиль отличался от предыдущего убийцы.

Если поверженный похититель Дарии предпочитал быстрые короткие уколы и порезы, то этот использовал сильные рубящие удары. Он рассчитывал перебить меня.

По его фигуре нельзя было сказать, что он обладает какой-то сверхъестественной силой, скорее наоборот. Но это шло в разрез с тем, что я ощущал в схватке с этим человеком.

Первый удар в мою адрес чуть не выбил рапиру из моей руки. Я ощутил болезненную вибрацию в ладони.

Это заставила меня разорвать дистанцию, чтобы собраться. Со стороны это могло выглядеть как бегство, но мой второй противник знал толк в фехтовании и разгадал причину дискомфорта.

Он напирал с новой силой имея преимущество в весе.

Его движения были точны и размашисты. Он раскручивал свою рапиру над головой словно пастушью плетью обрушивая на меня тяжелые удары.

Я мог противопоставить только маневрирования на узком клочке поля боя.

Я хотел подловить его на замахе, но человек в черном плаще будто читал мои мысли быстрее, чем я успевал их додумывать. Он перестал замахиваться и теперь бил с еще большей силой подключая ноги.

Когда я блокировал его удары, сталкивающиеся металлические клинки рождали искры.

Дзынь-дзынь-дзынь-дзынь. Звенела моя рапира, принимая по два мощных удара в каждую секунду.

Когда же он устанет? Он должен был уже выдохнуться! Невозможно так энергично и в таком темпе атаковать столь длительное время.

Я уловил паузу между ударами. Её-то я и ждал.

Мне нужен был глоток воздуха, мне нужна была целая секунда для того чтобы перейти от защиты к атаке. Я ощутил эту свою секунду всем телом.

В этот короткий промежуток я сделал мгновенный контрвыпад-туше в бедренную артерию выставленной вперед правой ноги моего противника.

Сделал выпад и ... Ошибся...

Убийца только этого и ждал. В то мгновение года он ломал мой клинок чудовищным ударом сверху я понял, что попал в западню.

Это была ловко расставленная ловушка — полукруговой вертикальный батман. Мне стало обидно.

Наверняка эту комбинацию, эту домашнюю заготовку он отрабатывал тысячи раз в зале,

тренируясь учебным оружием.

Я попался на тренировочный шаблон.

Тактика шаблона заключалась в том, чтобы нанести защищающемуся противнику несколько десятков мощных ударов, не позволяющих и помышлять об атаке, затем показать «оголенное» бедро, тут же убрать его и разрубить клинок противника диагонально-круговым сверху.

Конечно вероятность того, что клинок такой удар выдержит присутствовала, но в моем случае в руке остался короткий обрубок рапиры. Я посмотрел на нее и отбросил его в сторону.

Я искал глазами оружия на стене, но увы поблизости стены были абсолютно голыми. Я быстро отступал, пытаюсь разорвать дистанцию, противник же наоборот теперь бежал на меня.

— Ну что спаситель, помолишься? — прокряхтел барон, не глядя в мою сторону.

— Обязательно, только позже. На вашей могилке, барон. — дерзко ответил ему я, отступая.

Я пятился быстрым шагом судорожно соображая, что можно ему противопоставить, как вдруг заметил краем глаза движение другого клинка рядом с моим правым плечом.

Он двигался острием, направленный прямо в глаз моему преследователю.

Я почувствовал чье-то плечо прочертившее прямую линию по моим ребрам.

Аарт вогнал свою шпагу в голову моему врагу в глубоком выпаде. Тот умер мгновенно.

Выпустив оружие из рук, которое я тут же подхватил

— Держись, бес, — весело подбодрил меня мой кузен, — ты цел?

Я перевел дух после такого яростного напора и сумел лишь выдать из себя единственное слово.

— Нормально...

— Вот и отлично! Отдышись. Ещё ничего не закончилось, береги силы они тебе понадобятся. — На этих словах он оставил меня и переключился на третьего убийцу в черном плаще напирającego на барона.

Моя грудь вздымалась от учащенного дыхания, я стоял, наклонившись и упершись руками в колени.

Повернув голову вправо, я увидел, что Аарт отвлек на себя одного из черных плащей.

Теперь все стало по-честному — шестеро мужчин дрались три на три. Я посмотрел на труп врага, лежащего под ногами, выпрямился и уверенно зашагал в сторону сражающихся.

Теперь численное преимущество на нашей стороне. Я видел, что Аарт ловко орудует своей шпагой отгесняя своего противника к лестничному пролету, ведущему вниз.

Понятная тактика — он хочет согнать черного вниз, оказаться наверху, чтобы получить преимущество. Он прекрасно справлялся без меня.

Хуже всех на поле боя приходилось в этот момент барону.

Он был ранен в двух местах.

И если небольшое рассечение на лице ему ничем не грозило, то кровоточащая рана на правом плече вынудила его держать клинок в левой руке.

Вторая рука свисала плетью вдоль тела и с нее капала кровь.

Похоже на то, что молодой стражник неплохо справлялся со своим противником.

Он все еще выглядел свежим и дрался с яростью льва, хотя казалось, что его худосочное телосложение совсем не предназначено для ратного дела.

Он был гибок и ловок и доставлял своему врагу немало неприятностей. Стражник носился юлой вокруг черного плаща, все время меняя тактику и месторасположение.

Он дважды неприятно достал противника, оба раза в опорную ногу и тот был вынужден сменить стойку на неудобную. Убийца в черном прихрамывал, и победа стражника была делом времени, чего не скажешь о бароне.

К этому моменту его положение стало совсем аховым, он был зажат между колонной и стеной и все более вяло отбивал атаки неприятеля. Я хотел было пошутить про возраст и могилку, но в итоге просто поддержал барона фразой.

— Барон, я с вами. Держитесь

На последнем слове я увесисто шлепнул рапирой по плечу противника борона со спины.

Он остановился втянул голову от неожиданного удара сзади.

— Хочешь жить — медленно положи оружие на пол, — обратился я к черному плащу, который чуть не добил хозяина замка.

Но противник барона и не собирался сдаваться. Он резко развернулся и с ходу атаковал меня стремительным туше снизу-вверх.

Я среагировал в самое последнее мгновение, отскочив назад.

Кончик его шпаги просвистел в миллиметре от моего подбородка.

И если бы не отменная реакция тела Девиitta Лога, то он бы вспорол бы мне последовательно пах, живот, грудную клетку и горло.

Мои глаза непроизвольно расширились от возбуждения.

Нет, это не был страх.

Это было удовольствие от осознания того, что я остался жив. Дыхание сперло от этого чувства. Я широко улыбнулся.

Человек в плаще продолжал уверенно переть на меня.

— Вы, верзила в черном барахле. Вы воняете навозом, кроме того, вы очень грубы. Так нельзя. Я научу вас вежливости.

Теперь я хотел шлепнуть киллера рапирой по макушке, но тот мгновенно ушел с линии атаки и продолжил движение в мою сторону.

Я заметил, что всех нападавших отличала одна черта, они практически не реагировали на слова, оскорбления и посторонние действия.

Они были сосредоточены на схватке, и это выдавало в них профессионалов.

Ну посмотрим, что ты за перец. Я почему-то был уверен, что старшим в группе был тот здоровяк, с которым я схлестнулся первым.

Я отступал до тех пор, пока не почувствовал, что мы удалились от барона на безопасное расстояние.

— Ну что же, как говориться — дамы и господа, сеньоры и сеньориты, пристегните ремни, наш самолета взлетает желаем вам приятного полета, — последние слова я произнес в прыжке, которым начал атаку.

Наверно, всем кто слышал последнюю фразу, показалось, что я выговорил только мне понятную абракадабру или заклинание.

Во мне открылось второе дыхание. Теперь я кружился вокруг черного плаща, совершая ногами финты, подобные тем, что делал легендарный Кассиус Клей, известный под именем Мохаммед Али в ринге.

Мои стопы совершали стремительные пробежки на месте, чередующиеся с отскоками, выпадами и прыжками.

Рука вместе с рапирой выписывала невообразимые восьмерки и непрестанно протыкала пространство там, где я видел незащищенную плоть противника.

Пока он умудрялся уворачиваться и отбиваться с горем пополам. Но это пока.

Я вился вокруг него осой, не давая ни на секунду расслабиться.

— Вот, бесячья порода! — услышал я восхищенный комментарий барона, севшего у стены, зажавшего здоровой кровоточащую рукой рану и наблюдавшего за мной.

Мой противник явно был сбит с толку, он никогда не видел подобного стиля фехтования. Я добился своей цели.

Его мозг не успевал просчитывать мои движения. Он стал допускать ошибки в защите. Одну за одной.

Я остановился на мгновение и дал ему оглядеться. Он — последний живой из нападавших.

— Может бросишь оружие и попросишь прощения у барона? — я предложил ему выбор между жизнью и смертью.

Он едва заметно отрицательно качнул головой и попробовал напасть на меня.

Его действия были уже не такими уверенными, как раньше.

Он промахнулся и тем самым дал мне возможность быстрым косым порезом сверху-вниз распороть ему мышцу на бедре.

Человек в черном плаще отбросил шпагу и схватился за рану на ноге.

— Я же предлагал тебе жизнь, несколько мгновений назад. Но ты оказался, — я приставил рапиру к его горлу, — что скажешь на этот раз? Ты жить хочешь?

Я смотрел в его глаза и видел сплошную боль и разочарование за провалившееся похищение. Он молчал.

— Если хочешь жить, то ты можешь меня вежливо попросить об этом. — я слегка надавил острием клинка на кожу. Противник молчал.

— Кончай его, — приказал барон, тоном, не терпящим возражений — о чем с ним говорить? Иди и осмотри меня, моя рука совсем плоха. Я ее не чувствую.

Я не спешил подчиняться барону. Обернувшись к вельможе, я подколот его.

— Барон, неужели вы нуждаетесь в моей помощи? Помнится, что кто-то обещал надрать мне жадницу. Это произойдет до того, как я осмотрю вашу рану или после?

— Не паясничай, я истекаю кровью, помоги мне немедленно.

Рядом с бароном стоял стражник, но он не знал, что можно предпринять для того чтобы облегчить страдания своего господина, вызванные раной.

— Сейчас я к вам подойду, — ответил я барону и снова повернулся к раненому врагу. Я откинул в сторону его клинок и присел перед ним на корточки.

Заглянув в его глаза, я спросил:

— Ну что? Что мы будем с тобой делать, ты так и не сказал, ты жить хочешь?

Человек в черном плаще отвел взгляд в сторону, отвернулся приложив щеку к стене тихо произнес.

— Убей меня. Ты не дождёшься мольбы о пощаде.

Он был очень грустным, но последние слова сказал твердым голосом.

Я не верил своим ушам. Вот это люди! Вот это стержень!

Все уже кончилось, и не зачем больше терять жизнь, а он показывает презрение врагу.

Я ощутил уважение к этому мужчине.

— Ты это... — я подыскивал слова, — не дури. Я пошутил, никто на твое достоинство

не покушается. Никто тебя убивать не собирается. Будешь жить.

— Друг, дай мне нож или кинжал. — я обратился к стражнику, — как тебя зовут?

— Себастиан, — он подскочил ко мне и протянул острый стилет, — такой пойдет? Я уже представлялся тебе Девитт, видимо, ты не расслышал.

Я кивнул в знак согласия, того что стилет подойдет, разрезал вдоль мокрую от крови штанину на раненой ноге киллера и увидел, как кровь пульсирует из раны.

Он потерял уже достаточно много. Примерно литр.

Я скинул с себя белую рубаху разодрал ее на широкие лоскуты.

Скрутив два лоскута обмотал ногу выше раны, чтобы остановить кровотечение.

У меня получилось. Кровь перестала пульсировать и выходить из раны. Барон заорал.

— Черт меня разрази! Да мной кто-нибудь займется? Заколите этого ублюдка и займитесь мной!

— Сиди здесь, никуда не уходи! — я посмотрел на раненого киллера, его глаза выражали смятение, мне стало стыдно

— Шучу, просто не двигайся! Потерпи я сейчас вернусь. Все будет хорошо. Ты будешь жить.

Я встал и услышал шаги за спиной. Это возвращался Аарт.

Он спросил, засовывая шпагу в ножны.

— Что тут у вас?

— Иду спасать барона.

Я посмотрел в его сторону. Барон недовольно ворчал, но ждал моей помощи.

Это было видно по его глазам. Он смотрел на меня взглядом виноватой собаки.

— Давайте осмотрим вас, барон. — теперь я присел рядом с ним. — Мне придется порвать вашу великолепную рубашку, не возражаете?

Я быстро сварганил еще одну повязку и остановил кровотечение из его раны. Вначале он хмуро и молча наблюдал за мной.

Но потом, когда ему стало больно от моих манипуляций с его он прикрыл глаза и сжал зубы, чтобы не вскрикивать. Барон мужественно переносил боль.

Я собирался подбодрить его и помочь ему встать, как почувствовал какую-то суету и шум за спиной.

Быстро оглянувшись, я увидел киллера за своей спиной со стилетом, занесенным над моей ключицей.

В следующее мгновение свистящая стрела с тупым звуком пробила его доспех и опрокинула человека на спину.

— Твою же мать!

Твою ж мать! Зачем его убивать?

Я посмотрел на тело человека, упавшего за моей спиной, а потом перевел взгляд в то направление откуда был произведен выстрел.

Рядом с телом убийцы, с которым я разделался первым, стояла невозмутимая маркиза с бродовым арбалетом из красного дерева в руках. Она медленно опустила свое оружие.

— Ну зачем? — я стоял ошарашенный.

— Мы в расчёте! — сказала Дария мне не без гордости в голосе за свой меткий выстрел.

— Наконец-то кто-то прикончил эту мразь! — прокомментировал барон — я благодарю вас, маркиза!

— Спасибо Ваша Светлость! Но лучше бы мы попробовали выведать у нег подробности, — я поклонился Дарии.

— Что ты несешь, какие тебе подробности, бес? — произнес в мой адрес барон усталым, но строгим голосом, — ты мне еще за баронессу ответишь. Я еще с тебя шкуру спущу!

Он сверкнул гневным взглядом.

— Я к вашим услугам, барон, шкуру — так шкуру, — я закончил обвязывать его плечо, остановив кровотечение.

Я встал и пересел к человеку, в которого выстрелила маркиза. Прощупав его слабый пульс, я обратился к нему.

— Зачем ты хотел меня убить? Теперь я не уверен, что ты выживешь. — я посмотрел на оперение стрелы торчащей из доспеха.

— Я хотел тебя убить потому что это моя работа. Мне за это заплатили, — прохрипел в ответ киллер.

— Тебе заплатили за мое убийство?

— Мне заплатили за убийство любого, кто нам помешает выполнить задание.

— А какое у вас было задание?

— Убить Барона и вывезти маркизу.

— Кто заказчик?

Я посмотрел на барона, который нахмурился

— Моя работа строится на доверии между мной и клиентом. Даже если бы я знал, я бы тебе не сказал. На этих словах он вырубился. Я снова прощупал пульс. Нитевидные толчки по артерии почти не ощущались. Я наклонился ухом к его носу и уловил слабое дыхание.

Обернувшись, я увидел, как Аарт за спиной стянул одному ботинки и чулки и внимательно разглядывал татуировку на пятке.

Почувствовав мой взгляд, он тоже обернулся. Уставившись мне в глаза, перевел взгляд на татуировку будто сигнализировал о чем-то.

Мне стало понятно, что он узнал эту картинку на татухе. Наши переглядки длились не более пары мгновений, и никто из окружающих ничего не заметил.

— Господин кассельхолдер, прошу вашей помощи. Если мы сумеем спасти этого человека, то мы сумеем понять, каким образом они проникли в замок, где наши слабые места. Мы сумеем понять, кто именно затеял это гнусное покушение. И поквитаться с мразями.

— Ты много на себя берешь! — заревел барон, — Ты тут никто, чтобы через мою голову прыгать!

— Барон, этот молодой человек сначала спас жизнь мне, потом вам. Я требую, чтобы вы отнеслись к нему с уважением, как это подобает настоящему дворянину, — услышал я своей спиной приятный голос Дарии.

— Маркиза! При всем уважении, он спас вас и меня, но убил баронессу!

Она обернулась ко мне и спросила:

— Это правда?

Она была несомненно умна, потому что давала мне шанс высказаться.

— Нет Ваша Светлость — это, конечно же, не так. Я был очень заинтересован в том, чтобы баронесса выжила, ведь в этом случае меня должны были бы отпустить. В обратном случае меня должны вернуть инквизиторам и сжечь на костре.

— Это правда? — маркиза посмотрела на барона. Тот недовольно кивнул.

— Продолжайте, — она снова предоставила слово мне.

— Я приготовил отвар, который не может убить человека. Я более чем в этом уверен. — я сделал паузу, чтобы мои слова лучше запомнились окружающим, — я, в присутствии всех, сделал несколько больших глотков перед тем, как передать кубок брату барона рыцарю Сталлену Ван Туйлю, который напоил баронессу с рук. Это видели все, в том числе и барон.

Маркиза Дария вопросительно посмотрела на барона.

— Барон? — она приставила арбалет к стене.

Барон побагровел.

— Сукин сын! Он все-таки добился своего! Он так желал поскорее получить свою часть наследства, что пошел на убийство матери. Поверить не могу. А я с обеда всё думал, на хрен он напялил отцовское кольцо с отсеком для яда?

— Умм. — он тяжело вздохнул и подозвал стражника, — Себастиан?

— Да, барон?

— Когда ты видел в последний раз Сталлена Ван Туйля?

— Незадолго до нападения, он вскочил в седло и ускакал за ворота замка. Я подумал, что это вы распорядились заняться похоронами.

— Итак, барон! — Дария уперлась руками в бока. Она выглядела, как охотница, заполучившая добычу. — Я требую снять сейчас же все обвинения с этого молодого человека! Я беру его под свою опеку.

Аарт с удивлением наблюдал за ней. Он приподнял правую бровь и посмотрел на меня.

— Но, маркиза, я обещал аббату...

— Барон, я беру Девитта под свою опеку, меня не интересует, что вы при этом скажете аббату, — повторила она еще раз, — Как мы выяснили, Девитт не имеет никакого отношения к смерти вашей матушки — это раз.

Он спас вашу жизнь — это два. Я вижу, что вы пока не в состоянии обеспечить мне безопасность — это три.

Если бы не господин Аарт и Девитт, вы бы меня больше никогда не увидели! — она с посмотрела на моего кузена, улыбнулась и кивнула ему в знак признательности.

Аарт смутился и покраснел. Это не осталось незамеченным маркизой.

Уголки ее губ еще раз дрогнули в улыбке.

— Мы договорились, барон? И безо всяких условий!

Виллен Ван Туйль покосился на меня, покачал головой, вздохнул и ответил

утвердительно.

— Мы договорились, маркиза.

Она определенно могла вить из него веревки.

Мне пока это на руку, но в долгосрочной перспективе я бы предпочел быть зависимым от барона-тугодума, чем от привлекательной, властной и умной маркизы.

Я надеялся, что Аарт не станет меня к ней ревновать. Я заметил оттенок тревоги, которая пробежала по его лицу, когда она выжимала из барона мое освобождение.

Как быстро она поспешила убить последнего черного плаща. Она не пожелала стать моей должницей или поспешила избавиться от свидетеля? Я уже знал, что Дария умна, но и я парень совсем не глупый, как говорят — не промах.

Я не исключал ничего. То, что брат барона ускакал в неизвестном направлении еще ни о чем не говорит.

Он слинял сразу после того, как баронесса начала биться в конвульсиях, скорее всего старуху отравил Сталлен. Но не факт, что он подослал отряд головорезов.

Я вспомнил, про последний черный плащ. Жаль, что его пристрелили из арбалета. Я повернулся к нему. По моим расчетам под его доспехом должна была уже образоваться лужа крови.

Но там было сухо. Интересно, я присел вновь рядом на корточки и повернул тело на бок, чтобы посмотреть пробил ли стрела доспех насквозь.

Арбалет имеет намного большую пробивную силу, чем лук на коротких дистанциях. И действительно, я увидел торчавший из спины наконечник. Его еще можно было спасти.

— Господин кассельхолдер, Себастиан мне нужна ваша помощь. Барон, простите, что я снова отвлекаюсь на убийцу. С вами все будет в порядке. А этого — я махнул рукой в сторону лежащего тела, — еще можно спасти. Поверьте, мы больше выиграем, если он останется жив.

* * *

— Я помогу дойти барону до его опочивальни и помогу ему промыть раны, Девитт займитесь раненым, — маркиза облегчила мое положение, потому что барон мгновенно смягчился.

Он не ожидал, что Дария окажет ему такое внимание. Он уже стоял на ногах. Маркиза подошла к нему и перекинула его здоровую руку себе через плечо.

— Будет исполнено, Ваша Светлость маркиза Дария. Ответил ей я.

— Себастиан, после того как поможете Девитт и Аарту займитесь телами, к утру от крови не должно остаться и следа. Распорядитесь насчет ужина. Мы так и не поели

— Да, Ваша Светлость. — Себастиан склонил голову в почтительном поклоне, — я организую уборку.

— Господин кассельхолдер, — она сделала паузу и посмотрела кузену в глаза, — когда все закончите приходите с Девиттом в трапезную, нам нужно обсудить поездку в Ватикан.

— Ватикан? — барон повернулся к девушке и вытаращил глаза

— Да. Мы едем в Ватикан.

— Кто мы? — он закатил глаза. Слишком многое навалилось на него сегодня, и барон был растерян.

— Вот это мы и обсудим позже в трапезном зале. Пойдемте барон. И да. Девитт, оденьтесь и приведите себя в порядок.

Я вспомнил, что обнажен по пояс и посмотрел на свою грудь, живот. У Девитта была поджарая и подкачанная фигура.

Развитые грудные мышцы и отчетливо проявленные кубики пресса напоминали о физической силе, заключенной в этом молодом и красивом теле.

Мне стало приятно от осознания, что этим телом владею я, Савва Филатов. Или все же я Девитт Ланге? Теперь мое сознание как будто наслоилось на сознание того, кто был раньше в этом теле.

Размышляя об этом, я подхватил раннего подмышки, а Аарт и Себастиан взяли его за ноги.

— Сюда, — показал молодой стражник, кивая головой на ближайшую дверь.

За дверью оказалась бельевая комната старой баронессы, где на полках лежали бесчисленные простыни, наволочки и пододеяльники разных расцветок.

Посреди комнаты стоял большой стол, на котором гладили постельное белье.

Тут же на полках, рядом с большим очагом стояли угольные утюги и кадки с водой.

Мы положили раненого на бок, на стол и сняли с него плащ и маску.

Под плащом у наемной убийцы оказался такой же черный металлический доспех, как и других его собратьев, которым повезло меньше.

— Отлично, то что нужно. Уголь нам кстати. Себастиан, принеси пожалуйста стилет.

Аарт обошел стол, снял с человека на столе обувь. Он что-то искал под чулками на подошве стопы. Обнаружив татуировку, кузен негромко произнес.

— Они все из клана «неспящих», нам сегодня невероятно повезло, что мы остались в живых, — я подошел к Аарту и посмотрел на татуху.

Она представляла из себя ромб. В центре ромба полузакрытый припущенным верхним веком глаз, помещенный в ромб. Лицо Аарта стало серьезным.

— Клан неспящих? — весело переспросил я. Кузен огляделся по сторонам и приложил указательный палец к губам

— Шшш.

Мне было странно видеть этот его жест.

Кузен не боялся открыто обсуждать мою потерю памяти, «новую бабу» барона, поездку в Ватикан, а теперь разволновался из-за татухи на пятке парня, занесшего одну ногу на тот свет и болтающегося между мирами.

— Требую пояснительную бригаду! Что за клан?

— Что? — посмотрел Аарт на меня очумело. Он все еще испытывал беспокойство

В комнату вошел Себастиан, и мы умолкли. Он держал в руке ведро, наполненное водой, стеклянный пузырек средних размеров и нож.

— Вот, я подумал, что стилетом вам будет сложно управляться. Здесь порошок для врачевания ран и вода, чтобы промыть рану. Правда я не принес тряпок, чтобы смачивать.

— Отлично друг, — я хлопнул его по плечу, когда он поставил ведро на пол рядом со столом. — Тут полно тряпок, мы найдем что-нибудь.

— Прошу прощения Сир Девитт, но это постельное белье нельзя трогать.

— Почему? Не называй меня «сир» — просто Девитт

— Это постельное белье принадлежит баронессе, Девитт.

— Она умерла, ей оно больше не пригодится. А вот нам вполне.

— Хорошо.

— Вас тут есть порох и водка?

— Водка?

— Граппа, ракия, арака. Подойдет бренди, виски, ром. Любой крепкий алкоголь.

— Я понял, думаю, что что-нибудь раздобуду.

Себастиан покосился на татуху на ноге раненого.

— Иди Себастиан, спасибо ты нам очень помог, ты мужественно сражался и распорядись, чтобы тебе повысили жалование. После того как принесешь, то что попросил Девитт. Займись трупами на этаже. — сказал ему Аарт

После того как Себастиан вышел, я посмотрел на кузена.

— Откуда он меня знает?

— Ну ты даешь! он родной брат Элайны.

— Понятно. Что тебя так встревожило в татухе? На тебе лица нет.

— Девитт, меня встревожил Гольят — твой брат.

— Что мой брат? Не понимаю.

Он подошел ко мне и прошептал на ухо.

— Твой брат Гольят глава самого могущественного клана. Он уничтожил вашего отца, моего дядю. А теперь пришел за нами. Он создал тайный клан «неспящих», которому подчиняются лучшие воины Европы. Даже швейцарские гвардейцы, охраняющие Папу Римского Льва десятого, дай Бог ему здоровья, вынуждены считаться с Гольятом и испрашивать у него разрешения на перемещение стражников, оружия, амуниции, провизии, лошадей и фуража.

— Мой родной брат настолько крутой?

— Круче не бывает. Его клан самый могущественный на сегодня. Мне нужно прошерстить замок снова. Неспящие могут все еще находиться в крепости.

Аарт повернулся потрепал мою шевелюру с остроконечными сгустками волос соломенного цвета, перьями свисающие вниз со всех сторон.

Меня немного беспокоила эта новая информация. Наверно это отразилось на моем лице, потому что кузен обратился ко мне.

— Ничего не бойся. Займись этим ублюдком, — он указал на тело на столе — может мы, действительно что-то сумеем выведать у него.

На этих словах он вышел из комнаты. Я посмотрел на раненого и принялся резать тесьму на которой держался нагрудник.

Через некоторое время в комнату вернулся Себастиан и протянул мне мешочек с порохом, огниво и бутылку с бренди. Я тут же зубами вытащил пробку, понюхал содержимое и пригубил на язык.

— Я не уверен, что барон одобрит, что вы пьете его бренди без разрешения. У в погребе него осталось всего тридцать три бутылки.

Я улыбнулся. Соединенные сознания придавали характеру озорную бесинку.

— Себастиан, бренди я попросил не для того чтобы напиться. Нужно прочистить рану. Но как я пойму то ли ты мне принес? Ещё не могу не спросить, ты сам его пробовал?

— Нет... Что вы? Как можно?

— Ты никогда не пробовал бренди? Вот это новость!

Он отрицательно покачал головой.

— Понятно. Давай-ка выпьем по глотку за то, что остались живы сегодня. Если что,

вали все на меня.

Я сделал небольшой глоток и протянул бутылку стражнику. Я видел, что ему хочется попробовать, но совесть и воспитание не позволяет сделать это.

— Никто не узнает, даю слово. Если спросят, то скажешь, что пил только я. Барон вряд и считает свои бутылки.

Он нерешительно взял бутылку, а потом сделал глоток и слегка крикнул. Видимо Себастиан не ожидал что напиток такой крепкий.

— Ну как? — улыбнулся я стражнику.

— Пойдет, — ответил мне брат самой прекрасной девушки на свете, — мне нужно идти. Могу чем-нибудь еще помочь?

— Нет все в порядке. Иди. Спасибо тебе.

Раненый на столе тихонько застонал в забытьи. Это хорошо. Он подает признаки жизни. Я срезал шнурки на доспехах и обломив деревянную стрелу под оперением аккуратно снял нагрудник.

Обломок торчал прямо под правой ключицей.

Скорее всего она сломана. Удача улыбнулась сегодня этому типу.

Я прислушался к дыханию. Легкое не пробито, иначе я слышал бы булькающий звук. Я попытался вспомнить какие сосуды могут проходить под раной.

Судя по отсутствию крови, маркиза попала удачно для раненного. Ничего жизненно важного не задето.

Скорее всего человек потерял сознание от болевого шока — крепкий орешек. Я проверил перетянутую мною ногу — с ней было все в порядке.

Передо мной стоял выбор: рискнуть и вытащить стрелу из тела, раненного или оставить как есть.

Если оставить все как есть, то раненый рисковал получить нагноение и сепсис. Если вытащить стрелу, то я мог спровоцировать новое кровотечение и потерять моего «пациента».

Я решил вытащить стрелу и попытаться сразу же обработать рану. Я подготовил бренди, порох и чистые белоснежные лоскуты из простыни баронесса.

Мне повезло. Я выдернул обломок стрелы со спины, но мои опасения были напрасны. Кровь не хлынула, раны от стрелы, пробившей доспех с двух сторон едва кровоточили.

Я слегка дезинфицировал отверстия при помощи бренди. Засыпав в первую рану пороха, я прижег ее.

Раненый застонал и сжал зубы от боли. Мне было не понятно пришел ли он в себя или всё ещё находился без сознания. Я поспешил проделать ту же манипуляцию с раной на спине.

Закончив с ранами, я осмотрел ногу. Лоскут мышцы припекся к ране. Его нужно пришить. Я взял заранее подготовленные нитку с иглой, нож и принялся оперировать.

Мои руки были в крови, поступающей из ноги, но к счастью она не пульсировала я легко убирал ее тампонами.

Себастиан заглядывал ко мне время от времени, и искренне интересовался не нужна ли его помощь.

Во время операции он с прислугой занимался уборкой тел в коридорах.

Я справился с операцией примерно за пол часа. После того как я закончил, я отмыл руки от крови в бочке с водой и сделал большой глоток бренди.

Алкоголь теплом полился по пищеводу в желудок, а затем пробежался волной по сосудам и по всему телу.

Я похвалил себя. Я не ожидал, что Савва Филатов так быстро управиться.

Спустя полчаса время Себастиан принес мне чистую одежду. Я переоделся и снова сделав небольшой глоток предложил коньяка Себастиану.

После того как он отказался, я спрятал бутылку в шкаф с бельем красного цвета и подмигнул ему.

— Она наша. Можешь пользоваться в любое время, как пожелаешь.

Потом я поручил отнести раненого в свободную спальню, выставить сразу у двери, на случай, если убийца решится сбежать. Запретил строго настрого давать ему пить и есть без моего одобрения.

Себастиан предложил привязать его к кровати до утра, и я согласился.

Не потому что боялся, что тот мог что-то натворить. Просто привязанный, он имел меньше шансов расшить швы, наложенные мной. Я желал, чтобы этот человек во что бы то ни стало выжил. Тогда я узнаю больше о его задании.

Через некоторое время вернулся Аарт. Он уже взял в себя в руки, и я вновь увидел уверенного в себе молодого человека.

— Все в порядке? Ты перешерстил замок?

— Да, их в замке точно нет. Я усилил охрану.

— Откуда такая уверенность, в строениях полно закоулков, в которых они могли попрыгаться нельзя расслабляться.

— Их видели. Они пришли восьмером. Пятерых мы захреначили, один твой пленный, кстати, как он? Еще двоих видели сваливающимися на двух лошадях. За стеной нашли шесть лошадей. Пойдем, нас ждут в трапезной.

— С раненым всё в порядке, если он не будет идиотом, то будет жить. Думаю, в обед его можно будет допросить. Мы пока привязали его с Себастианом. Проследишь, чтобы с ним все было хорошо?

— Только ради тебя! — Аарт хлопнул меня по плечу.

Мы вышли из кладовой и направились по коридору к лестнице. Тела все уже вынесли, и прислуга отмывала кровавые разводы на полу и стенах.

— Ты говоришь шесть лошадей? Должно быть семь.

— Почему?

— Одна для маркизы.

— Да... — он почесал затылок, — я не подумал, но не факт, что она согласилась бы с ними скакать

— Самое время рассказать мне подробно про брата, а так же про то, как и почему умер мой отец.

*** **

— Да, расскажу позже, но не здесь.

— Хорошо. Куда дели тела убийц?

— Не беспокойся — их сожгут на рассвете за стенами. Их уже вынесли.

— Э-э-э, стоп как сожгут? Их нельзя пока сжигать!

Аарт недоуменно посмотрел на меня.

— А что с ними делать? Ждать пока они завоняют и сгниют?

— В замке есть художник?

— Художник?

— Да, живописец, пайнтер, кунстенаар.

— В замке, нет. Но есть в соседнем селении. Старый Питер. У него и сыновья рисуют картины.

— Пошли за ним. Сейчас. Пусть он нарисует лица каждого убитого. Как живого. С цветом глаз. Пусть откроет им веки.

— А если он не захочет?

— Предлагай ему любые деньги, условия, вина чего он там пожалеет.

— Ты мне можешь объяснить зачем это нам?

— У меня есть идея, снимите со всех одежду и доспехи. Они нам еще пригодятся.

Мы подошли к дверям трапезной. Двое слуг стоящих снаружи

— Хорошо. У меня тоже вопрос к тебе.

— Давай.

— Что ты вытворял ногами, когда фехтовал с последним убийцей? Что за новый стиль у тебя? Ты не делал ничего подобного на тренировках в фехтовальном зале еще неделю назад. Ты точно потерял память на охоте? Может ты бегал на три дня к какому-нибудь новому учителю фехтования?

— А это... Я видел это в ютубе, Мохаммед Али — он крутой!

— Кто это? Али никогда не слышал, что за туба? Это город? Мохаммед Али сарацин фехтовальщик? — Аарт сдвинул брови пытаясь вспомнить слышал ли он когда-нибудь это имя.

— Сарацин? — я негромко рассмеялся, — да нет. Он боксёр. Бокс.

— Бокс?

— Да я тебе потом покажу. — дальше я обратился к нему в полголоса — Пойдем, неудобно заставляя ждать твою маркизу. Я тебе должен сказать она у тебя та еще штучка с ручкой. Думаю, сейчас мы услышим или увидим сюрприз в ее исполнении.

Когда Аарт услышал от меня слово «твоя» он расслабился и понял, что я не имею никаких видов на маркизу.

Он широко улыбнулся мне и протянул руку для рукопожатия. Я не замедлил ее схватить и потрясти так, что зазвенела его шпага.

— Вот ты дурень! Каким был таким и остался! Тебе пора взрослеть, ты ведешь себя, как десятилетний юнец! Будь уже серьезней Девитт.

Мы остановились перед открытыми дверьми. Аарт повернулся ко мне лицом.

Ему было смешно, и он читал мне нотацию менторским тоном явно подражая кому-то из прошлых учителей.

На этих словах он двинулся вперед и тут же подставил мне подножку, надеясь, что я растянусь прямо на входе.

Это был стеб двух молодых людей друг над другом, который бывает только в том возрасте, когда настоящая мужская дружба еще не отягощена службой, достижениями и поражениями, семьями и женами с детьми, грузом ответственности и отсутствием времени.

Я разгадал его маневр и ловко перескочил, через его ногу.

— Хрен тебе! Смотри не потеряй дар речи от красоты твоей Дарии — процедил я через сжатые зубы и вошел в огромное помещение трапезной с каменным выражением лица.

Аарт поспешил за мной поправляя свой камзол.

— Мальчики! Мы вас заждались! Проходите и присаживайтесь. — раздался приятный голос Дарии.

Она сидела с бароном за длинным столом. Виллен Ван Туйль находился во главе, он смотрел в тарелку, едва ковыряясь вилкой, и не поднимал на нас глаза.

Было видно, что он подавлен.

Мне оставалось только догадываться успела ли маркиза с ним переговорить до нас или все-таки она оставила разговор на потом.

Маркиза же напротив, была возбуждена и находилась в приподнятом настроении.

— Барон, так нельзя. Вам просто необходимо поесть. И не спорьте со мной. На вас так много навалилось, смерть матушки, ситуация со Сталленом, подосланные убийцы. Как вы все это выдерживаете?

Она приказала жестом слуге, стоящему за спиной у барона положить ему большой кусок индейки с блюда.

По трапезной разносился приятный аромат печеного мяса.

Слуга незамедлительно выполнил приказ.

Я посмотрел на стол.

Он был красиво сервирован, помимо мяса на столе стояли сыры, ломти хлеба, оливковое масло и сырые овощи.

Мы подошли к столу. Сначала Аарт, а затем я вслед за ним коротко поклонились головами сидящим.

— Барон, Ваша Светлость. Мое почтение, — Аарт стоял за спинкой стула и не садился пока ему не позволили. Нам было накрыто слева от барона. Две тарелки с приборами рядом.

— Барон. Ваша Светлость. Добрый вечер, — повторил я за кузенном.

— Садитесь мальчики, вы вероятно ужасно проголодались?

Аарт еще раз поклонился, отодвинул себе стул, посмотрел на меня и сел. Я проделал тоже самое.

— Не привык я ужинать с простолюдинами. — проворчал Виллен не отрывая взгляда от своей еды, — он даже понятия не имеет, что такое вилка.

— Гм, барон если речь идет обо мне, то можете за меня не переживать. Я не очень хорошо знаю правила местного этикета, но поверьте, я быстро освоюсь. Разве это сложно?

— Освоится он, слышали его маркиза? — пробурчал Виллен Ван Туйль, указывая на меня кусочком белого хлеба.

— Барон, будьте помягче, когда принимаете гостей в нашем замке. Девитт показался мне отважным и воспитанным человеком.

Это был удар ниже пояса для барона, он чуть не поперхнулся. Вельможа взглянул на

маркизу, потом на нас с Аартом. Но ничего не ответил. Маркиза сказала «в нашем замке», и это обезоруживало его, потому что вчера она иначе как с презрением с ним не общалась.

Кто и когда обучил эту особу так вертеть хвосты мужчинам мне было не понятно.

Я знал, что сейчас она выдаст ему порцию лести, потом выставит свои требования, и если он на них не согласится, то устроит такую истерику, что хозяин замка пожалеет, что не был заколот убийцами двумя часами ранее.

— Барон, но лучше всех сражались вы! Я видела схватку от первой до последней минуты. Вы бились как лев! Ваше плечо все ещё болит?

Маркиза, поймав взгляд хозяина замка, притворно расширила глаза от восхищения, когда говорила о нем. «Ну вот, что и требовалось доказать. Лесть — это раз!»

— Честно говоря, я не ожидала, что вы способны наносить такие мощные удары. Вы прекрасно фехтуете! Вы прекрасно расправились с двумя убийцами!

Барон отложил еду.

— По правде их было три. Одного я прикончил на лестнице. Они были проворны как черти. Я только и успевал гасить их атаки.

— Вы мой герой! — она улыбнулась и положила свою ладонь на его руку.

— Да уж, какой там герой. Еще чуть — чуть...

— Не обесценивайте себя, барон! Я на вас по-другому посмотрела сегодня. Не каждый может противостоять подготовленному и обученному наемному убийце, а вы стояли насмерть против двух клинков. Вы делали это не только мужественно, но еще и красиво.

— Правда? Чего уж красивого в том, что ты позволил продырявить себе плечо? — барон указал на повязку.

— Мальчики подтвердите?

Мы согласно закивали. Я включился в игру.

— Барон, если бы не ограниченное пространство коридора, то у них не было бы шанса перед вами.

— Бросьте. — он махнул здоровой ладонью, но было видно, что ему приятна похвала, особенно со стороны Дарии.

Она отпила из бокала и с хитрецей посмотрела на нас с Аартом.

— Я должна вам кое-что сказать, барон.

— Да, слушаю вас душа моя.

— Если вдруг выяснится, что убийц подослала моя семья, учитывая известные обстоятельства с деньгами, то знайте — я не этого не одобряю и всецело на вашей стороне. Если это так, то я считаю, что это мерзкое предательство.

Барон уставился на маркизу пытаюсь понять куда она клонит. Он зарделся, как мальчишка. Лесть начала действовать. Все это время мы с Аартом неторопливо ели и молча слушали их беседу

— Маркиза, что вы? Я уверен ваш отец и братья так никогда бы не поступили. Они истинные и благородные дворяне!

— Я тоже на это надеюсь.

Она играла с ним как кошка с мышкой, и поразительным был то, что он этого не замечал.

— Думаю, пришло время поговорить о нашей возможной помолвке. Она делано опустила глаза, словно стесняясь сказанного.

«Вот оно! Сейчас тебе предьявят счет барон», — поиронизировал я про себя. Все

прекратили есть.

Барон выронил вилку от неожиданности, которая негромко звякнула о тарелку, обтер свои тонкие губы салфеткой и уставился на нее.

— Я могла бы подумать о помолвке с таким сильным и отважным мужчиной, пусть и в титуле барона, если бы он обладал достаточным количеством земель, замков и людей.

Барон тоскливо опустил глаза.

— Вы же знаете мое положение маркиза... Я почти разорен.

— Барон не торопитесь. Я сама желаю вам помочь и знаю, как сделать вас богатым и титулованным женихом, за которого пошла бы любая красотка, в том числе и я.

— Как? — Спросил воспрянувший духом барон.

Клиф вопрос, как сделать барона богатым

— Барон, мы поедем в Ватикан! Я вам уже говорила про это, — она довольно улыбалась и попеременно смотрела то на меня, то на Аарт, сбитого с толку последними словами маркизы не меньше чем барон.

Я улыбался ей в ответ, разглядывая ее и восхищаясь ее красотой. Мне было приятно находиться в обществе красивой женщины.

В ранней юности я немного смущался в присутствии привлекательных женщин, мне казалось, что они смотрят на меня с презрением и жалостью, но потом понял, что это были мои собственные комплексы и зажимы.

Тогда я даже не понимал, как сильно могу нравиться девушкам.

— Я не понимаю зачем нам Ватикан? — ответил барон с плохо скрываемым раздражением. Он так же посмотрел на Аарта и меня — откуда эта безумная идея?

— Барон, это не безумная идея. Вам придется с этим смириться, если вы хотите наладить свои дела. — она спокойно гнула свою линию дальше. — Мой кузен по материнской линии, занимает высокое положение при папском дворе. Я уверена, что он поможет мне.

— Почему вы в этом уверены, маркиза?

— Он мне кое-чем очень сильно обязан. Мы получим от Ватикана заказы на шерсть и земли для выпаса стад.

Я знаю, что для моего кузена передать нам пару-тройку поместий во Фландрии ничего не стоит. Ничего, ни дуката!

— Шерсть, заказы? — барон недоумевал.

— Позвольте пояснить барон, — вмешался Аарт, он дождался кивка барона и одобрительный взгляд Дарии — Ватикан расширяет свое присутствие повсеместно. В Америке, в Мексике, в Африке, в Европе. Ему нужны колоссальные запасы тканей и одежды, — Аарт смотрел слушает ли его барон. Убедившись он продолжил.

— Ватикан постоянно ищет надежных поставщиков шерсти. Это — золотая жила.

— Жила?

Барон смотрел на кассельхолдера с подозрением, а маркиза напротив — одарила Аарт широкой улыбкой.

Неожиданно барон обратился ко мне.

— Ты что-нибудь понимаешь?

Видимо, он хотел выровнять баланс с моей помощью, потому что считал предложение

маркизы бесполезной затеей.

Барон надеялся, что я тоже подвергну сомнению идею Дарии, тогда голоса присутствующих за столом разделятся поровну.

Вот и я теперь пригодился барону. Но я не собирался щадить его самолюбие и предложил такое, что не сразу поняли Аарт и Дария.

— Меринос! — ответил я, глядя в глаза барона. — отличная порода овец, которой, по моему, пока нет во Фландрии. Мы расплодим нереально огромные стада. Насколько я помню, у вас здесь великолепный климат для этого.

Маркиза засмеялась и захлопала в ладоши.

— Откуда ты знаешь об этой породе? О ней знают не все в Испании, Девитт. По моему, у тебя отлично работает голова.

— Спасибо Ваша Светлость! Но я ещё не закончил. Просите за мою дерзость, маркиза но полагаю, что наша цель не шерсть.

Я сделал паузу. Все посмотрели на меня заинтересовано.

Анализируя окружающую действительность, я прекрасно понимал, что в этом обществе технологии и способы производства были пока ещё не очень развиты.

То есть, тот ремесленник, который производил четырехколесную телегу делал всё сам в своей мастерской.

Сам распиливал бревно на доски, сам сушил. Потом раскраивал доски на заготовки для деталей корпуса, оглобли, оси и колеса со спицами.

Затем придавал оглоблям спицам округлую форму, сам производил колеса. И так далее.

Все бы ничего, но из инструмента у него была примитивная рамная пила с медным полотном, топор и ножи. Попробуй обработай дерево.

Это всё очень растягивало процесс по времени. Телега вместо пары дней производилась пять или шесть месяцев при помощи ручного труда.

Мастеру помогали подмастерья, но пока до грамотной организации труда, не говоря уже о конвейерном производстве, речь не шла.

Пока люди не понимали, что мануфактуры и фабрики использующие наемный труд и разделение производственных операций даст нереальный рост.

Пока люди не понимали сырье дает меньший доход, чем готовые изделия из него.

Прибыль оседала даже не у тех, кто перерабатывал сырье в готовую продукцию, хотя естественно, что доход ремесленника, превышал доход дровосека, а у тех, кто торговал изделиями оптом на внутреннем рынке и на экспорт в другие страны.

По моим прикидкам рынок был практически свободен от конкуренции. Он преподносился нам на блюдечке. «Ух, я развернусь здесь» — сказал я себе в те минуты!

— А что же является нашей целью? — удивленно посмотрел на меня маркиза.

— Рынок абсолютно свободен. Конкуренентов ноль. Шерсть, является лишь частью цели, одной из ступеней плана, — я не останавливался.

— Второй ступенью является сукно и ткани из шерсти мериноса! — я был уверен, что они восхитятся моим планом.

— Третьей ступенью является крупная торгово-производственная компания с филиалами по всему миру. Как вам идея: «Альба энд Ван Туиль Компани»? — я замолчал, ожидая полного одобрения моего плана.

Аарт, Дария и Барон смотрели на меня блуждающими взорами. Они ничего не поняли из сказанного.

— Так, я понял, что сложно объясняю. — я посмотрел на них. Эта троица становилась родной. — Суть в том, что Ватикан заплатит нам намного больше денег за сукно и ткани чем просто за шерсть. Это понятно?

Все кивнули.

— Отлично. Если мы построим мануфактуру, а это большие мастерские, где не один, а сотня подмастеров, и будем там превращать шерсть в сукно, то мы сможем обеспечить весь Ватикан. Еще мы будем задешево покупать шерсть у других и задорого продавать сукно в Ватикан кузену маркизы Дарии Альба. Представили?

Мои слушатели еще раз кивнули.

— Аарт почитай в уме сколько это денег.

У Аарта загорелись глаза. Его теперь заряжала моя идея. Барон приподнял бровь и спросил Аарта.

— Много?

— Барон, это очень много денег.

Барон прищурился будто обдумывал в уме, как потратит будущие доходы.

— А теперь представьте, что мы обеспечиваем Ватикан они будут зависеть то нас?

Маркиза и Аарт улыбнулись друг другу и посмотрели на меня.

— Они будут зависеть от нашего сукна, как пьяница от вина! — воскликнул Аарт

— А теперь представьте, что у нас не одна мануфактура в Розенлааре, а в каждом крупном городе Европы, куда мы сможем пробиться. — до маркизы тоже начало доходить. — Сколько крупных городов в Европе?

Маркиза неопределённо пожалала плечами.

— Сотня? Пусть мы сумеем поставить мануфактуры в четверти из них. У нас будет в двадцать пять раз больше денег, чем очень много денег. И великое влияние на Ватикан. Они будут зависеть от нас.

Дария посмотрела на барона. Тот снова разочарованно опустил голову и махнул рукой

— Да ничего у вас не получится.

Маркиза сжала свои пухлые от природы губки и нахмурила брови.

— Почему, барон? Вы что зануда?

— Это все пустые фантазии, ни один уважающий себя лорд не разрешит строить на своих землях мануфактуры. Ладно еще по Фландрии, но в чужих странах и королевствах? Ерунда это все. Бросьте, — он махнул кистью правой руки сверху-вниз.

— Простите, барон, что возражаю вам, — ответил я ему — нам не нужны лорды, феодалы, короли и их разрешения.

— Что значит не нужны, бес? — он снова вспомнил о моей мнимой одержимости.

— Барон нам нужен всего один человек при папском дворе, который станет нашим компаньоном. Никто не посмеет перечить Римской Католической Церкви. А она есть в каждом мало-мальски значимом европейском городе.

— Что это значит? Компаньоны?

— Это значит, что мы предложим человеку сотрудничество. Это значит, что мы заключим сделку и дадим человеку, то что ему нужно. Вы же заключаете сделки с аббатом, снабжаете его вином и так далее. — барон понял, что я намекаю о себе и о симпатичной кухарке.

— Вот и мы предложим моему кузену, например, серебро. Или долю в предприятии. — поддержала меня Дария. — он любит монеты. Я знаю это с детства.

— Не знаю, не верю в то, что это все возможно. Пойти войной на Ближний Восток — это другое дело. Это по мне. Но у меня нет денег, чтобы снарядить армию.

Барон, скрывал свою неуверенность.

— Что скажешь Аарт, может напишем кому-нибудь в Ватикан послание, чтобы дали нам новое поместье под залог в будущей войне? — барон уставился на кузена с немым упреком за неудачную экспедицию в Мексику.

Он все еще надеялся, что его кто-нибудь поддержит против маркизы. Он был явно против поездки в Ватикан. Но Аарт оказался молодцом и не поддался манипуляциям.

— Барон, война сейчас не лучший выход. Я считаю план маркизы Дарии самым разумным из того, что мы можем предпринять. Даю вам слово мужчины, я не сговаривался ни с Её Светлостью, ни с Деви́ттом и слышал об том, что у маркизы есть кузен в Ватикане впервые. Это реально шанс подняться для вас, барон. А значит и для всех нас

Он полез за пазуху и достал оттуда свернутый свиток.

— Я уже писал в Ватикан Кардиналу Папской области Лоренцо Кампеджо. Он ответил оскорбительным отказом. Даже не хочу читать вслух, — кузен протянул свиток барону, но тот не стал его брать. Ему было не с руки из-за раненого плеча.

— Перескажи своим словами.

— Барон, кардинал затребовал десять тысяч дукатов ежемесячно, — Аарт убрал свиток обратно.

— Это возмутительно! — сказала своим божественным голосом Дария и стукнула кулачком по столу, — как у него язык поворачивается такое требовать?

В это мгновенье она была чудесно хороша.

— Решено! Мы едем в Ватикан, — провозгласила она свое решение, как будто оно было принято единогласно.

— Ну, хорошо, хорошо. Уговорили. Только дайте зажить моей ране. Мы отправимся в Ватикан после Пасхи в апреле месяце, — барон устало откинулся на спинку своего кресла и закрыл глаза.

Маркиза хитро улыбнулась, посмотрела на меня и Аарта. При этом, мне показалось, что она заглянула моему другу в зрачки и задержала там взгляд больше, чем позволяли приличия того времени.

Она, видимо, ощущала в душе триумф от победы над бароном.

— Барон, простите, но вы не поедете. По нескольким причинам, — проговорила она, сдерживая радость, — Во-первых, вам нужно выздороветь, а травма подобная вашей требует не одного месяца восстановления.

Барон открыл глаза и посмотрел на нее в отчаянии.

— Во-вторых, нам нужно успеть до Пасхи, потому что мой кузен отбудет в апреле сразу после Пасхи на Сицилию, и мы не сможем с ним договориться, а стада нам нужны в этом году.

Маркиза сияла, ею двигал азарт и предчувствие путешествия.

— И в-третьих, нападавшие на нас не знают убиты вы или нет. Я бы предпочла сохранить информацию о том, что вы выжили и победили в тайне.

Она положила свою руку на его ладонь сверху.

— Мы сохраним все в тайне настолько, насколько это возможно. Чтобы узнать, кто тот негодяй, который подстроил это гнусное нападение. Я хотела, чтобы меня сопровождали в поездке Деви́тт, Себастиан, Аарт.

— Душа моя, я не понимаю при чем здесь Аарт и другие? — недоумевал барон.

Мне стало его жалко. Льва загнали в клетку.

— Они показали себя отважными защитниками. Кроме того, мне понадобится красноречие Аарта, чтобы убедить моего кузена в серьезности наших намерений, а также предприимчивость и хватка Девитта для того, чтобы описать все детали сделки на договора между вами и Ватиканом.

Маркиза погладила руку барона, потом взяла кубок и жестом предложила ему чокнуться.

— Вы согласны? Вы хотите помолвки, после того как станете одним из самых богатых людей в Европе?

Барон развел руками. Я мысленно аплодировал маркизе. Она блестяще разыграла свою партию и победила. Хоть итог для меня оказался предсказуем, я допускал, что барон откажет в последний момент.

Но Виллен Ван Туйль только тяжело вздохнул поднял свой кубок и чокнулся с маркизой.

— Сколько времени вам нужно за сборы? Проследите, чтобы маркиза имела все необходимое в дороге, и чтобы она ни в чем не нуждалась. Девитт и Аарт вы свободны.

Он выпил и кряхтя вышел из комнаты.

Я встал. Чокнувшись бокалом с Аартом и маркизой выглянул в ближайшее окно. Мне показалось, что за окном промелькнула тень человека.

*** **

На следующее утро, после завтрака я проведал моего пациента. Дела у него шли лучше. По рассказу стражника он пришёл в себя ночью, но никаких просьб от него не поступало.

Почему-то его пути оказались свободны. Я вспомнил про тень за окном, но тут же отбросил эту мысль. Пациент был слишком слаб для того, чтобы лазать зимой по отвесным стенам замка.

Убийца из клана «неспящих» по-прежнему отказывался со мной разговаривать, но несмотря на это он позволил себя осмотреть. Я промыл и обработал его раны.

Аарт носился как угорелый по коридорам и помещениям замка, готовя поход и снаряжая обоз, который, по его словам, должен был состоять из трех телег, зимней кареты на санях.

К полудню, в замок привезли художника, который ворчал всю дорогу, пока мы шли к сараю с телами убийц — их сложили отдельно.

Он был недоволен тем, что его вытащили из теплой постели, «из-за пазухи» молодой и красивой жены, везли голодным на холодной телеге за тридевять земель.

Я пообещал ему, что его непременно накормят и напоят в ближайшее время, возможно даже, кто-то из городских вдов помоложе, составит ему в этом веселую компанию.

Но прежде нужно было посмотреть моих натурщиков, ожидающих его гениальной кисти. Мне показалось, что мои слова о еде и вдовах немного смягчили его ворчание.

Правда, старик не производил впечатление талантливого художника, и я начал сомневаться в своей затее.

Когда мы подошли к сараю с трупами я поинтересовался боится ли он мертвецов и был ли у него опыт рисования умершего человека.

Старый Питер покосился на меня, пожал плечами и сообщил, что ему все равно кого рисовать. Лишь бы платили золотом или на худой конец серебром.

Зайдя вдвоем в сарай, двери которого нам распахнул знакомый стражник — он был одним из тех, кто конвоировал меня от городских ворот к Аарту, мы увидели шесть столов, выстроенных в ряд.

На них лежали неподвижные обнаженные тела киллеров клана неспящих, обращенных пятками ко входу.

В глаза бросалось то, что кто-то аккуратно срезал с их пяток татуировки с полуприкрытым оком — тайным символом клана.

На каждой бледной ноге на месте татуировки красовался прямоугольник правильной формы, бордового цвета. Тонкий слой кожи был отделен от тела.

Я подумал, что это сделал Аарт, чтобы не будоражить воображение городских мужиков и оставить личности нападавших инкогнито.

— Что от меня требуется? — спросил старик с интересом разглядывая раны от которых умерли люди, лежащие на столах.

— Во-первых, молчание о том, что вы видели, — я полез в свой кошелек и извлек из него две большие серебряные монеты равные двадцати дукатам каждая.

Эта сумма составляла его средний месячный заработок.

— Во-вторых, мне нужны портреты каждого из этих людей. Проблема в том, что они мертвы, а мне нужно, чтобы они выглядели, как живые. Питер, вы сможете каждому,

приоткрыть веки, рассмотреть цвет их глаз, особенности лица и как бы оживить в своих картинах?

Я подумал, что был оксиморон, приоткрывать веки спящим вечным сном «неспящим». На ту тему можно было бы сложить песню.

— Конечно, смогу. Пусть принесут из телеги мою поклажу.

— Мне нужны цветные портреты, — сказал я, достал из кошелька и протянул старику золотую монету, меньшую диаметром, чем серебряные.

Она была достоинством в пятьдесят дукатов.

Он посмотрел на монету взял ее в руки, попробовал на зуб, ловко убрал ее в свой кошелек.

— Давай сюда еще одну. — он протянул мне руку. Я подумал, что Аарт сочтет меня сумасшедшим и отругает за такие траты, но все же подавил в себе рачительность и выполнил его требование.

Питер Брейгель Старший с видом, человека, который точно знает, чего хочет в жизни, попробовал на зуб вторую монету, ловко подбросил и уверенным голосом сказал.

— Здесь мало света, мне нужно много свечей. Я люблю копченый окорок, кислое вино и будет хорошо, если все это мне принесет сговорчивая, сисястая вдова, которая не боится жмуриков. Приходи вечером — получишь свои портреты.

— Мне хотелось бы уточнить что значит кислое вино, и

Какого размера будут портреты?

— Кислое вино — это не сладкое вино, чего тут непонятного? — проворчал Питер, я начал привыкать к его манере и понял, что он так разговаривает со всеми, — портреты будут такими, что ты сможешь хорошо видеть свой отряд лучших наемных убийц. Питер Брейгель халтуры не делает!

Я спросил, откуда он знает, что усопшие являются киллерами?

— Посмотри на их руки. Они все в шрамах такое количество рубцов говорит о том, что они загубили ее одну душу.

— Но ведь у солдат, тоже могут быть раны и шрамы? — заинтересованно спросил я.

— Могут, — подтвердил старый художник, — но только не такие. Посмотри внимательно. Они все очень атлетично сложены, но на их телах почти нет рубцов. Рубцы только на руках. Вот эти вот, — он показал на шрам полумесяцем на запястье одного из них оставлены зубами женщины, — я посмотрел и вспомнил, как Дария вцепилась зубами в перчатку здоровяка, тащившего ее по коридору.

— Вот эти от мелких порезов. Это от кинжала, это от рапиры, а у этого отрублен мизинец, скорее всего его задела алебардой, в какой-нибудь драке. — Питер перечислял характер старых, заживших ран, словно заправский детектив.

Он читал рубцы словно открытую книгу. Затем он очень точно описал удары и виды оружия, которым были убиты лежащие перед нами люди.

— Посмотри на их зубы. — продолжил он, приоткрыв одному из трупов губу.

— А что не так с зубами?

— Наоборот — всё так. Они отлично питались. У них целы все зубы. А теперь обрати внимание, на то, что у них великолепные тела, на которых нет ни капли лишнего жира.

— О чем это говорит?

— Это говорит о том, что они богаты и при этом они всегда упражняются в фехтовании, борьбе и в воинском деле. Солдаты не такие. У них плохие зубы, потому что они жрут что

придется, у них раздутая печень, и тело, покрытое рубцами, потому что их толком не учат драться. Те, кто выживают в войнах, учатся на собственной шкуре, поэтому у большинства солдат все тело в шрамах. А у кого шрамов нет — или не воевали пока еще толком, или уже сдохли.

Я был потрясен и восторженно слушал его.

— Рот закрой — галка залетит, — обратился он ко мне, посмотрев на меня. — Вот этого, скорее всего, убил ты.

Он сказал это так обыденно, словно говорил о прибитой мухе. Я смотрел на него с изумлением. Вот так наблюдательность.

— Как вы это узнали?

— Как, как? — проворчал мастер — По твоим глазам! Ты в первую очередь разглядывал своего противника, когда вошел в сарай. Но остался равнодушен к моему рассказу о его смерти. А вот про других ты слушал с интересом и впитывал как губка, будто сравнивал мои слова с тем, что видел сам во боя.

— Да это правда, этот человек ушел в мир иной от моего клинка.

— Ты сильный парень. Это был очень опасный убийца. Наверно самый опытный из них. И завалить такого быка — одного везения мало. Тут нужны быстрые мозги и искусство. Мастерство. — старик посмотрел на меня оценивающе, — Ты, скорее всего, много добьешься в жизни. Но две вещи могут погубить тебя очень быстро.

— Какие?

— Гордыня и женщины. Дави свою гордыню, как только ее почувствуешь. Она лишит тебя остроты ума. Это не значит, что ты должен себя ненавидеть. Ты молод и постарайся получить о жизни все, что можешь. Власть, богатство, красивых женщин. Я вижу, что ты это можешь.

Он похлопал меня по плечу.

— Но будь всегда осторожен с женщинами, особенно высокого полета. Не отказывай себе в общении с ними, люби их, наслаждайся ими. Но всегда помни, что мстящая женщина всегда опаснее, чем наемный убийца. Я предпочту находиться в клетке с голодным и раненым львом, нежели с мстящей женщиной в одном городе.

Он повернулся ко мне спиной, рассматривая одно из тел.

— А теперь ступай и распорядись, чтобы мне принесли то, что я просил.

Я поклонился ему с искренней благодарностью.

Питер Брейгель меня озадачил.

Выполнив его просьбы, я шел по улочкам замка и смотрел себе под ноги. Мне было, о чем подумать после его слов.

Он говорил об мне так будто бы знал обо мне намного больше.

Будто ему кто-то рассказал о том, кто я есть на самом деле. Может быть у кого-то есть ответы на мои вопросы?

Я начал свыкаться со своей новой ролью. Я почти влюбился в место, где я сейчас находился с его уютными улочками и домиками внутри крепостной стены.

Я шел в новой приятной одежде, которую Аарт и маркиза Дария подобрали мне из гардероба братьев Ван Туйль.

Правда рапиру пришлось оставить в замке, мой статус не позволял носить такое холодное оружие прилюдно.

Я себе очень нравился. Мне нравился этот новый мир.

Мне нравилось хорошо фехтовать, иметь друга и кузена Аарта. Меня зажигала мысль о путешествии в далекий Ватикан.

Я чувствовал великий зов к приключениям, который испытывает молодой человек, надолго покидающий свой дом самостоятельно.

Ощущение опасности предстоящего путешествия приятно щекотало нервы, несмотря на то, что за последние сутки меня несколько раз чуть не убили.

Мне нравились красивые и веселые девушки Розенлааря.

Я вспомнил вкус поцелуя Элайны и сердце мое сжалось от желания ее увидеть. Такого со мной никогда не происходило раньше.

Я чувствовал, что, когда думал о ней, то не мог вдохнуть полной грудью, будто невидимые тиски сдавливали мне ребра и пресс.

Я видел в совсем воображении ее глаза, губы, грудь, притягательную фигуру, но все эти детали существовали в памяти как бы сами по себе. По отдельности. Как элементы не собранной мозаики.

Мне нужно было ее увидеть, чтобы снова собрать ее образ в одно целое. Я страстно желал новой встречи.

Мне было сладостно вспоминать о том, что я ощущал ладонями, когда дотрагивался до тела и губ Элайны, смотрел в ее прекрасные глаза, когда спасал ее.

Всю предыдущую ночь я ворочался, не мог заснуть, потому что думал перед сном о том, как мог бы здорово проводить с ней время, как я раздевал бы ее, любовался бы ею.

Как прикасался к ее бархатистой коже и держал бы ее в своих объятиях.

Я с трудом сумел уснуть под утро, утонув в сладких грезах о Элайне.

Я подумал, что если я сообщу Аарту о своем намерении проведать спасенную девушку, объясню ему про свою тягу к ней, про то как радостно бьется сердце в моей груди, когда я думаю о ней, то он не осудит меня и позволит выйти за ворота, чтобы попрощаться с Элайной перед дальней дорогой.

Но мои планам не суждено было сбыться. По пути в кабинет кассельхолдера, недалеко от входа в замок я увидел громадный силуэт монаха.

Бартель Тиельманс стоял и явно кого-то поджидал, высматривая всех входящих и выходящих из замка.

Уж не по мою ли душу пришел этот грубый и тупой верзила? Я вспомнил его слова про мою голову, насаженную на пику.

Возможно, он прознал про вчерашние события. Про смерть Хендрики Ван Туйль.

Про нападение и про то, что барон, благодаря покровительству Дарии, фактически, отказался от обвинений в мой адрес.

Барон больше не винил меня в смерти своей матери, не желал меня наказывать и выдавать обратно инквизиторам.

Спрятавшись за колонной, я решил понаблюдать за монахом-великаном.

Но едва выглянув из своего убежища, я чуть не подпрыгнул на месте от неожиданности. Кто-то внезапно хлопнул меня по плечу сзади.

Я отскочил в сторону не глядя, и вытащил короткий кинжал из ножен.

Подняв глаза, я увидел улыбку Себастиана.

— Прости меня, я не хотел тебя взбудоражить.

— Себастиан! Это ты? Я чуть не обделался! Прошу тебя не делай так больше. Я мог теб

случайно поранить, — ответил я, убирая клинок в ножны.

— Не буду больше. Ты смотришь на Бартеля Тиельманса?

— Да.

— Он искал тебя и пришел поговорить с тобой, тебе нечего бояться.

— А я его и не боюсь

— Знаю, я имел ввиду, что он просил тебе передать, что просит прощения и берет свои слова про насаженную на кол голову обратно.

— Что-то еще?

— Девитт, знаешь — это на него не похоже. Монахи наглые и грубые, они считают себя хозяевами всего. Но я такого Бартель Тиельманса вижу впервые в жизни. Он выглядит встревоженным и виноватым.

Мы оба посмотрели на монаха у входа.

— Он сказал, что у него есть важный разговор для тебя, — продолжил Себастиан, — тебе решать встречаться с ним или нет, но он попросил тебе передать имена.

— Какие?

— Я не очень понимаю, что это значит. Наталия и Теодор. Он сказал, что ты поймешь. Что они значат?

Я задумался. Теодор? Наталья? Федор и Наталья!

Мои папа и мама!

В памяти ярко всплыли воспоминания о прошлой жизни. Москва.

Квартира на Лермонтовском проспекте, родители, работа. Выставка Фламандских живописцев в Пушкинском.

Меня словно обдало порывом сильного ветра и качнуло.

— Что с тобой Девитт на тебе лица нет? Кстати, Элайна тебе передала вот это.

Он протянул мне маленький клочок бумаги. Записка. Я растерянно взял ее у него из рук, но не стал разворачивать.

— Я очень тебя прошу — не обижай мою сестру, если не любишь ее, — лицо Себастиана было серьезным и сосредоточенным.

Я заглянул ему в глаза и протянул ему руку для рукопожатия.

— А что? — до меня дошел смысл его слов, — Даю слово, что не обижу и не дам никому в обиду Элайну.

Себастиан улыбнулся, пожал мне руку, и мы обнялись.

При этом мысли мои были заняты именами, который прислал Бартель Тиельманс.

Пожалуй, стоило побеседовать с этим монахом.

— Я поговорю с ним, — я кивнул в сторону здоровяка, — если я исчезну, то Расскажи всё кассельхолдеру. Он будет знать, где меня искать.

Я поправил свою верхнюю одежду, нож и бодро направился к Бартелю.

Мы сидели с ним напротив друг друга за столом в единственной таверне в замке.

Она была скорее средних размеров. Народу в заведении совсем не было.

Хозяин, поставив нам по кружке эля удалился на кухню по своим делам.

Я молча разглядывал его широкое лицо, со скошенными скулами и очень низким лбом, как бы уходящим назад.

Приземистый череп вытянутый к затылку, покрывала аккуратно подстриженная рыжеволосая шевелюра. Толстые верхние и нижние губы прикрывали очень крупные зубы.

Я покосился на его огромные ладони. Если бы не светлый, почти молочный цвет его кожи, я бы сказал, что вижу перед собой руки гориллы.

Большая глиняная пивная кружка с ручкой в его пальцах казалась игрушечной посудкой из детского набора.

Бартель Тиельманс был, действительно огромен.

— Гхм. Я должен попросить прощения, — сказал монах, сделав небольшой глоток, — я не сразу понял кто ты и откуда.

— А кто я по-вашему, падре?

Монах тяжело вздохнул, огляделся по сторонам и убедившись, что нас никто не видит достал из своего кошелька мои часы и передал их мне.

— Савва, хреново, конечно, что тебе пришлось пострадать в Приказе Святой Инквизиции. Но знаешь, ты еще легко отделался.

Я молча одел часы на руку и убрал их под рукав.

— Короче. Ты уже понял куда ты попал, и что с тобой произошло?

— Не совсем понял, будет здорово, если вы мне объясните падре.

— Давай на «ты», зови меня Барт.

— Хорошо.

— Ты попал во временной портал, тебя перенесло из будущего в наше время в шестнадцатый век.

— Откуда ты знаешь? Тебя тоже перенесло?

— Нет. Я родился в своем времени, я живу и умру в своем времени.

— Тогда откуда знаешь, про Федора и Наталью?

— В Ватикане есть особая служба при Великом Инквизиторе, которая занимается такими как ты. Если мы не успеваем им помочь, то обычно их просто казнят местные. Мой родной брат Тиельманс, наместник Великого Инквизитора во Фландрии. У них есть таблицы. С датами и местом входа попаданца. Я давно тебя тут ждал. Два года. Я просто не сразу понял, что это ты.

— А часто к вам приходят или прилетают такие как я?

Он сделал еще один глоток и покончил с пивом.

— Примерно один раз в сорок лет.

— Зачем ждал?

— Чтобы предложить тебе варианты.

— Варианты?

— У тебя всего два варианта: или ты возвращаешься обратно..., — он умолк и отложил кружку.

— Или? — спросил я его.

— Или... — Бартель Тиельманс сложил один кулак над другим, а потом жестом крутанул их разные стороны, показывая, как откручивают шею гусю.

— Почему я не могу остаться?

— Ты тут не нужен. Каждый день твоего пребывания в нашем мире меняет ход истории в твоём.

— Каким образом?

— Ну ты уже накуролесил. Вчера ты убил несколько человек и спас несколько человек. Вероятно, что у одних больше не будет потомства, а у вторых оно может появиться.

— А что, все так серьезно меняется?

— Тебе лучше не знать, что произойдет с твоим миром если, ты тут побудешь еще месяц.

Я задумался. Мне было сложно осознать сказанное. Я не верил во все бредни про перемещения во времени, но факт оставался фактом.

Я сидел со средневековым монахом в средневековой таверне, за средневековым дощатым столом и пил средневековое пиво. Которое, кстати, было вполне себе приятным на вкус.

— Я вернусь в свое тело?

Монах помедлил с ответом. Посмотрел на меня.

— Видимо, да. По правде, я не знаю наверняка, что с тобой будет в твоём мире и куда ты вернешься. Оттуда никто никогда не возвращался.

— А что будет с Деви́ттом?...

*** **

От автора. Если вам нравится книга, то вы можете поставить лайк и подписаться на мой аккаунт. Приятного чтения.

— А что будет с Деви́ттом?

— Деви́тт, скорее всего потеряет разум и станет дурачком. Полоумным. Блаженным. Но одно могу сказать точно — если ты там выживешь, то Деви́тт здесь тоже будет жить

— А если нет?

— То он умрет.

— Хорошо. Предположим, я не соглашусь. Я говорю предположим. Обрати на это внимание Барт. Предположим я не соглашусь и сбегу сейчас отсюда. Что тогда?

— Тогда Великий Инквизитор объявит *venatio* — охоту. Все, без исключения, кто тебе помогал будут убиты. От мала до велика. Все, кто словом или делом поддержал тебя с момента твоего появления.

— Тебя тоже? Ты же мне сейчас помогаешь.

Бартель сомкнул веки и кивнул, подтверждая, что его не пожалеют несмотря на его высокий сан.

— Меня в первую очередь.

— За что?

— За то, что допустил такую ситуацию и профукал твое появление. Кроме того, ты мне симпатичен. Они будут убивать до тех пор, пока не останется ни одного человека, который симпатизировал тебе.

— Жестко, — я приуныл. Я уже успел посчитать в уме, что мне я мог стать причиной гибели десятка человек.

Большинство из них ни в чем не виноваты. Среди них были Элайна и Дария.

— Если тебе в твоём мире было некомфортно, то я могу предложить тебе легкую смерть здесь.

— Да уж благодарю тебя, ты очень заботлив, — съязвил я на его предложение, чем его искренне удивил.

— Если ты не хочешь возвращаться в свой мир, то сразу попадешь в рай, принеся себя в жертву. Разве ты не хочешь?

— Как-то пока не горю желанием, могу уступить тебе очередь.

Он промолчал. Я с тоской подумал о том, что мне не хочется покидать этот мир, где я нашел себя.

Пусть он отличается от того, в котором я родился, но здесь была какая-то настоящая чистота в людях. А жизнь и смерть играли совершенно другую роль в сознании людей, с которыми я успел сблизиться за последние сутки людей.

Еще полчаса назад я мечтал об опасном путешествии в Ватикан, о том, как построю мощнейшую компанию на континенте.

Как возьму в жены, самую прекрасную девчонку на белом свете, потому что она, конечно же полюбит самого отважного, дерзкого, умного, сильного и богатого парня в Розенлааре.

Как мы с моим кузеном Аартом, расплетем этот сложный узел интриг, найдем и покараем негодяев, посмеявших организовать вчерашнее нападение. Я был уверен, что брат, каким бы он не был не способен на это.

Я мечтал о том, как найду Голиата, своего брата, постараюсь выслушать и понять его.

И возможно объединим с ним кланы, судьба-злодейка иногда может пошутить и преподнести приятные сюрпризы.

А если нет, то мы просто договоримся, как мужчины о границах и будем свято хранить слово данное друг другу.

Но теперь после этой встречи с Бартелем Тиельмансом, я понимал, что всему этому сбыться не суждено.

Я не хотел возвращаться. Никто не знал, что меня ждало там в моем старом мире. Скорее всего, я думал, что стану таким же овощем и дурачком, как и Девиитт из рассказа Барта.

Выбора у меня не было. Я не хотел стать причиной гибели невинных людей.

Я затосковал с еще большей силой, когда подумал о Элайне. Я залпом выпил остаток пива в своей кружке и собрался духом.

— А что там с последним желанием осужденного? Есть у меня право на желание? У меня есть время попрощаться с друзьями?

Бартель Тиельманс растеряно посмотрел на меня непонимающим взглядом и отрицательно покачал головой.

— Ладно, проехали. Рассказывай, как мне вернуться обратно?

— Ты пойдешь в полночь к трактиру на окраине на холме, тот что называется «У Оленя». Трактирщик разожжет костер на улице, для копчения свиной туши. Подойдешь к нему понюхаешь запах костра и произнесешь «Deus, tempus». И всё.

— И всё? И как это работает?

— Я не знаю, как это работает. Но раз в сорок лет, за два года до вашего прибытия, на окраине разных городов и селений открывается трактир с названием «У оленя» и с изображением Святого Губерта. Там появляетесь вы — люди из другого времени. Когда вы исчезаете, в трактире каждый раз происходит пожар, и кабак сгорает дотла.

— Может трактирщик знает, как это работает?

— Трактирщики ни при чем, на все воля Господа, — монах вознес глаза к небу, — трактирщиков неоднократно пытали на протяжении столетий, пытаясь выведать правду. Результат нулевой. Эти бедолаги сами жертвы. Они всегда сгорают вместе со своим трактиром. Они не могут объяснить почему они так называют свои заведения, почему именно в том месте, а не в другом. Будто их ведет чья-то чужая воля. Последние четыре столетия мы даже не вмешиваемся в процесс. Каждый раз всё повторяется. Инквизиция просто наблюдает за ними.

— А часто путешественники во времени отказывались возвращаться?

— Дважды. Оба раза погибали сотни ни в чем неповинных людей.

Для человека имеющего внешность неандертальца он очень складно говорил.

Я невольно проникся уважением к нему.

В который раз я убеждался, что внешность обманчива.

— Что ж, я согласен вернуться. Жаль, что мое путешествие так быстро закончилось, но и на этом спасибо. В полночь я буду у трактира понюхаю дыма и скажу «деус, темпус». Было приятно познакомиться! — я протянул ему руку и попытался встать.

Но тут же ощутил, как чьи-то сильные ладони легли мне сзади на плечи и пригвоздили меня обратно к скамье.

— Сядь. — Бартель Тиельманс равнодушно посмотрел на меня и не ответил на рукопожатие, — братья побудут с тобой до полночи, они проводят тебя к трактиру.

Я посмотрел назад и увидел двух крепких монахов стоящих справа и слева от меня.

Я не слышал, когда они вошли в трактир и как подкрались ко мне со спины.

Их стальные взгляды и суровые выражения лиц, говорили о том, что они не задумываясь свернут шею любому по приказу Бартеля.

Если им одеть черные плащи и макси, то можно запросто спутать этих инквизиторов со вчерашними убийцами.

Один из них вытащил мой нож и передал его Бартелю.

— Будем считать, что это трофей. Плата за твою дерзость. Он убрал нож за пазуху.

Монахи подобрали полы, перешагнули через лавку и уселись у меня по бокам.

Бартель Тиельманс встал из-за стола подозвал трактирщика, приказал ему закрыть заведение и никого не пускать пока наша троица — я и двое монахов, не уйдем. Он вознаградил его серебряной монетой.

Хозяин кабака остался доволен не задавал лишних вопросов.

Так мы просидели несколько часов. Я пытался разговаривать с монахами, но они соблюдали гробовое молчание.

В конце концов мне это надоело, и я умолк.

Предыдущая ночь выдалась бессонной, я сложил руки на столе, и спрятав в них лицо сидя уснул.

Один из монахов растолкал меня затемно. Второй стоял рядом. Он сунул мне в руки монашеский балахон с капюшоном.

Дождавшись, когда я натянул на себя одеяние, он безразлично указал пальцем на капюшон.

Я накинул капюшон на голову и теперь мы все выглядели как монахи.

Чтобы меня узнать прохожему пришлось бы подойти и заглянуть мне в лицо с близкого расстояния.

Пока я облачался первый подошел к двери, выглянул чтобы понять безопасна ли дорога. Он посмотрел на нас и кивнул.

Второй из монахов легонько подоткнул меня к выходу.

Я молча кивнул в ответ и направился за первым к двери.

На улице было немногочисленно. Редкие прохожие уступали нам дорогу, не испытывая нам ни малейшего интереса.

Мы быстро миновали крепостные ворота и за стенами после моста, я увидел человека с факелом в руках.

К коновязи были привязаны три осёдланные лошади.

Один из монахов так же молча подошел к одной и лихо вскочил в седло. Второй кивнул мне в сторону лошадей.

Я заволновался от того, что никогда не ездил верхом, но напрасно. Тело все сделало само за меня. Я так же ловко оказался в седле, как и первый монах.

Мне было невыносимо тоскливо от мысли, что через некоторое время я вернусь в свое неуклюжее тело калеки в Москву.

Но я отогнал от себя грусть и огляделся по сторонам.

В свете луны я видел великолепный ночной пейзаж. Мне хотелось его оставить в памяти, и я жадно впитывал окружающую красоту.

Маленькие каменные домики со светящимися окнами и дымом идущем из труб, напоминали новогоднюю сказку.

Стены и башни замка выглядели, как из рыцарского романа, а окружающая природа выглядела загадочно и торжественно словно собиралась меня провожать.

Человек с факелом отвязал лошадей и пошел в сторону ворот.

Мы тронулись в путь. Проезжая по Розенлаарю, я увидел дом Ван Дейков. В окошках горел свет.

Значит дом не сгорел полностью и его смогли потушить. Меня это подбодрило.

Мы ехали шагом и примерно за полчаса добрались до подножия холма, где вчера я собирался держать оборону от своры собак, в итоге пронесшихся мимо меня.

На вершине холма находился трактир «У Оленя»

Монахи остановили лошадей.

— Слезай, — впервые за день обратился ко мне один из них. Я спешил.

— Дальше пойдешь сам, нам туда нельзя. В полночь пробьет колокол — дальше ты знаешь. Но давай без глупостей, не вздумай бежать, мы тебя тут же к праотцам отправим. Да и некуда тебе бежать дальше лес, а внизу мы. Тебе понятно?

Я смотрел на их капюшоны, которые скрывали лица.

— Понятно. Ну давайте, мужики, счастливо оставаться! Спасибо за прогулку. С вами было приятно поболтать.

Монахи не отреагировали на мои слова.

Я похлопал свою лошадь по шее, ощутив ее гладкую теплую шерсть и зашагал сторону трактира.

Было свежо и уже тянуло дымком. Видимо, трактирщик наверху уже разжигал костер.

Скинув капюшон с головы на плечи, я разглядывал ночное небо.

Я поднимался по тропе без особых усилий, думая о предстоящем возвращении в Москву.

Когда я взошел на холм, то увидел трактирщика и его жену, суetyщихся у уличной коптильни.

Рядом с коптильней стояли мешки с опилками для копчения, и разделанная полутуша.

Они не удивились моему появлению и поздоровались со мной.

— Привет Девитт, почему не спишь?

Я посмотрел на этих бедолаг, вспомнив, что говорил об их судьбе Бартель Тиельманс.

— Доброй ночи. Мне не спиться я решил прогуляться.

— Желаете поесть или пива? — трактирщик был поглощён занимающимся огнем и не смотрел на меня.

Его жена сновала между уличной коптильней и трактиром, вынося снедь и нужную посуду.

— Сегодня за счет заведения.

— Пожалуй нет, я сыт, спасибо... — я смотрел на этих добродушных людей и мне стало не по себе от того, что мое отбытие должно было стать причиной пожара, в котором они сгорят.

Костер разгорелся и уже давал много света и тепла. Тайком глянув на башенные часы, я увидел, что до полночи осталось пять минут.

И тут я вспомнил, что Себастиан дал мне записку Элайны.

Я на автомате стал искать карманы, но вспомнив, что в этом мире они еще не придуманы, полез в кошелек.

Среди монет я нащупал свернутую в трубочку записку.

Я уселся поудобнее на снег недалеко от костра и развернул её, чтобы прочесть.

В следующее мгновение я подскочил, как ужаленный. Мне было трудно сдержать свой гнев. Я скомкал записку со злостью и швырнул ее в огонь.

Трактирщик уставился на меня удивленно спросил:

— Девитт, у тебя все в порядке?

Отблески огня играли на его лице в точной прохладе.

— Если хочешь остаться жив, затуши костер и не копоти сегодня тушу. Сделай это завтра, когда я снова приду в полночь.

— Что с тобой ты болен? Ты бредишь, Девитт?

Я ничего не ответил, развернулся и зашагал обратно в Розенлаарь вниз по склону холма.

Мои планы резко поменялись.

Трактирщик с женой молча провожали меня взглядом смотря мне вслед.

Часы пробили полночь.

Мне было не по себе от того, что я прочитал в записке

Элайна писала, чтобы я не верил ни единому слову Бартеля Тиельманса.

Ее силой принуждали перейти в монашество, принять монашеский сам в женском монастыре.

Это была та часть владений Аббата, о которой ходили самые отвратительный слухи.

Католические священники явились к ужину в дом лавочника Ван Дейка и сообщили, что его дочь ждет или монашество, или экзорцизм.

Они утверждали, что в нее вселился еще один бес. Родной брат моего беса. Контролировал процесс сам Бартель Тиельманс.

Мне стало понятно, что это именно он подстроил все таким образом, чтобы отлучить Элайну от дома и переселить ее поближе к себе.

Та, которую я любил, очень боялась наказания за записку и умоляла уничтожить ее после прочтения. Мне даже показалось что я увидел засохшие капли ее слез на фактуре бумаги.

«Вот тварь! Обезьяна говорящая!», — думал я про Бартеля, решительно спускаясь по склону.

С одной стороны, он действительно обладал информацией о моем перемещении в чужое тело. Никто кроме меня не мог знать подробности из моей московской жизни.

Списки в Католической Церкви говорили о том, что все что со мной происходило — не сон.

Мне явно передали эту информацию через Барта для того, чтобы я понял, что все серьезно.

Он воспользовался положением в своих целях, превысил свои полномочия.

Бартель Тиельманс был не глупым. Он быстро сообразил, как ему заполучить двух зайцев.

Он избавляется от меня и получает Элайну.

Я был уверен, что аббат без зазрения совести передаст мою любимую в руки этого животного, потому что у аббата появился бы рычаг на самого наместника Великого Инквизитора во Фландрии.

Наш барон Ван Туйль по факту был вассалом аббата.

Аббат не упустит возможности иметь и использовать компромат на брата, который из-за своей страсти нарушал обет монашеского безбрачия.

Элайна против своей воли сводила с ума Бартеля Тиельманса, который обезумел настолько, что был готов держать девчонку в заточении и творить с ней все что ему заблагорассудится.

Я свернул резко вправо, так чтобы выступающий склон холма скрыл меня от взглядов монахов. Мне нужно было их обхитрить и уйти незамеченным.

Я продолжил свои размышления.

Сначала Бартель рассчитывал, что аббат сожжет меня прилюдно, но появление барона спутало ему все карты.

Затем слух о моем прибытии, молниеносно дошел до Ватикана. Уж не худощавый ли дрищ туда стуканул? Впрочем, это и спасло меня.

Ведь благодаря ему на следующий же день после моего появления прибыли эти двое. Они скорее всего тусуют где-то неподалеку. Ночь пути. Амстельштадт, Гарлем? Неважно.

Так, что со временем нужно будет его поблагодарить.

Бартель не мог убить меня, потому что должен был соблюдать устав, в котором было четко прописано, как вести себя с путешественниками во времени.

Он и так его нарушил, когда не сообщил обо мне сразу. Ему полагалось серьезное а-та-та от Великого инквизитора.

Поэтому он был так взволнован, когда высматривал меня у входа в палаты барона в замке

Двое монахов сальванийцев, провожавших меня не подчинялись ему. Совсем.

Скорее наоборот. Я вспомнил, как он смотрел на них. Вся его снисходительность и высокомерие куда-то испарялись при этом.

Он был вынужден в их присутствии соблюдать правила. Он смотрел на них, как дрессированная собачонка.

Они не хотели светить своей властью. Кем же они были, Едрит-Мадрид? Думай Савва.

Это как, если бы барон был губернатором, то есть губернатором, а Бартель был бы главным фсбшником в области.

Эти двое были круче Бартеля. Типа ФСОшники?

Парни из тайной службы безопасности Папы Римского.

Бррр. Я пожегся. Куда я же залез?

Но к моему удивлению анализ ситуации не вызвал во мне страха или волнения.

Наоборот я почувствовал азарт.

В душе родилось желание померяться силами и мозгами с теми, кто обладал абсолютной властью если не в мире, то в Европе точно.

Я аккуратно спустился по холму справа к заледеневшей мельнице.

Тропа здесь была более крутая чем по центру и я, насколько раз поскользнувшись, сидел на заднице. Зато меня не видели ни трактирщик, ни монахи внизу у дороги.

На улице не было ни души. Если бы я не знал, что эти двое будут ждать пока не сгорит таверна я бы шел не по окoliце, а прямо по дороге не таясь.

В домах уже погас свет, местные жители ложились спать. Я крался по самым дальним заснеженным огородам, чтобы скрыться от случайных взглядов монахов на лошадях.

Фасады домов, за которыми я шел хорошо просматривались от подножия холма.

Дом Элайны сейчас находился на противоположной стороне Розенлааря, и я с теплом в душе подумал о ней.

Я не дам пропасть этой красотке. Жаль, что я не смогу взять ее с собою в Москву.

План мой был очень простой. Мне нужно было добраться до Аарта и Дарии рассказать им про Элайну и Бартеля.

Уговорить его выдвинуться на рассвете вместе с маркизой и моей любимой в Ватикан.

В дороге его сопровождал бы Себастиан, который позаботился бы о сестре и не дал бы ее в обиду.

Если Дария согласилась бы взять под свое крыло Элайну и сделать ее со временем своей фрейлиной, то ни Бартель, ни аббат не посмели бы перечить Дарии Альба.

Никто не хотел с ней ссориться. Это было чревато крупными неприятностями.

Что же касается моего плана по созданию великой торгово-производственной империи, то я собирался посвятить весь следующий день его написанию и отправить конверт почтовым голубем вдогонку Аарту.

Бартель Тиельманс ничего не сказал про дату моего перехода в свое московское тело. Он допускал возможность, того что я останусь в этом времени больше, чем двое суток. Я собирался задержаться здесь еще на сутки.

Правда, он угрожал мне необратимыми последствиями в будущем, но кто знает, думал я, что хорошо для одних, может быть плохо для других.

Возможно, думал я, что я изменю мир к лучшему в ущерб Инквизиции, если побуду здесь еще немного.

Я счел бы такие перемены благом и был бы горд, если мои действия преобразовали бы католический мир.

В ту ночь, я даже представить себе не мог какое сильное влияние на дальнейшие события окажет это мое решение.

На мне все еще была одета монашеская хламида с капюшоном, который я накинул, чтобы меня никто не мог узнать по дороге.

Идет себе монах ночью по Розенлаарю — и идет. Никому до него нет дела.

Я оставил далеко позади моих сопровождающих. Вначале я видел силуэты двух всадников, терпеливо ожидающих пожара в трактире.

Третья лошадь, на которой я добирался до холма, спокойно стояла рядом, обмахиваясь хвостом.

Но потом я удалился так далеко к замку, что даже мое острое зрение перестало различать их в ночи.

Я был уверен, что они тоже меня не видели. Иначе они непременно ринулись бы в погоню.

Если честно, то у меня отлегло от сердца, когда я понял, что сегодня трактирщик и его жена останутся живы.

Похоже, что Тиельманс не врал в части описания места перехода.

Что же касается трагических последствий открывающегося временного портала, то я надеялся, что сумею придумать, как спасти владельцев кабака до завтрашнего вечера.

Сейчас мне нужно было найти Аарта.

Несмотря на то, что с полночи не прошло и часа времени у меня было совсем мало.

Монахи из аббатства должны были прийти с первыми лучами солнца, я мне нужно было

успеть не только получить одобрение кузена и маркизы.

Нам нужно было перехватить Элайну, дособирать обоз и отправить его из замка как можно раньше.

Добравшись до стен замка, я понял, что ворота заперты на ночь.

Хорошее дельце, если меня не впустят. Я осмотрел арку и замок.

Карабкаться по отвесной обледенелой стене было бы полным безумством.

Я трижды постучал в ворота огромным кольцом, надеясь, что стража не спит и узнает меня.

Секунд через десять в двери отворилось маленькое окошко, кто-то разглядывал меня.

— Где тебя носило?

Я услышал знакомый голос из-за двери.

Сердце наполнилось радостью. Это был Себастиан.

Он продолжил:

— Я себе место не нахожу после того, как ты уехал верхом с монахами. Что они от тебя хотели?

— Долго объяснять. С тобой есть кто-нибудь рядом?

— Только Кристофер, но он мой друг и ему можно доверять, — они уже отворили вдвоем тяжелые ворота.

Я зашел на территорию замка. Где-то вдалеке лаяла собака.

— Привет Кристофер, я Девитт. Будет здорово, если ты никому не расскажешь, что видел меня сегодня ночью. В этом случае мы с тобой точно выживем, — я протянул ему руку вглядываясь в его лицо.

Этого парня я видел впервые, но он производил впечатление надежного человека. Интуиция редко меня подводила.

Кристофер широко улыбнулся энергично пожал мне руку и тихо ответил:

— Договорились. Буду держать язык за зубами.

Себастиан обнял меня как старого друга и сообщил, что Аарт ждет нас.

— Подожди сначала мне нужно кое-что забрать. Пойдем!

Я направился к сараю с мертвыми киллерами.

Себастиан отдал распоряжения Кристоферу, приказав никому не открывать ворота без него.

Кристофер ответил, что понял и уточнил, когда тот вернется.

Себастиан пообещал ему вернуться в караул, как только закончит дела со мной.

Догнав меня, Себастиан тихо рассказал, что следил за мной до тех пор, пока я не вышел с монахами за ворота.

Он напросился в ночную стражу, для того чтобы встретить меня.

В промежутке он успел рассказать Аарту про странное поведение Бартеля Тиельманса. Тот почему-то не шутку встревожился и решил не спать, дожидаясь меня.

Через некоторое время мы подошли к сараю, где я оставил старого художника Питера.

Дверь сарая была закрыта на амбарный замок.

— Ты не видел старика? Он остался в замке?

— Нет он выехал за ворота очень довольный, как будто кот обожравшийся сметаны.

Покинул замок уже в мою смену.

— Разве ночью вы выпускаете людей?

— Нет, но он нам щедро заплатил, и я знал, что он не сделал ничего дурного. Его провожала Матильда, вдова гробовщика Хуутера, умершего пять лет назад.

Она плакала от умиления и махала ему вслед платочком.

— Вот это да! Плакала от чего?

— Видимо, у несчастной все это время не было ни одного мужика. И этот хитрюга, этот старый хрыч, воспользовался ее горем, — Себастиан улыбался, рассказывая мне про них. Он показал на себе ладонями большие женские груди.

— Думаешь он ее принудил?

— Нет, напротив! Сюда по ее довольному виду, скорее это она его принудила.

Я рассмеялся. Старик оказался страстолюбцем-террористом.

— Все получилось, как он просил, мясистая, веселая, та которая не боится мертвецов.

Блин, но где взять ключ? Мне нужно попасть внутрь.

— Вот он, — Себастиан вытащил ключ из кошелька и протянул его мне, — старик велел передать ключ только тебе.

— Открывай и мне нужен свет, тут есть факел?

Себастиан тут же снял со стены факел, а с пояса огниво.

Чиркнул и через мгновение осветил столы с покойниками.

Я поискал глазами картины. Увиденное одновременно разозлило меня и привело в восторг.

Старик-художник обвел меня вокруг пальца. Вместо обещанных шести портретов я получил всего один. Зато какой!

На холсте, разделенном толстыми белыми лилиями на шесть равных участков, были изображены лица всех мужчин, павших в схватке с нами.

Я прикоснулся пальцем к уголку картины и убедился, что краска уже высохла.

— Поднеси факел поближе, — попросил я Себастиана, чтобы лучше разглядеть портреты.

Это было фантастическое, я бы даже сказал фотографическое сходство.

Я рассматривал того, который схватил Дарию, тот, с которым я сразился первым.

Его черные глаза невозможно было не узнать.

При том что художник рисовал его с мертвого убийцы, он выглядел, как живой на фотографии.

Великолепная работа.

Я посмотрел на остальных. Себастиан был тоже впечатлен мастерством старого Питера.

Он подошел к тому, которого заколол своей шпагой, и, приоткрыв веко мертвецу, попросил мне показать его портрет.

— Как живой!

— Я сам в шоке!

Но самым ценным на картине было то, что увидел с обратной стороны.

На каждом портрете было написано место рождения каждого убийцы. Видимо, Брейгель настолько хорошо изучил национальные типажи, что мог даже по мертвому определить какая кровь в нем течет.

— Этот из Андалузии, этот готт, — так на стародавний манер Брейгель обозначил буквами француза, — этот бритт, испанец, москвит, осман.

Я прочитал на картине надписи, оставленные мастером.

«Ого, тут есть даже русский» — подумал я, подошел к его телу и даже испытал легкую грусть, от осознания того, что передо мной лежит земляк.

Бедолага, каким ветром его занесло сюда? Я еще раз посмотрел на портрет и оглядев все шесть трупов остался доволен.

— Хорошо, пойдем, Себастиан. Нам очень пригодятся эти портреты. Запри дверь снова на замок, — я взял раму в руки и направился к выходу.

Мы двинулись в замок. На входе нас встретили стражники, я опустил голову, чтобы меня никто не узнал.

Узнав Себастиана нас пропустили.

Аарт приказал охране провести его к себе, как только он появится.

Мой кузен ожидал меня в том же помещении, в котором мы встретились с ним впервые после того, как я попал в тело Девицца.

Он вскочил мне навстречу и обнял, как только мы вошли с Себастианом.

— Что это у тебя? — кузен указал на картину в моей руке.

— Я вам еще нужен? Мне нужно обратно — к воротам. Боюсь, что если кто-нибудь застанет Кристофера одного, тогда нам влетит по пятое число. В страже, на воротах нужно стоять вдвоем, — сказал Себастиан.

— Да, пожалуй, иди. Спасибо большое, Себастиан, — ответил Аарт.

— Простите меня, кассельхолдер, но я попрошу Себастиана остаться, очень важно. Дело жизни и смерти.

Аарт приподнял бровь, кивнул, сложил руки на груди и приготовился слушать

Я рассказал о том, что затеял Бартель Тиельманс в отношении Элайны, не раскрывая подробностей про возвращение в свое прошлое тело.

Ее брат метал глазами молнии и было видно, что он с трудом сдерживает бешенство. Аарт, в отличие от Себастиана, спокойно выслушал меня и понял все с полу слова.

— Себастиан! Успокойся. Мы с Девиццем не позволим Бартелю обидеть и забрать Элайну. Быстро седлайте четырех коней. Возьмешь еще двух стражников, которым доверяешь больше всего. Распорядись, что бы их заменили, если они в карауле. Слушай меня внимательно. Поедете заберете Элайну и привезете ее сюда. Возьмешь для нее мужскую одежду. Ты сам оденешь мой шлем, так, чтобы твои родители не смогли тебя узнать. Говорить должен кто-то из твоих поручных. Родителям, скажешь, что это приказ барона. Постарайся успокоить Элайну. Дай ей какой-нибудь тайный знак, чтобы она поняла, что это ты и доверилась тебе. Сможешь?

Себастиан, кивнул.

— Да, смогу. Спасибо, кассельхолдер! — брат Элайны все еще хмурил брови, переваривая распоряжения Аарта.

— Тогда иди и не теряй времени.

Себастиан выскочил из помещения бегом.

Я посмотрел на Аарта. Он был сосредоточен и собирал свои принадлежности в дорогу. Мой кузен выглядел очень уставшим.

— Мне нужно, кое-о чем серьезно поговорить с тобой, я не смогу отправиться с вами в Ватикан.

— Как так? — Аарт обернулся, — почему?

Он отложил свой парадный камзол, который вкладывал в дорожный мешок и подошел ко мне.

— Я тебе объясню подробно и постараюсь сделать это так, чтобы тебе было понятно, но прежде, пожалуйста, расскажи мне про наш клан, про клан брата. Почему мы враждуем?

— Сейчас не лучшее время... — он погладил свой затылок, будто пытался заслужить свою похвалу. — Мы не можем тратить его понапрасну.

— Другого времени, возможно, не будет. Расскажи.

Аарт усадил меня в удобное кресло, а сам сел на против.

Он говорил очень тихо, почти шепотом и я был вынужден напрягать свой слух, чтобы понимать всё, что он мне говорил.

Кузен взял с меня слово, что я никому не разболтаю об услышанном, объяснил, что это

крайне опасно и от этого зависит не столько наша с ним жизни, сколько жизни людей, которые являются осколками некогда могущественного клана «Мстителей», возглавляемого моим отцом.

Он рассказывал без умолку минут пятнадцать. Я молча слушал древнее родовое предание, впитывая в себя все, словно губка.

Мое сердце то сжигал, то наполнял отвагой и гордостью рассказ о том, что у одного из древних прародителей нашего рода по имени Йорис, никто точно не помнил, как давно это произошло, невинно погибли жена и дети.

Их скормили по приказу то ли короля, то ли императора львам на потеху.

Тогда наш предок обычный рядовой воин, поклялся отомстить и уничтожить всех родных и потомков изверга, отдавшего приказ на растерзание его семьи.

Много лет рядовой солдат изучал семейное древо, взаимоотношения при дворе, прародителей и потомков государя, ожидая подходящего случая.

Все это время он неустанно тренировался и жаждал мести, пока наконец судьба не предоставила ему подходящую возможность.

Мой предок за неделю убил всех, в ком текла кровь монарха.

Последним он убил самого правителя, объяснив ублюдку перед смертью за что тот несет заслуженное наказание. Изверг погубивший семью предка умер страшной смертью.

Потом наш предок вышел на площадь и потребовал справедливого суда над собой. Он ожидал, что его закидают камнями, как цареубийцу по законам того времени.

Но народ, к его удивлению, не растерзал его. Народ попросил предка взойти на трон и править ими.

Мой далекий предок отказался. Его не интересовали ни деньги, ни власть, ни слава.

Он ушел в отшельники в горы. Он лишь сказал, что его интересует только справедливость.

О нем долго не слышали, пока однажды он не появился в Каталонии, тогда она называлась по-другому.

Местный феодал каждую ночь получал новую девушку, и, попользовавшись ими, убивал их на заре.

Феодала нашли повешенным в петле из собственных кишок на городской площади.

Рядом сидел окровавленный Йорис и снова ждал суда народа. Он сказал, что представляет всех отцов и матерей, чьи дочери были замучены этим зверем.

Народ снова вынес его на руках и боготворил. Его имя стало известно далеко за пределами родных краев.

Его призывали в молитвах, когда люди больше не могли терпеть лютую несправедливость, насилие и издевательства от тех, кто был обличен властью и богатством.

И он приходил. Приходил чтобы мстить.

Со временем месть стала его ремеслом. Его преследовали, его боялись, его любили, им восхищались. Но никто не знал где он и к кому и откуда он придёт в следующий раз.

Он помогал многим. Не только бедным. Он помогал восстанавливать справедливость и аристократам, и священникам, коронованным особам и простым кухаркам.

Не чурался брать денег, но всегда мог отказать, если считал, что для мести нет причин.

У него родилось трое сыновей. Когда он постарел и одряхлел, то передал им секреты ремесла и наказал всегда ставить справедливость выше денег.

Быть судьей очень нелегка ноша.

Сыновья развили дело. Так появился семейный клан мстителей.

Они были неуязвимы и неуловимы, потому что Йорис научил их скрываться в любой среде.

Умение выживать, мстить, секреты ремесла, передавалось от отца к сыну на протяжении веков.

Они везде сходили за своих. И при дворцах среди знати, и в каменоломнях среди рабов. Потомки мстители строго блюли правила Йориса.

Если кто-то из клана преступал внутренний закон, то его убивали.

Только так клан мог существовать и оставаться могущественным и неуязвимым.

У всех членов клана была маленькая татуировка подмышкой стилизованная под коричневое родимое пятно с латинской букву «V» означающая вендетту. V- символ мести.

Отец Девитта тоже был мстителем. Он был главой клана.

Вместе с кланом мстителей существовал клан знахарей, которые в основном занимались тем, что врачевали людей.

Это был мирный клан, который, впрочем, умел проникать всюду и убивать не хуже мстителей.

Сильные мира сего, так же, как и беднота, болели и нуждались в знахарях.

Они имели своих потомков везде: при дворцах, в замках феодалов, в среде священников, и среди простолюдинов.

Они умели и любили лечить людей.

Но не дай Бог, оказаться у них на пути и совершить что-то плохое по отношению к члену их клана.

Единственные с кем они старались не конфликтовать, и не связываться — это были мстители.

Кланы знали о существовании друг друга и почтительно держались на расстоянии, не вмешиваясь в дела друг друга.

Если месть совершалась в отношении кого-то, кого лечили знахари, то мстители предупредительно сообщали об этом знахарям, уважая их интересы и границы.

Знахари оказывали взаимные знаки уважения, сохраняя существующие доверительные отношения веками.

Идиллия и равновесие нарушились, когда отец Девитта встретил его маму.

Он совершил очередное возмездие, но уходя от погони получил ранения в спину.

Его случайно спасла молодая знахарка, подобрала и спрятав его у себя. Это была мать Девитта, ее звали Бьянка.

Она была прекрасна словно горный цветок. Они влюбились друг в друга безоглядно.

Оба клана раньше были категорически против брака. Правила мстителей и знахарей запрещали брать в жену девушку или выходить замуж за мужчину из другого клана.

Но видя их чистую и бескорыстную любовь им разрешили пожениться и удалиться от дел на несколько лет.

Кроме прочего, Бьянка была любимой дочерью главы клана, и он просто не сумел бы убить ее за неповиновение.

Кланы объединились через брак. Это было роковое решение.

Пара был безмерно счастлива. Сначала у них родился старший сын Гольят.

Это событие отмечали двумя кланами, съехавшимися со всего света. Переписать

Когда Бьянка должна была вот-вот родить Девитта, оба клана снова съехались в

ожидании ребенка.

Но роды пошли не по плану.

Знахарям, принимавшим пришлось ставить отца перед выбором. Должен был выжить или ребенок, или мать.

Отец выбрал жизнь ребенка. Мать Деви́тта погибла, чем навлек на себя проклятие всего клана знахарей. От матери Деви́тту достались в наследство иссиня-голубые глаза.

Глава кланов знахарей поклялся уничтожить всех до единых мстителей. Вырубить род под корень.

Знахари объявили войну. Много людей погибло в день твоего рождения.

Съехавшиеся знахари и мстители резали и били друг друга беспощадно на протяжении суток.

Но отец сумел тебя с Гольятом выхватить, спасти и спрятать, у жены родного брата.

Я продолжал внимательно слушать.

— Ты называешь ее своей матушкой. На самом она тебя не рожала, она моя мама. Мы с тобой двоюродные братья. Но мы росли вместе и иногда мне кажется, что мы роднее, чем родные.

— А твой отец?

— Он погиб в день твоего рождения, в той бойне между знахарями и мстителями.

Мне было не по себе слышать такое. Аарт будто прочел мои мысли.

— Не переживай, я тебя в этом не виню, я понимаю, что ты ни причем, — он улыбался и я видел, что это искренне.

— Ты говорил о моем старшем брате. Расскажи про него.

Аарт помолчал.

— Да. Он глава клана «неспящих». Он создал его из ничего, сбежав в четырнадцать лет из отчего дома. Неспящие самые влиятельные наемные убийцы в мире. Он поклялся уничтожить всех «мстителей». Он тоже не смог простить смерти своей матери. Он объединился с кланом знахарей против нас.

— Он убил моего отца — твоего дядю? — догадался я.

— Да... — Аарт опустил глаза и тяжело вздохнул. Я видел, что боль от потери главы нашего клана еще не зажила в его сердце, — он был мне больше чем дядя. Он воспитал нас обоих, как своих сыновей.

Он был Аарту таким же отцом, как и матушка, ставшая нам обоим матерью.

— Сколько «мстителей» сейчас осталось?

— Мужчин двое. Ты и я. Еще матушка

— Ты глава клана?

— Деви́тт, перестань...

— Кто из нас старше по возрасту?

— Формально я старше. И я являюсь главой клана, но я тебя умоляю! Между нами нет разницы.

— Хорошо. Я хочу знать, как погиб наш отец. Расскажи.

В этот момент двери распахнулись и в комнату влетела возбужденная маркиза Дария.

Она была одета в дорожный камзол, под которым виднелся обтягивающий костюм для верховой езды.

— Сеньоры! Вставайте, барон обезумел...

Глава 12

— Барон обезумел! Нам всем нужно срочно делать ноги! Берите по минимуму: теплую верхнюю одежду, оружие, деньги!

— Ваша Светлость! Объясните, что произошло?

— Некогда! Мы сейчас же выезжаем! Внизу нас ждут ваши друзья! — она подскочила сняла со стены шпагу и вложила ее в руки кузену.

— Наши друзья? — Аарт не мог понять, что с ней происходит.

— Да! Ваш друг Себастиан, двое стражников и твоя девушка, — она улыбнулась, посмотрела восторженно на меня, вздохнула и с широко раскрытыми глазами продолжила, — Ух! Она несказанно хороша! Тебе очень повезло! Ходу, сеньоры, ходу! Иначе нас ждет крупный писос!

* * *

Я бежал по коридорам вместе со всеми и думал о том, что у нас остался последний раненый убийца.

Все мои потуги не убить его в поединке, попытка спасти пойдут прахом, если его не вытащить прямо сейчас вместе с нами.

— Я вас сейчас догоню, — я свернул в сторону комнаты в которой находился мой пациент.

Рассказ Аарта придавал теперь нападению неспящих совсем другую окраску.

Настоящая мать Девицца была знахаркой. Вот откуда у меня тяга к спасению и врачеванию других людей.

Я наполовину знахарь, наполовину мститель. Точнее на треть знахарь, на треть мститель, потому что на треть я все еще Савва Филатов. Попаданец.

Ворвавшись в комнату, где мы с Себастианом оставили раненного, я там не обнаружил убийцу. Зато обнаружил очумелого полусонного стражника, сидевшего у стены.

При моем появлении он вскочил, пытаясь делать вид, что он бодрствовал.

— Где пленник? — я строго зыркнул на него глазами.

— Виноват, господин! Он только что был здесь, я буквально на секунду закрыл глаза

— Едрит-Мадрид! Была бы моя воля, я бы тебя повесил на суку вниз головой на пару недель, — выругался я и побежал обратно.

Перепрыгивая со ступеньки на ступеньку, я старался шуметь, как можно тише.

Как только я появился в дверном проеме башни ведущей на улицу, маркиза крикнула мне:

— Догоняй нас! — и пришпорила своего коня.

Вся группа всадников понеслась за ней в сторону ворот, громко и в разноречивой цокая подковами по мостовой в предрассветной тишине города.

Я отвязал коня от стойла, и вскочив на него, понесся вслед. Сначала я удивлением для себя не обнаружил среди скачущих Элайну.

Передо мной скакали маркиза, кузен и четверо всадников.

Но потом вспомнил, что Аарт приказал переодеть ее в одежду стражников, чтобы ее не

могли узнать.

Кузен скакал впереди. И на обеих сторонах его седла я увидел увесистые кожаные мешки с выпирающими монетами.

Мы галопом пронеслись сквозь открытые ворота и направились на север в сторону залива.

Стражники тут же затворили их по приказу Себастиана. Светало.

Я иногда смотрел назад, чтобы понять не появились ли сзади преследователи.

Но фортуна была благосклонна к нам и сколько я ни оглядывался, я все время видел запертые ворота замка. Барон прозевал побег.

Розенлаарь почти скрылся из виду, когда вдалеке позади мы услышали глухой звон колокола на замковой башне

Это барон Ван Туйль собрал всех на площади и зачитал свой приказ о награде за поимку меня, Себастиана, маркизы Дарии, и кассельхольдера Аарта.

Меня подхлестывал этот звон. Они могут нас догнать. Я испытывал сильное волнение ни за себя, а за моих спутников.

"Разрази его гром!" — подумал я о бароне. Я не видел, как где-то за спиной, над замком беззвучно сверкнула молния.

Мощнейший электрический разряд в тридцать миллионов вольт ударил в Вилену Ван Туйля из тучи ни с того, ни с сего, превратив его в дымящуюся головешку.

Через четверть часа Аарт вывел нас на достаточно оживленный торговый тракт по которому сновали груженные повозки, одиночки и группы всадников подобные нашей.

Мы легко затерялись в этой пестрой компании торговцев, воинов, странствующих монахов. Я в своём балахоне с капюшоном походил на одного из них.

На первом привале, который мы сделали через час, чтобы дать лошадям немного отдохнуть. Я впервые с момента спасения подошел к Элайне.

Соскочив с коня, я помог ей спешиться. Аарт проделал тоже самое с маркизой.

Я посмотрел на Элайну. У меня снова перехватило дыхание от ее красоты.

Она выглядела чудесно в наряде стражника.

Моя возлюбленная улыбнулась и мне показалось, что с ее улыбкой тучи расступились и засветило солнышко.

— Спасибо тебе. Без тебя я бы пропала. Себастиана никто не отпустил бы из караула.

— Элайна, ты прекрасна. Благодарить нужно Аарта и Себастиана с ребятами. Я тут ни при чем.

Я скромничал, но мне было приятно ее благодарность.

Дария с интересом наблюдала за нашей беседой.

Ей казалось, что она улавливает искорки, которые проносились между нашими сердцами и телами, когда мы с Элайной смотрели друг другу в глаза.

Я повернулся к маркизе и представил их друг другу.

— Ваша Светлость, маркиза Дария де Альба, разрешите представить вам сеньору Элайну Ван Дейк.

Элайна грациозно присела, сделав короткий поклон. Даже в мужском костюме солдата она выглядела чрезвычайно женственно.

— Дорогая, я вижу, как он на тебя смотрит. Он славный молодой человек. Если у вас все сложится. То я хочу быть "падрино"-шафером у вас на свадьбе, — маркиза приблизилась к

Элайне. Девушки обнялись.

— Ваша Светлость, — обратился Аарт к маркизе, — расскажите, что случилось в замке?

Маркиза рассказала о том, что произошло в то время, когда я с Аартом беседовали о нашем клане.

Бартель Тиельманс предупредил Ван Туйля о якобы готовящемся мятеже, послав ему почтового голубя с запиской, после того как ему стало понятно, что я не вернулся в прежнее тело.

Кончено, же он не упомянул об истинной причине побудившей его писать барону — о человеке не вернувшемся в свое время.

Виллен прочитав записку имел глупость тут же предъявить претензии маркизе, передав ей само послание.

Он ей сообщил, что он отменяет свое согласие на поездку.

Все, кто помогают мне будут наказаны, а затем переданы Святой Инквизиции.

В этот список попали Аарт и Себастиан.

Дария уговорила его отложить экзекуцию до утра, и, дождавшись пока он уснет, ринулась искать меня, Аарта и Себастиана.

Обнаружив у входа в замок Себастиана с Кристофером, Элайной и Андреасом, так звали третьего стражника, она поручила им седлать трех лучших коней, а сама помчалась за мной и Аартом.

Мне стало очевидно, что Бартель имеет своих осведомителей в замке среди прислуги, потому что записка содержала запрет на выезд в Ватикан.

Кроме нас, четверых присутствующих на том памятном ужине, план выезда в Ватикан могла слышать только прислуга.

Или тень... Тень за окном.

Монах Тиельманс никак не мог узнать по-другому о наших планах.

Меня не удивило, что стукачи существовали во все времена.

Я поделился своими мыслями со своими спутниками. Закончил я мыслью про моего врага-монаха.

— Бартель Тиельманс доставит нам немало проблем. Возможно, нам лучше разделиться.

— Что? Ты из-за него не хотел уезжать вместе с нами в Ватикан? — удивленно спросил Аарт.

Я кивнул в ответ

— В чем твоя проблема, Девиэт? Расскажи нам, — маркиза внимательно смотрела на меня.

Я думал, как объяснить моим друзьям, кто я. Немного поразмыслив я решил, что они пока не готовы знать всю правду.

— Я был связан с Бартелем некоторыми обязательствами. Я не могу вам рассказать о них, но это касается лично меня. У меня не получилось выполнить обещанное сегодня в полночь, и я собирался сделать это следующую в ночь. Однако, после того, как он потребовал от барона арестовать меня и всех вас, я считаю теперь себя свободным.

— Так ты обвел вокруг пальца эту обезьяну? Ну ты и герой! — Аарт широко улыбался и хлопывал меня по плечу, когда я поймал внимательный взгляд Кристофера.

— Кассельхолдер, я бы на вашем месте на радовалась. Бартель родной брат наместника Великого Инквизитора. Это грозит нам самыми серьезными неприятностями, — вмешалась

Дария.

— Ваша Светлость! Называйте меня Аарт, пожалуйста. Скорее всего, барон меня разжаловал навсегда., — с его лица сползла улыбка. — Я нисколько не радуюсь. Просто Девитт один из немногих, кто надрал этому монаху жадницу. Я понимаю, что он будет преследовать нас.

— Я уверена, что барон в бешенстве, с учетом того, что вы опустошили его казну, — теперь смеялась Дария.

— Как вы могли такое обо мне подумать? Я честный человек! — мой кузен задрал нос и заложил правую ладонь за пазуху, — я ни разу в жизни не прикарманил ни одной чужой монетки. В мешках мое жалование за последние три года, которые я верой и правдой прослужил Ван Туйлям. Мне некуда было их тратить. Плюс скромное наследство, которое оставил мне мой покойный дед.

На последних словах он посмотрел на меня и подмигнул.

Элайна, все это время молчавшая, подошла ко мне и виновато спросила:

— Это все из-за меня? — она наклонила голову и уткнулась мне в плечо.

Я обнял ее за плечи посмотрел ей в глаза и заверил, что они тут ни при чем.

— Элайна, вот вообще не бери в голову. Ты ни в чем не виновата! У меня с Тиельмансом свои счета. Я действительно ему кое-что обещал и не выполнил. И это никак не связано ни одним из вас.

— Правда? — девушка с самыми прекрасными глазами на свете подняла голову и посмотрела на меня.

Я убедительно кивнул в ответ.

— Он хотел меня обмануть, ты была права. Но у него ничего не вышло, — я огляделся и почувствовал твердый взгляд маркизы, которая слушала меня очень внимательно.

— Надеюсь, что мы когда-нибудь узнаем подробности этой истории. А теперь, пока кони не остыли, нам нужно двигаться дальше. Я считаю, что нам и вправду стоит разделиться. Что скажешь Аарт? Ты знаешь эту местность лучше всего.

— Мы поскачем в Бриезль, там найдем судно у гезов и поплывем морем в Ватикан.

— Может в Амстельштадт? — неуверенно спросила маркиза.

— Нет Ваша Светлость. Доверьтесь мне. В Амстельштадте нас будут поджидать люди аббата и Бартеля. Хоть и кажется, что город большой и в нем легко укрыться, на самом деле это вовсе не так.

— Почему?

— Там на каждом углу шпионы Инквизитора. И к тому же, если вы не знали, в городе запрещено иметь занавеси на окнах. Любой приказчик может встать у окна и наблюдать за вами. Жизнь любого человека там — как на ладони.

— Возмутительно, это касается всех? Даже девушек?

— Абсолютно всех, за исключением высшей знати.

— А что с Бриэлем? — спросил я Аарта

— Это огромный свободный портовый город, каждый день туда с моря заходят десятки судов. В порту ежедневно появляется сотни новых моряков со всего мира.

Все вчерашние, позавчерашние матросы заполняют свободные постоялые дворы таверны и бордели города.

— Фу, не хочу знать откуда ты знаешь про бордели, — поморщилась маркиза при упоминании Аартом публичных домов.

— Ваша Светлость, там весело. Я сопровождал туда барона и его брата. Впрочем, меня никогда не брали с собой к проституткам. К тому же тогда мое сердце было разбито одной коварной девчонкой. Мне было не до борделей. Пока они наслаждались обществом красоток, а был вынужден ожидать их в трактире неподалеку.

Он не упустил шанса проехаться по барону. Еще немного и я поверю, что Аарт святой.

— Но поверьте, наблюдать за пестрой толпой — это не менее увлекательное зрелище. Слышать истории о морских сражениях, далеких странах за океаном, веселится со свободным человеком — здорово.

— Разве это не опасно?

— Ваша Светлость для таких красивых девушек, как вы и Элайна это очень опасно. Но, во-первых, мы с вами, а во-вторых, если вы не побрезгуете общением с простыми смертными, то мы переоденем вас с Элайной в юношей, и вы сумеете познакомиться с миром мужчин изнутри. Думаю, для вас это будет забавный опыт.

— Хорошо я согласна!

Она просияла и посмотрела на Элайну.

— Меня прям заводит такая идея. Я никогда не была мужиком. Интересно, каково это?

— Словами не передать Ваша Светлость. Это можно только почувствовать, — ответил я маркизе, — Элайна, как тебе в одежде мужчины?

— Мне нравится, — она улыбнулась, — немного не привычно, но я чувствую себя круто.

— Что же решено. Мы пойдем в кабак!

В этот момент третий из стражников встал и стал тревожно вглядываться вдаль, на дорогу с которой мы свернули на привал.

— Мне кажется, нас нагоняют преследователи!

— Где? — к Андреасу подошел Себастиан.

— Вон, смотри, — он указал рукой на трех всадников, едва виднеющихся в нескольких километрах от нас.

— С чего ты взял, что это за нами?

— У меня орлиное зрение они одеты в красные балахоны, как на тех монахах, что выезжали вчера с Девиттом. Сейчас Девитт одет в такой же, — все посмотрели на меня.

— Я постоянно оглядывался, за нами никого не было с самого замка. Вряд ли они могли так быстро нас нагнать., — спокойно ответил Аарт.

— Они пришли с южной монастырской дороги, — ответил Себастиан, — нужно выдвигаться. Их лошади устали. А у нас отдохнувшие. Пока они на открытой местности, а мы с в лесу. Они нас пока не видят.

— Может дадим им бой? — спросил Кристофер.

— Не стоит рисковать понапрасну. Мы еще успеем подраться, Кристофер. Я знаю у тебя горячий нрав и твердая рука, но сейчас интуиция подсказывает мне, что нам стоит разделиться, — ответил ему рассудительный Аарт

— Я согласен с Аартом, — поддержал я кузена.

Это самое разумное решение. Я знал, что двое из этих троих были отличными бойцами.

Нам не нужны ранения или потери. Лучшая драка та, которую можно избежать.

— Тогда поделимся так: Девитт, Себастиан, Элайна, Кристофер — вы отправляйтесь по прежней дороге, — он указал рукой в сторону ближайшей опушки, — а мы с маркизой и

Андреасом поскачем по правой через лес. Дороги примерно одинаковые. В Бриэле встречаемся в трактире у Папы Пая. Тот, кто приходит последним платит за всю выпивку и еду.

Я усмехнулся.

— Пойдет! Мы принимаем вызов, — я сделал паузу, оглядел членов своей новой команды и под их одобрительные взгляды продолжил, — простите, господин бывший кассельхолдер, я сразу предупреждаю вас, что вам придется оплатить мне целого барашка на вертеле. Ммм — обожаю жаренную баранину!

Аарт рассмеялся.

— Ты слишком самоуверен! Готовь свой кошель, охреневший нищелюб! Если он у тебя вообще есть. Будешь оплачивать мне французское вино!

— Именно по причине его отсутствия я и приду первым! По коням, мои верные друзья! Мне нужно надрать задницу этому снобу!

Я ловко вскочил в седло. Окружающим понравилась наша с Аартом шуточная пикировка я видел, как в их глазах вспыхнул огонёк азарта.

Каждый почувствовал возбуждение и стремление прийти первым в названный трактир.

Погоня только усиливала остроту ощущений.

Моя команда оседлала лошадей.

Я сделал рукой реверанс маркизе, сняв воображаемую шляпу — моя голова была покрыта капюшоном и пожелал им удачи.

— Я желаю вам приятного пути. Ваша Светлость! Поучите этого грубияна хорошим манерам. До скорых встреч! Погнались! — я пришпорил свою лошадь и рванул с места в галоп.

Краем глаза я увидел, как кузен улыбаясь, качает головой мне в след.

Моя команда помчалась за мной. Вскоре Элайна поравнялась со мной, идя на приличной скорости.

Она привстала в седле, наклонив корпус вперед. Девушка была прекрасна.

Лошади, как и люди тоже входили в азарт и стремились обогнать друг друга. Я дал ее белому коню обойти меня на пол головы.

Элайна просияла, когда увидела это. Еще щечки покраснелись от мороза и удовольствия.

Кристофер и Себастиан шли чуть сзади, по бокам от нас.

Мы мчались галопом, разрезая декабрьский утренний воздух клином.

Я мог бы сказать, что счастлив в эти мгновения, если бы не одна мысль, неприятно свербевающая в голове.

Монахи шли по своей дороге от монастыря нам на перехват. Они успели совсем чуть-чуть. Кто-то дал знать монахам о нашем побеге. И этот кто-то был из нас семерых.

Себя и Элайну я исключил сразу. Остальные оставались под вопросом.

Конечно, Себастиан, так же, как и Аарт вряд ли мог играть против меня и Элайны, против своих родственников, но я решил быть начеку.

А вот Маркиза по большому счету получила свое. И мы ей могли быть не нужны.

Я не забыл, как она расстреляла из арбалета последнего «неспящего».

Она вырвалась из замка по легальной причине.

Барон обезумел и приказал ее взять под арест, не имея на это никаких оснований.

По местным обычаям он был просто обязан сдуть с нее пылинки.

Объявив ее вне закона, он оскорбил весь род Альба и теперь ее руки развязаны. Она

больше не была связана обязательствами перед семьей Ван Туйль.

Что касается Андреаса и Кристофера, то я их совершенно не знал. Пока они были для меня темными лошадками.

Идя галопом, мы оставались незамеченными. Монахи остались далеко позади. Я несколько раз оглядывался, но не видел преследования.

У нас сохранялось преимущество.

Наши лошади уже отдохнули. А у монахов лошади устали.

Мы все были легкими в плане веса, чего я не сказал бы о преследователях.

Это были крупные мясистые мужики.

Скорее всего из троих монахов отправившихся за нами в погоню двое были теми самыми братьями, которые сопровождали меня к трактиру «у Оленя». Они были почти такими же рослыми, как Бартель Тиельманс.

Поэтому их лошадям было тяжелее нести своих всадников на длинной дистанции.

— Ты думаешь, что они могут нас догнать? — на скаку обратилась ко мне Элайна.

— Элайна, я не успел тебе с утра сказать, что ты обворожительна в этом наряде стражника, — мне приходилось кричать, чтобы она слышала, — я думаю, что мы уже оторвались. Мы придем первыми в Бриэль!

— Почему?

— У нас лучший в мире проводник — Себастиан, а еще Дарии нужно где-то переодеться. Они остановятся в гостинном дворе. У нас будет фора по времени. Девушки не быстро переодеваются. Мы выиграем пари.

Она ничего не ответила, лишь одарила меня одно из своих лучезарных улыбок.

Мне начало казаться, что наша симпатия взаимна, и она начинает перерастать в нечто большое.

Это было теплое чувство.

Мы останавливались несколько раз по дороге, чтобы немного передохнуть. Неподалеку от Бриэля на небольшой почтовой станции мы сменили наших лошадей, пообещав хозяину вернуться за ними.

Вечерело. Последние километры перед городом мы скакали по дороге идущей у кромки моря. Вдалеке большой и красивой бухте на якорях стояли десятки кораблей, ожидавших захода в порт под погрузку или разгрузку.

Мне нравился этот великолепный пейзаж. И хоть на дворе стоял декабрь, на море был штиль и холодные волны ласково омывали фламандский берег.

Я почти расслабился и ощущал покой на душе.

Я видел, что девушка утомилась от продолжительной верховой езды, но держалась молодцом.

Наша одежда взмокла, и я подумал, что было бы неплохо помыться и переодеться по приезду.

Мои мысли прервало движение справа.

В следующую секунду со мной поравнялся Себастиан он нагнал нас с Элайной и сказал:

— Посмотри назад.

Я оглянулся.

Блин!

За нами на расстоянии трехсот-четырёхсот метров галопом шли три силуэта.

Монахи. Рано я расслабился. Я уже и позабыл о них.

— Слушай меня, Девиэт. Я их задержу! Если не приду в трактир, ждите меня завтра в полдень у центральной ратуши. Если и там меня не будет, плывите в Ватикан без меня. Береги сестру.

Я не успел сообразить, что такое сказал мне Себастиан, как он натянул поводья, притормозил своего коня, развернулся и поскакал навстречу нашим преследователям.

— Стой так не пойдет! — но брат Элайны был уже далеко.

* * *

Он поставил меня перед дилеммой — я не мог подвергать риску Элайну. И не хотел оставлять его одного.

Третий из всадников мог вполне оказаться Бартом Тиельмансом.

С другой стороны, получалось, что я позволил другу идти одному против трех.

Силы явно неравны.

— Кристофер, — я не успел договорить, посмотрев в сторону третьего стражника

— Будет исполнено Сир Девитт, не переживайте мы их замочим. Встретимся за ужином в трактире Папа Пай. Закажите мне кубинского рома, все равно Аарт пари проиграет. Ему платить! — Кристофер понял меня без слов.

Он так же развернул свою гнедую кобылу и скрылся у нас за спиной.

— Элайна, у тебя остались силы? — мне нужно было проявить заботу о девушке.

— Да всё в порядке. — ответила она, не поворачивая голову в мою сторону.

Я надеялся, что она не считает, что я струсил и понимает, что я не мог рисковать ею.

Она сама пришла мне на выручку.

— Они справятся, я знаю это. Кристофер хороший воин, не смотря на свою молодость, но уже успел побывать на трех войнах и вернуться с них живым.

Я ничего не ответил. Разум побеждал эмоции.

Так было правильно.

— Я знаю, ты не оставил бы его, если бы не я. — она старалась не показать виду и поддержать меня.

Я промолчал. Я верил, что Себастиан справится с преследователями.

Я оглядывался через плечо, но вскоре перестал видеть всадников позади нас.

В итоге мы ушли с ней от погони, через час доскакав до Бриэля.

Въехав в город, мы решили снова поменять лошадей и одежду, чтобы нас не могли узнать.

Я не думал, что нас искали бы, опрашивая персонал почтовых станций, но осторожность была совершенно не лишней.

Лошадей мы меняли прямо на въезде, а за одеждой отправились в центр города.

Среди двух-трехэтажных домиков в городе иногда встречались лачуги, а иногда роскошные дома горожан.

Повсеместно чем-то торговали. Было видно, что город богатеет и прибавляется за счет товаров из порта.

Найдя лавку со всяким барахлом, мы зашли в ее темные недра. Там нас встретил хмурый хозяин лавки.

Он не воспринимал нас как серьезных покупателей и едва взглянув на меня и Элайну деланно развернулся к нам спиной и продолжил заниматься своими делами.

— Кто тут хозяин. Гутен таг, — сказал я на немецкий манер, чтобы поддеть наглеца. нашли подходящие шмотки. Нам нужно было обоим переодеться, чтобы.

Заплатив старьевщику, я сумел уговорить его постоять на улице, пока Элайна переодевалась в новую одежду, купленную в его лавке.

Правда новой ее можно было назвать условно.

Это были мало ношенные мужские штаны, холщовая рубаша, широкий и очень длинный хлопковый шарф, позволяющий обтянуть грудь Элайны и скрыть ее, под вполне сносной кожаной курткой.

Она выбрала себе объемный пажеский берет, под которым легко спрятала свои белокурые локоны.

На ноги она одела черные сапоги с высокими голенищами. На пояс мы повесили ей небольшую короткую шпагу.

Она выглядела чудесно, хотя ее женственность трудно было скрыть под мужским нарядом. Она напоминала юношу с красивым лицом.

Ее можно было принять за моего оруженосца.

Выйдя из лавки, она хлопнула себя по штанинам, покрутилась и встав на цыпочки спросила:

— Ну как? — ее глаза озорно блестели, было видно, что ей нравилась эта игра с переодеванием.

— Сеньор бакалавр, — так обращались в Испании и Фландрии к юношам оруженосцам, — Хочу спросить готовы ли вы сопровождать меня в ознакомительной прогулке по свободному городу Бриэль? — я улыбнулся и посмотрел на старьевщика. Тот ничего не ответил, он раздосадовано покачал головой.

Торговец вздохнул, и забрав свои два серебряника, вернулся в свою лавку.

Наверно, он видел и не такие странности покупателей в лавке, живя в одном из самых крупных портовых городов Фландрии.

Мы с Элайной рассмеялись и отправились на поиски трактира Папа Пай, который должен был располагаться где-то на прилегающей к порту улочке.

Уже совсем стемнело.

Но несмотря на это, шумные улицы вечернего города были заполнены горожанами, матросами, всадниками, идущими рысью по мостовым.

То тут, то там бойкие фонарики предлагали свои услуги провожатых, неся в своих руках фонари, горящие на маслах и китовом жире.

А лавки живо вели торговлю.

Мы быстро добрались до косы, с которой начиналась набережная. Идя вдоль квартала с домами с разноцветными фасадами, мы нашли нужную улицу.

В самом ее начале я увидел круглую вывеску с названием, на которой были изображены куриная ножка хлеба и кружка пива.

Она была подвешена на цепях к торчащему из стены кронштейну и покачивалась от ветра.

Под вывеской из приоткрытой двери лился яркий свет. Оттуда на улицу доносились звуки музыки, раздавались взрывы мужского хохота.

— Иди за мной и нечего не бойся. Просто постарайся не пялиться мужикам прямо в глаза.

— Хорошо, не переживай за меня, я уже бывала в таких местах, — тихо ответила мне

Элайна.

Я уверенным шагом направился в таверну.

На входе стоял плечистый вышибала со сложенными на груди руками.

Он преградил нам путь и молча смерил меня взглядом с ног до головы.

Я полез в кошелек, и щелкнув большим пальцем подбросил монетку в воздух.

Блестящий дублон звеня взлетел и была моментально перехвачен вышибалой.

Он расплылся в улыбке.

— Мы любим гостей с деньгами, милости прошу, — он отступил в сторону, уступая нам дорогу, — но сразу предупреждаю: пьяных мы выбрасываем на улицу, нищевродов, которые не могут заплатить за ужин сдаем на рабовладельческий корабль, где вы будете работать под кнутом и только за похлебку из дохлой сельди.

— Принято. У нас есть деньги, — ответил я, протискиваясь внутрь.

Элайна зашла сразу вслед за мной.

— Да. И еще. Посуду не бить, в официантов оружием не тыкать. Добро пожаловать к Папе Паю, почувствуйте себя, как дома.

Рассказав про нехитрые правила, он потерял к нам всякий интерес и снова стал разглядывать улицу.

Я шарил глазами в поисках свободного места и пытался разглядеть присутствующих.

То тут, то там за столами сидели шумные компании матросов.

Само помещение трактира было очень просторным.

Я бы сказал, что по площади оно занимало метров четыреста.

На потолке висели огромные люстры в виде колес от телеги.

На них горели сотни ярких свечей, делая помещение неестественно светлым.

Если сравнивать его с вечерними интерьерами в замке барона, то можно было принять вечер в трактире за день.

Кто-то горланил песни. Другие выпивали в компании друзей.

В помещении у дальней стены играли музыканты. Звучал средневековый поп со свирелями, волынками и бубнами.

Недалеко от музыкантов танцевали и веселились мужчины и женщины, который были уже порядочно пьяны.

Обводя взглядом трактир, я понял, что свободных столов практически не было.

Но тут я увидел наших спутников Аарта, Дарию, переодетую в парня, и Андреаса. Они расположились за большим прямоугольным столом ближе к центру помещения.

— Пойдем, вон они! — я потянул аз руку Элайну, — странно, как они успели раньше нас?

Мы приближались к столу, за которым сидели наши

И вдруг, проходящий мимо них пьяный матрос остановился у стула, где сидела Дария и обратился к ней.

— Что-то у тебя слишком смазливое лицо, юнец!

Он был нетрезв, его шатало, и он смотрел прямо в глаза сидящей маркизы. Матросу было лет сорок пять на вид. На его лице росла жидкая бороденка, делающая его похожего на козла.

— Иди куда шел, своей дорогой, — грозно предупредил его Аарт, но маркиза выставила ладонь в сторону кузена, как бы прося его не заступаться за себя и нахмутив брови дерзко спросила пьяного моряка.

— Что надо, уважаемый?

Матрос наигранно улыбался, огляделся по сторонам, как будто не понял, что она обращается к нему. Потом схватил правой рукой маркизу за челюсть. Улыбка мгновенно сошла с его лица. Аарт и Андреас вскочили со своих мест.

— Хочешь я оторву тебе голову?

Аарт обнажал шпагу.

Адреналин стремительней волной прокатился по телу. Я почувствовал, как мои ладони немного взмокли.

Увлекая за собой Элайну, я бросился на помощь друзьям.

Все время, что я находился во Фландрии в шестнадцатом веке я никак не мог избавиться от ощущения, что за мной кто-то наблюдает со стороны.

Я не мог себе никак объяснить это чувство. Особенно остро я ощутил его в таверне у Папы Пая.

Оно и понятно, ведь внимание всего зала было обращено к тому месту, где должна была произойти наша драка с матросами.

Мы с Элайной первыми подбежали к столу, за которым сидели маркиза Аарт и Андреас. Компания, с которой пришел задира, отвлеклась от выпивки.

Матросы повставали со своих мест, со скрипом сдвигая тяжелые стулья, на которых сидели.

Их было шестеро. Тот что держал маркизу за подбородок седьмым.

Нас пятеро из них две девчонки.

Итого трое против семерых. Не самый плохой расклад, подумалось мне, но дальше события развернулись так быстро, что мне не потребовалось больше ничего считать.

Молниеносным движением руки маркиза выхватила кинжал у себя из-за спины и приставила его к паху противника.

Точнее к промежности снизу.

— Ты хочешь, чтобы я отрезал тебе яйца? — громко и спокойно спросила его переодетая в юношу маркиза.

Даже в этот момент она держала себя в руках и не забыла, что нужно пробасить, как мужчина.

Пьяный матрос помедлил, а потом очень быстро отпустил ее подбородок и, как пленный немец, убрал руки к плечам открытыми ладонями к Дарии.

Вряд ли он понимал, что задирает женщину, видя перед собой юношу.

Скорее всего, он искал того, кто физически слабее и вряд ли сможет дать ему отпор.

Он думал, что трое стройных и щуплых молодых людей, не посмеют сопротивляться семерым здоровым матросам головорезам.

— Ганс, ну что ты докопался до парня? Он сейчас скормит твои бубенчики портовым псам! — проорал кто-то из его друзей

— Давно пора, все портовые шлюхи, которых обманул боцман Ганс Хайдеггер будут рады, — прохрипел второй.

— Половина голожопых ублюдков в портах Европы — бастарды Хайдеггера, — подхватил третий, и их компания разразилась хохотом.

Ганс. Так я и думал. Германец. Как в воду глядел.

Ганс улыбнулся, он все еще держал руки над плечами. Он окинул взором меня и Элайну, посмотрел на Аарта и Андреаса.

— Всё. Ухожу.

Он отступил на шаг и лезвие Дарии теперь не касалось его.

— Мне надо отлить, — он рыгнул и снова улыбнулся. Матрос собирался уйти, но я стоял у него на пути, он еще раз посмотрел на меня и спросил:

— Чего надо?

— Так не пойдет, задета честь моего, друга. Встань на колени и извинись! — я грозно смотрел ему прямо в глаза.

И тут я услышал, как Дария обнажила свою шпагу и приставила ее к шее матроса.

Музыка стихла люди перестали говорить весть трактир обернулся к нашему столику.

Нависла зловещая тишина, которую нарушил обидчик маркизы.

— Ахахаха, — разразился смехом пьяный моряк, он повернулся к своей компании, — вы слышали? Задета его честь? Он хочет, чтобы я встал на колени, — последние слова он произнес, захлебываясь смехом так, что из его глаз лились слезы. Его компания его поддержала. Они громко смеялись.

— Сейчас. Уже встаю, — он поправлял полы своего кафтана, делая вид, что собирается опуститься на колени.

Я почувствовал, что это был пустой треп. Он резко отскочил назад.

В следующее мгновение шесть обнаженных клинков смотрели на нас своими остриями.

Мы все не замедлили сделать тоже самое, готовые скрестить свое оружие с гамбургскими моряками.

— Я и мои парни искромсаем вас на лоскуты. А тебе не избежать смерти, — он медленно поднял свой клинок мне в лицо.

— Да ты философ..., — я дерзко улыбался боцману во весь рот, — никому еще не удалось избежать встречи с этой мерзкой старухой — смертью.

— Я тебя сожру, — он продолжал смеяться.

Но я прервал его мерзкий смех

— Чтож если тебе смешно, то предлагаю честный поединок один на один. Господа моряки, — я повернулся к нему вполборота и обратился к немцам, — если я разрежу его штаны на лоскуты, то вы ставите мне и мои друзьям по кружке пива. Если он убьет меня, то вы отпускаете моих друзей на четыре стороны, — я подчёркнуто спокойно смотрел в сторону германских моряков, — вы согласны?

Аарт и маркиза пытались возразить, но я приказал жестом ждать ответа от друзей незадачливого забияки.

Те радостно закивали после короткого раздумья.

— Я-я, рихтихь, ганц, клар!(нем. все верно, мы согласны) Мы согласны! — ответил один из них видя, что его товарищи не возражают и хотят понаблюдать за поединком.

— Одно условие — поединок будет проходить на двух сдвинутых столах, если кто-то коснется пола, то он проиграл.

Я посмотрел на столы — они были довольно внушительных размеров.

— Я согласен, — надменно ответил моряк, сделал шаг назад и взмахнул своей шпагой.

Мы с немцами освободили два близлежащих стола от посуды и сдвинули их вместе.

Образовался небольшой ринг размером четыре на три метра.

Одним движением я скинул куртку. Я посмотрел на Элайну.

Все же я немного переживал, что все увидят ее приятные округлости, но полупиждак-полукафтан прекрасно скрывал ее фигуру.

Я ловко вскочил на стол, и, с готовясь к поединку, трижды со свистом разрезал воздух своей шпагой.

Сорвав аплодисменты публики, я изящно поклонился.

Мои друзья посмотрели на противника. Он тоже скинул верхнюю одежду и остался в рубахе и штанах.

Он выглядел плотным качком, и я опасался, что этот немец обладает высокой скоростью.

Моряк, кряхтя и покачиваясь, поднялся на площадку для поединка.

Но все мои опасения были напрасными.

Я разделался с ним в считанные секунды. Многие даже не успели толком заметить, как я это проделал.

Я не стал дожидаться отмашки и сразу бросился в атаку. Немец не ожидал такой прыти и это послужило причиной его поражения. Зазвучали клинки, я мысленно считал удары своей шпаги. Примерно по два удара в секунду. Восемь, девять, десять, пауза.

Матрос взвыл. Его штаны на ягодицах были распороты по диагонали. Они тут же окрасились в красное.

В таверне раздался смех и вздох восхищения.

Немец пришел в ярость и попробовал атаковать, но я словно оса моментально уворачивался и сёк своего противника. Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь, пауза.

Противник снова взвыл.

Арт исступленно стучал ладонью по столу и кричал, восхищено разглядывая меня и свою возлюбленную.

Я не терял концентрацию ни на секунду.

Тридцать три, пауза.

Снова стон отчаяния.

Немец выронил шпагу и держался двумя руками за свой окровавленный зад.

Я не давал ему перевести дух. Разогнавшись, я подпрыгнул, как на пружинах, и, схватившись руками за люстру, описал в воздухе большой полукруг. Я закончил движение ударом двух ног Гансу в грудь, столкнув противника со стола.

Трактир восторженно взвыл, словно римский Колизей, во время гладиаторского боя.

Люди кричали, взметнув руки вверх и наблюдая этот удивительный поединок.

Щуплый юноша надавал лещей бывалому боцману.

Штаны моряка были распороты на лоскуты. Двое его друзей подхватили его под руки и вынесли из трактира.

В углу сидел богато одетый человек и с большим интересом наблюдал за происходящим.

Я обратил внимание на утончённый перстень с огромным сапфиром на его пальце.

Корпус покрывала причудливая византийская вязь, заставляющая взгляд цепляться за нее.

Когда страсти улеглись, я собрав уважение и восторг посетителей и персонала трактира, спрыгнул со стола.

Человек с перстнем крикнул в то же мгновение:

— Трактирщик! Неси самую лучшую выпивку и еду для храброго юноши и его друзей за мой счет! — мы посмотрели в его сторону, и он отвесил нам вежливый реверанс.

— Так же неси пиво для пострадавшей стороны. Неси столько сколько они сумеет

выпить. Им нужно залить горе и позор.

В трактире раздался смех. Снова заиграла музыка трактир зашумел и запульсировал свой кабацкой жизнью.

Трактирщик подошел к нам и принял заказ.

Мы хотели поблагодарить господина в синем бархатном костюме, но когда обернулись к нему, то его след уже простыл.

— Кто этот господин, который оплатил наш ужин? — спросил я трактирщика.

— Разве вы не знаете?...

Интро. В предыдущей главе. Мы догнали своих друзей в трактире Папа Пай. Я заступился за честь маркизы и одержал верх в схватке с ганзейским матросом. Мы сразились с боцманом-немцем на шпагах, стоя на столах. За поединком наблюдал таинственный доброжелатель, оплативший наш ужин в честь моей победы.

Мы провели остаток вечера обсуждая случившееся за день.

Люди за другими столиками потеряли к нам интерес и это позволило нам расслабиться и спокойно поужинать.

Мы кратко рассказали про погоню и то, как Себастиан с Кристофером развернулись навстречу монахам, чтобы задержать их.

Я смотрел на Элайну и видел, что она время от времени вспоминает своего брата и его друга и беспокоиться о них.

Я же наоборот был уверен, в том, что у них все хорошо и мы скоро встретимся.

Глядя на мое спокойствие Элайна расслаблялась и улыбалась вместе со всеми.

Моя уверенность творила маленькое волшебство. Улучшив момент, я поднял кубок с за здоровье и удачу Себастиана и Кристофера.

— Давайте выпьем за наших смелых друзей, которых сейчас с нами нет, но я уверен, что удача на нашей стороне и мы скоро воссоединимся.

Все поддержали меня громкими возгласами.

Дария была уже достаточно пьяненькая, ее хорошенькая улыбка не покидала ее лица. В отличии от нее Аарт сохранял трезвый ум несмотря на то, что не отказывал себе в пиве.

Андреас тоже держался молодцом и не пьянел.

Хозяин трактира принес нам из погреба закупоренные красным сургучом бутылки, покрытые пылью, на них не было этикеток.

Но одно то, что другим подносили напитки в глиняных кувшинах, говорило о том, что нам действительно достались лучшие экземпляры из запасов трактирщика.

Он как бы между делом рассказал, что наш ужин оплатил сеньор Хуан Съеса де Лион — очень богатый и известный военачальник, аристократ, ученый, политик, снарядивший не один десяток торговых и научных экспедиции в Латинскую Америку и отплывающий туда на днях.

Когда он рассказывал про него, большинство соседей снова обратили внимание на наш столик.

Выходило, что мы одни не узнали сеньора Хуана Съеса де Лиона.

Я понял, что это имя было известно не только каждому матросу в порту и каждому жителю свободного города Бриэля, но и далеко за пределами европейского континента.

Меня очень заинтересовал этот человек и я сообщил трактирщику, что мне жаль, что мне не удалось с ним познакомиться и пообщаться.

— Господин Съеса де Лион, сказал, что он знает, кто вы.

Он посмотрел на меня и на Аарта.

— Да? И кто же мы?

— Я не уверен, что правильно понял смысл его слов. Но он сказал, что вы «вингадор», по-португальски это означает, что вы «несущие благородную месть».

Мы с кузеном переглянулись.

— Да нет же. Он нас с кем-то спутал! — Аарт радушно улыбался трактирщику.

Я поймал на себе внимательный взгляд маркизы и улыбнулся в ответ.

— Спасибо господин Девитт, что задали жару тому ублюдку. Я правда сам-ик, — маркиза икнула, — а мог постоять за себя

— Уважаемый Дарий, я ни секунды не сомневаюсь

— Так почему вы не дали мне отрезать ему яйца?

— Я проиграл пари — вы прибыли первыми, и должен был платить за всю компанию.

Мне хотелось, как-то реабилитироваться. Ведь мне очень повезло. Если бы не этот щедрый господин Лион, то я бы остался без штанов.

Аарт отвлекая внимание от названия нашего клана посетовал на то, что зря старался прийти к финишу первым, потому что я чертов везунчик, и ему никто никогда не оплачивал ужин.

— Господин Дарий, когда дело касается трат, Девитту всегда удается выйти сухим из воды! — я довольно улыбался этому открытию, — он не только умудряется не потратить ни монеты, он ещё и умудряется накопить.

— Разве, — делано удивился я, — тогда где я могу получить свою сегодняшнюю долю?

Трактирщик, выполнив просьбу Съеса Лионе обслуживал только наш стол, и убедившись, что мы наелись удалился.

На протяжении последующих часов, мы шумно общались, шутили и даже пели.

Наша компания отлично провела время и было пора отправляться на ночлег.

Перед тем как идти на ужин Аарт оплатил две комнаты в постоялом дворе при таверне Папа Пай.

Одну для девушек, вторую для нас.

Элайна встревоженно спросила может ли она спать в одной комнате с маркизой.

Я подумал, что в этом обществ все ещё сильны сословные условности, но кузен заверил ее, что маркиза сама настояла на общей комнате.

Когда мы добрались до номеров на втором этаже дома трактирщика маркиза изъявила желание проинспектировать мужские апартаменты.

Аарт галантно пропустил ее вперед, поддерживая под локоть, чтобы она не упала.

Дарию де Альба штормило и мне было смешно думать, о том, что сказал бы ее отец, глядя на свою высокородную дочку в обществе людей не дворянского происхождения.

Подойдя к одной из кроватей, маркиза завалилась на нее, желая испробовать мягкость перины и тут же уснула весело похрапывая.

Аарт засмеялся

— Ахах, маркиза. Вы храпите? Позвольте отнести вас в женские покои, — Дария пробормотала что-то невнятное, из которого можно было понять, что она остается спать здесь

Аарт подхватил Дарию на руки и отнес в соседнюю комнату.

Андреас посмотрел на нас с Элайной и сославшись на то, что забыл внизу свои перчатки вышел из комнаты.

Мы впервые остались наедине, с тех пор как ее откачал на пожаре.

Она сделала шаг и прильнула ко мне всем телом положив голову мне на грудь.

Во мне все поднялось. Я чувствовал невероятный прилив сил. Внутри все словно

дрожало, кровь гоняла по венам создавая ощущение приятного возбуждения.

Я пытался о чем-то говорить, но из моих уст вылетали какие-то несуразицы, которым мы оба смеялись.

Она чувствовала меня. И это было новым потрясающим впечатлением.

В какой-то момент она приложила палец к моим губам, чтобы я умолк. Она прильнула к моим губам и мир вокруг исчез на несколько минут.

Между нами ничего кроме поцелуев больше не произошло, но я понял, что Элайна хочет близости так же сильно, как и я.

— Знаешь, наступит время, когда мы станем одним целым. Но не сегодня

— Знаю, — ласково ответила она и потрепала меня по волосам, — ты сильный, мне нравятся твои руки.

В комнату постучались. Я подошел к двери и распахнул ее. На пороге стоял Аарт и улыбался. Я злобно сверлил его глазами, намекая на то, что ему лучше всего сейчас убраться.

— Прошу прощения, я не помешал? — кузен и думал уходить прочь. Он заглянул в комнату.

— Нет, все в порядке, я как раз собиралась идти спать, — ответила за меня Элайна, проскальзывая мимо нас в коридор.

Аарт высунул язык и часто задышал, имитируя кобеля. Я легонько тыкнул его кулаком в солнечное сплетение, но этого оказалось достаточно, для того, чтобы он закашлялся.

— Элайна, он меня бьет! — притворно закашлявшись, кузен пожаловался моей девушке, — позволяя Девиутту издеваться надо мной, вы рискуете потерять ценного спутника.

Я проводил ее к номеру. Перед дверью мы поцеловались еще раз и попрощались.

Я чувствовал себя самым счастливым человеком на свете.

Утром мы встретились за завтраком.

Мы поздно встали.

Усталость и напряжение вчерашнего дня давали о себе знать.

Обсуждая дальнейшие планы, мы договорились разделить следующим образом.

Я с Элайной иду к ратуше встречать Себастиана, Аарт с маркизой идут в порт ищут подходящий корабль до Ватикана и договариваются о посадке.

Пока нам не было известно, как быстро мы можем отплыть.

Андреас остаётся в постоялом дворе Папа Пай, на случай, если Себастиан с Кристофером все же заявятся в трактир раньше, чем мы найдем их на центральной городской площади Бриэля.

Мы сошлись, на том, что нам нужно основательно подготовиться к походу морем, но при этом нужно не сильно перегружать себя багажом.

Тем не менее нам нужно было раздобыть моряцкий шмот, потому что у нас не было подходящей одежды для морского путешествия.

Как известно — моря могут штормить. И выходить на палубу в нашей одежде было чревато простудой и другими неприятностями.

Наши две пары, вышедшие в город, помимо основной задачи должны были изучить лавки, в которых мы могли бы приобрести необходимое.

Позавтракав, мы сразу отправились каждый по своим делам.

Город давно проснулся, на улицах было все так же пестро и многолюдно, как и вчера вечером.

Мы шли по нему, не привлекая чужого внимания.

Я соблюдал осторожность, понимая, что монахи и барон все еще могут нас искать.

Мы пару раз останавливались, якобы разглядывая товар в лавках, чтобы убедиться, что за нами нет слежки.

Не обнаружив ничего подозрительного, мы зашагали в сторону городской ратуши.

Ее шпиль был виден издали, и мы сумели дойти до нее минут за десять. По дороге мы непринужденно болтали, мне было хорошо с Элайной.

Близился полдень.

В шестнадцатом веке настенных и наручных часов еще не придумали и люди ориентировались по звону колоколов на храмах.

Сейчас же я сверялся с внутренними часами и пока они меня не подводили.

Мы пришли на площадь и стали вглядываться в толпу, пытаясь разглядеть Себастиана и Кристофера. Но их нигде не было видно.

— Может быть они еще не прискакали? — спросила меня Элайна с волнением в голосе.

— Знаешь, моя интуиция подсказывает, что Себастиан где-то рядом, — я действительно не мог избавиться от ощущения его присутствия, — постой здесь и никуда не уходи, я схожу и посмотрю в самой ратуше.

— Но там в это время никого нет.

— Нужно глянуть.

На площади громко зазвенели колокола и пробили полдень.

— Подожди меня здесь, — я незаметно погладил ее по плечу, чтобы ни у кого не вызвать подозрений. Она все еще была одета в пажа.

Приоткрыв массивную дверь в костёл, я увидел ряд сидений перед алтарём. Впереди, во втором ряду от кафедры спиной ко мне сидел монах в красном балахоне с капюшоном на голове.

Он не видел меня. Это был один из преследователей. Такие балахоны я видел только на тех, кто пришел в замок с Бартемом Тиельмансом.

Я резко развернулся и огляделся в поисках еще двоих.

Но никого не обнаружил.

Увидев встревоженные глаза Элайны, я выдавил из себя улыбку и помахал ей рукой. Она немного успокоилась.

Я жестом показал, чтобы она оставалась на месте и наблюдала за площадью.

Элайна кивнула в знак того, что поняла.

Нужно схватить этого урода и выпытать, что произошло с моими друзьями, которые вчера поскакали им на встречу.

Сняв тонкий пояс с рубахи и убрав нож за пазуху.

Я снова вошел в храм.

Я еще раз подробно осмотрел помещения и убедившись, что в нем только я и монах, аккуратно затворил высоченную входную дверь и запер ее изнутри на бронзовую щеколду.

Мне нужно было тихо обнажить свой нож и мне это удалось. С оружием в одной руке и с импровизированной удавкой в виде поясного ремня в другой, я подкрался сзади к монаху.

— Не дергайся и не кричи или я тебя задушю, — я тихо, но грозно произнес, когда молниеносно накинул на шею монаха шнурок.

В следующую секунду, я быстро положил ему нож на правое плечо так, что мог в любой момент полоснуть острой гранью по артерии.

— Как ты здесь оказался, где двое всадников, которые вернулись к вам? Отвечай или ты прямо тут сдохнешь!

Монах хватал воздух ртом и пытался левой рукой чуть ослабить удавку.

Он что-то хрипел, и я не мог разобрать что он желал мне сказать.

Поэтому я чуть припустил ее и позволил ему вздохнуть. И хорошо, что я это сделал.

Иначе я никогда себе не простил, того, что могло бы произойти дальше.

— Девитт, отпусти меня. Это я Себастиан! — меня словно током ударил его хрип. Ему явно не хватало воздуха, и он говорил это на вздохе.

Я сразу же откинул ремень, перепрыгнул через спинку скамейки и увидел бледное лицо своего друга.

— Себастиан! Едрид-Мадрид! Как же ты меня напугал! — я бросился его обнимать, но он скорчился от боли, — что, что? Ты ранен? Покажи!

Не дожидаясь его реакции, я увидел, что права рука безжизненно свисает.

Сутана была густо пропитана кровью ниже плеча. Себастиан откинул голову назад в попытке превозмочь боль.

Я быстро задрал и увидел на бицепсе неглубокую, но обильно кровоточащую рану.

Я рванул к брошенному шнурку.

— Кристофер? — я посмотрел на него.

Себастиан отвел глаза и отрицательно покачала головой из стороны в сторону.

— В лучшем случае попал в плен.

— Понятно, потом расскажешь. Если он жив, то мы его вытащим.

Себастиан ничего не ответил и закрыл глаза.

— Не бойсь! Жить будешь, брат! — я хотел подбодрить друга.

Уже через минуту Себастиан сидел с перетянутой рукой, — Знаешь, я тут у вас вrede местного лекаря, даже не знаю, за что мне такое везение?

Он повернул ко мне уставшие глаза полные боли и ничего не ответил. Себастиан мог потерять сознание в любую минуту.

— Ты слушай меня и не спи.

Я похлопал его по щеке, чем немного взбодрил парня.

— Не, ну надо сказать, что спасать тебя и Элайну намного более приятное занятие, чем эту старуху Фредерику Ван Туйль, — я пытался его отвлечь шуткой, но пока это слабо получалось, — но вот, что интересно. За неполных три дня ты шестой кого я спасаю. Не знаешь почему?

Себастиан выдавил из себя слабую улыбку.

— Это у тебя в крови.

Я немного напрягся и закончив накладывать жгут спросил:

— В крови? Что ты имеешь ввиду?

— Ты из клана знахарей, — не прикидывайся дураком, — мне если честно сейчас не смешно.

Этими словами Себастиан шокировал меня.

— А кто-нибудь еще, кроме тебя, это знает?

— Маркиза де Альба.

— Ты меня сейчас просто убил, — я впервые я растерялся в этом мире, — а кроме нее?

— Нет, думаю, никто.

— С чего ты это взял?

— Она писала при мне письмо, которое велела передать с почтовым голубем, среди стражников я единственный обученный грамоте, но она этого не знает. Поэтому писал письмо при мне ничего не скрывая.

— А ты что никому не говорил, что умеешь читать?

— Нет. Зачем?

— Ну ты хитер, брат, должен я тебе сказать.

— Могу ли я узнать, кому было адресовано

— Нет. Это не моя тайна. И я держу язык за зубами. Но могу сказать, что письмо не было адресовано врагам. Это была просьба о поддержке, она отзывалась о тебе самым лучшим образом.

— Ни хрена себе! — я был поражен тем что услышал, а ты и про врагов знаешь?

Себастиан кивнул.

— Неспящие.

Моему изумлению не был предела.

— Да ну нахрен! — я ошалело смотрел на него, но мой следующий вопрос прервали звуки снаружи.

Дверь в храм начали сначала начали дергать, а потом настойчиво стучать в нее.

— Откройте немедленно, кто там безобразничает?! — слышался приглушенный мужской голос с улицы.

— Надо делать ноги поскорее, как думаешь за алтарем есть другой выход?

— Конечно, — кивнул бледный Себастиан, — отдельный вход для священников есть в каждой ратуше.

— Тогда показывай куда нам идти, — я помог ему встать, перекинул его здоровую руку через плечо, и обняв за талию зашагал вместе с ним в направлении дублирующих дверей.

Мы втроем с Элайной, достаточно быстро добрались до гостиного двора. Я пытался разглядеть хвост, все-таки ярко красный балахон Себастиана выделяли нас на улице, но горожане так спешили по своим делам, что на нас не особо обращали внимание.

К тому времени Аарт и Дария уже вернулись.

Я осмотрел и промыл рану Себастиана. Она была болезненной, но не опасной.

После его слов о клане знахарей я стал по-другому к себе относиться. Мне нужно было это все обсудить с Аартом, но решил пока отложить.

Мы заказали еду в комнаты и велели трактирщику принести ее поскорее. Он долго упрямылся, утверждая, что кормят только в таверне, но дополнительный дукат сделал свое дело.

Он пробурчал, что-то типа того, что вид еды в номерах развращает других посетителей, но в конце концов согласился нам принести ее в виде исключения.

Себастиан коротко рассказал о стычке с монахами.

Они с Кристофером приняли скоротечный бой, но Кристофер был ранен чуть раньше, чем Себастиан.

Монахи были обучены хорошо драться, один из них закинул Кристофера поперек своей лошади и ускакал, пока двое напирала на Себастиана.

— Видимо он приняли его за Девитта, — объяснил нам Себастиан.

Мы и вправду были определенно похожи с Кристофером. У него тоже были светлые волосы, но не более того.

Я отличался от своими иссиня-голубыми глазами.

Монахи могли в суматохе боя в сумерках нас перепутать.

Пока Себастиан разбирался со своим противником, третий монах увел оставшихся лошадей.

Убив врага, Себастиан остался один. Он был ранен.

Облачившись в красную сутану Себастиан поплелся в Бриэль.

По дороге его подобрала повозка, он прибыл в город поутру и сразу пошел в ратушу.

Со вчерашнего вечера у нас осталось две большие бутылки красного французского. Их заботливо прихватил с собой Андреас. Я дал выпить Себастиану два больших стакана и уложил его спать.

За обедом мы стали обсуждать новости, принесенные Аартом и Дарией.

Они нашли подходящий корабль. Он отплывал в Рим на следующее утро. Аарт оставил залог за семерых пассажиров серебром. Капитан оказался стоворчивым малым. Но потребовал, чтобы Аарт и его путники не опаздывали.

Он добавил, что если они не успеют на отходящий в полночь от порта ялик, то корабль ждать не будет.

— Ты видел сам корабль? — спросил я кузена.

— Да он показал на фрегат стоящий на якоре на рейде, мы бронировали четыре каюты. Капитан пообещал, что галльон будет общий, но чистый.

— Галльон? — переспросила Элайна

— Да. Это уборная. Туалет, — пояснил Аарт.

— Жаль конечно, то Кристофера не будет с нами, но клянусь, если он жив, то я вытащу его, как только мы вернемся, — я надеялся, что этот храбрый парень все еще жив и здоров.

Все согласились со мной. Нам оставалось подготовиться к морскому походу, собрать вещи и отдохнуть перед выходом в море.

Все это время Элайна находилась рядом с братом. Было видно, они очень привязаны друг другу. И ее забота очень искренна.

Мы снова разделились, и, оставив Андреаса присматривать за Себастианом, вышли в город. У нас был список покупок.

Уже имея представление о близлежащих лавках, мы закупили с Элайной все необходимое и вернулись в гостевой дом раньше условленного времени.

Уже начало темнеть. На улице стали загораться окошки и фонари.

В женской комнате располагался небольшой балкончик, и мы с Элайной отправились туда, чтобы понаблюдать за тем, как вечер окутывает шумный портовый город.

Но только я расчистил пол и перила балкона от снега, как в комнату ворвался встревоженный Аарт и Дария.

— У нас большие проблемы!

Я посмотрел на него.

— Умер Папа Римский? Солнце налетело на земную ось? У тебя проблемы с пищеварением?

— Сейчас не до шуток, Девитт. Трактирщик убит! Наши деньги, отданные ему на хранение украдены! Нам нечем платить за каюты! С минуты на минуту здесь появится...

*** **

От автора.

Если вам нравится книга, не забывайте ставить ей лайк и подписываться на автора.

— Сейчас не до шуток, Девитт. Трактирщик убит! Наши деньги, отданные ему на хранение украдены! Нам нечем платить за каюты! С минуты на минуту здесь появится... городская стража!

На пороге уже стояли Себастиан и Андреас.

— Раз у нас нет денег, то что нам собратиться в дорогу — только подпоясаться, — я посмотрел хмурящегося на Аарта, — у меня все собрано.

Потеря денег серьезно осложняла наше положение. Но я был уверен, что, если доберемся до Рима, то у нас деньги появятся.

— Боюсь, что это вчерашние немцы, пришли требовать компенсации за ущерб, — он посмотрел на маркизу и Элайну, — барышни, собирайтесь нам нужно торопиться.

— Почему ты так думаешь?

— Украли только наши кожаные мешки, остальное не тронули.

— Надо было их вчера всех прирезать, — раздосадовано воскликнул Андреас, — мне их рожи сразу не понравились, с того момента, как мы только вошли в кабак.

Девушки очень быстро собрались и мы, бегло осмотрев свои комнаты, спешно покинули гостиный дом.

У нас ещё оставались деньги в личных кошельках.

Но их было явно недостаточно для того, чтобы оплатить дорогу на корабле.

Не говоря уже о том, чтобы остановиться в приличном месте, закупить подобающие туалеты и организовать встречу в Ватикане с высшими церковными иерархами.

Мы шли в сторону порта.

Тихонько обсуждая сложившуюся ситуацию.

Себастиан держался молодцом. Они с Андреасом шли впереди, стараясь поддерживать темп.

Маркиза предложила заложить свой фамильный перстень в какой-нибудь лавке, но Аарт наотрез отказался это делать.

— Ваша Светлость, никто в этом городе не знает истинную ценность вашего украшения, за него не дадут нужную сумму. А мы не знаем, когда мы сюда вернемся и вернемся ли, когда-нибудь. Я отказываюсь закладывать ваш перстень. Он нам еще очень пригодится.

Маркиза обиженно пожала плечами, но в душе понимала, что Аарт прав.

Наконец мы добрались до пристани в порту откуда должен был уходить наш ялик.

Вокруг было темно и безлюдно. Близилась полночь.

Море тихо плескалось о сваи.

Я посмотрел на ясное звездное небо. Признаться, честно я впервые был на море.

Сначала у мамы не было денег, мы жили отдельно и меня воспитывал дед.

А потом, когда я повзрослел, хоть я почти и скопил нужную сумму на отпуск, я все никак не мог выбрать время, собираться и поехать на юг.

То, что сейчас видел, стоя рядом с друзьями, со своей девушкой, держа ее за руку, производило на меня сказочное впечатление.

Мигающие огоньки на сотнях кораблей, стоящих на рейде, мириады звезд на небосводе и черная вода ласкового моря, в котором это все отражалось, заставляли меня думать и чувствовать, что я с Элайной лечу над водой.

Мои грезы прервал всплеск вёсел.

Откуда-то слева послышался хриплый голос лоцмана, человека, который должен был нас доставить на корабль.

— Это вас нужно доставить на неф «Святой Юстас», капитана Борделло?

Из темноты у причала показался деревянный нос небольшой парусной лодки. Старик в широкой рыбацкой шляпе подруливал к причалу веслом.

— Да сеньор. Это мы.

— Вас должно быть семеро...

— Да сеньор. Теперь нас шестеро, одни из наших друзей остается по делам.

— С вас четырнадцать золотых. По два золотых с каждого.

— Что? — у Аарт брови высоко поднялись над надбровными дугами, — сеньор вы в всем уме?

— Четырнадцать золотых и точка.

— Но мы с капитаном Борделло договаривались о пятидесяти золотых до Рима, а вы требуете четырнадцать за услуги доставки от пирса до корабля?

— То, как вы договорились с Борделло меня не интересует. Или платите, или ищите другой ялик.

Он сделал широкий жест рукой, показывая, что у причалов нет ни одной мало-мальски подходящей лодочки.

— Сеньор, если мы заплатим вам требуемую сумму, нам не хватит для расчёта с капитаном Борделло.

— Меня не волнует, нет денег проваливайте!

Меня начал бесить этот нахальный старикан, я подался вперед.

— Слышь, ты морское такси! А не охренел ли ты? Я понимаю, что ты тут бомбишь по ночам и все такое, но тебе не кажется, что ты в край оборзел? — вырвался у меня московский сленг.

Элайна с Дарией прыснули и с удивлением посмотрели на меня.

Аарт остановил меня рукой.

Он отцепил свою позолоченную шпагу и протянул ее лоцману.

— Сеньор эта шпага стоит не меньше двух сот...

— Убери свою зубочистку, — по-хамски огрызнулся лоцман, — если я и приму что-то в оплату кроме десяти золотых, то это ее!

Он тыкал своим кривым уродливым пальцем с бородавками в Элайну.

— Пусть обслужит меня, тогда я доставлю вас на корабль за десять золотых, — он мерзко облизнулся.

Ну уж нет, такого я терпеть больше стану!

Я схватился за свою рапиру.

Я собирался запрыгнуть в его ялик, заколоть гадкого старикашку и выбросить за борт, но в этот момент из тени у нас за спиной выплыли две фигуры в черном.

— Не стоит, Девиэт. Старик Карло, конечно, лупит цены. Он сделал вам неприемлемое предложение, но право, поверьте мне, он не заслуживает смерти.

Я оглянулся и увидел изысканно одетого мужчину, который оплатил нам вчера ужин.

Рядом с ним стоял рослый азиат с рябым лицом. Многочисленные ямы на коже его лица говорили о том, что он перенес оспу.

— Маркиза Альба, сеньора Элайна Ван Дейк мое почтение, — он снял шляпу и сделал

глубокий реверанс.

— Мы знакомы? — маркиза напрягла лоб, пытаясь вспомнить этого господина. Он уже выпрямился и нова надел широкополую шляпу.

— Позвольте представиться. Доктор Хуан Съеса де Лион. К сожалению, я не имел чести быть знакомым с вами лично, но мы приятельствуем с вашим отцом, маркиза Дария. Господа. — он сделал полупоклон нам с Аартом, Себастианом и Андреасом. Затем снова обратился к маркизе.

— Я видел, как вы виртуозно владеете ножом. Вы бесстрашная сеньора. Это было потрясюще интересно. Bravo, — он улыбнулся и дважды похлопал ладонями, одетыми в черные кожаные перчатки.

На этот раз ответный полупоклон сделала маркиза.

— Девиэт, не сердитесь на старика, вы должны его простить и понять, что он ежедневно видит матросов, которые пытаются провезти на борт женщин, переодетых в мужчин. Верно Карло?

— А то! — раздался голос из ялика.

— Он просто уже стар и не разглядел, что на пирсе стоят титулованные особы. Извинись Карло.

— Чего уж там, прошу прощения дамы.

— Извинения принимаются? — Съеса Лион посмотрел на Элайну.

Та кивнула в ответ.

Затем на маркизу. Она так же кивнула.

— Хорошо. Тебе пора на покой Карло, а то так ненароком получишь кинжал в сердце, — доктор Лион улыбнулся.

— У меня у самого кинжалы найдутся, сеньор Лион, — проворчал старик.

— Сеньор Аарт, прежде чем я вам кое-что предложу, не могли бы вы рассказать, что именно произошло в трактире и гостевом доме до того, как вы его покинули?

Аарт коротко пересказал, про похищенные деньги, убитого трактирщика и наши подозрения насчет немцев.

— Вы позволите, мне попробовать найти негодяев и разобраться с ними?

Аарт пожал плечами.

— Разве это возможно? Они наверно уже далеко.

Тогда Съеса Лион что-то шепнул на ухо китайцу, тот с каменным выражением лица, смотря прямо перед собой, выслушал, кивнул, развернулся и резко зашагал в сторону города.

От стены отделились еще три тени и последовали за китайцем.

Да они тут не вдвоем.

Видимо, вчера в таверне доктор так же ужинал в присутствии своей охраны.

Опершись на свою трость, доктор продолжил.

— Насколько я понял вы хотели подняться на борт «Святого Юстатса». У меня есть идея получше — завтра в полдень, один из моих кораблей — «Сеньора де Анточа» отправляется в Рим. Он намного удобнее и быстрее, чем корыто Борделло. Я почту за великую честь, если вы согласитесь с моим предложением. Позвольте пригласить вас подняться на борт моего галеона. И воспользоваться моим гостеприимством.

— По правде говоря, у нас были деньги, но теперь..., мы можем простить у вас кредит? — Аарт посмотрел в глаза

— Не пытайтесь дальше меня оскорбить. Это мой корабль и ваше путешествие будет

совершенно бесплатным. Я распоряжусь чтобы вы ни в чем не нуждались. И да, на моем корабле дамам нет необходимости носить мужское платье. Я распоряжусь, чтобы вам выделили три отдельные каюты первого класса.

Маркиза с Элайной с огоньком в глазах посмотрели на нас с Аартом ожидая нашего решения.

Я кивнул кузену в знак согласия и Аарт протянул доктору руку для пожатия.

Доктор ответил жестом Аарту, затем пожал руки каждому из нас, за исключением девушек.

— Прошу вас, садитесь в ялик. Карло немедленно доставит вас на борт «Сеньора де Анточа»

— А вы сеньор Съеса де Лион? — спросила маркиза.

— Я, к большому сожалению, не могу сопровождать вас в Рим, потому что отплываю послезавтра с моим флотом в Латинскую Америку. Но я надеюсь, что судьба сведет еще нас как-нибудь и я с удовольствием пообщаюсь в вашей теплой компании.

Я впрыгнул в лодку и помог девушкам усесться внутри ялика банки, такие скамейки. Мы попрощались с нашим благодетелем.

Доктор вытащил из кошелька серебряный гульден и подбросил его старому лоцману.

Старик перехватил его и был рад получить оплату за нашу доставку.

«Ах, тыж старый козел», — подумал я про лоцмана. Но сдержался.

Мой гнев опал, когда мы подплыли к «Сеньора де Анточа».

Корабль поразил мое воображение.

Это был роскошный трехпалубный галеон.

Эффектно украшенный деревянной резьбой с позолотой, длиной в тридцать два и шириной в одиннадцать метров.

Красавец, с двадцатью пушками на борту, принял нас на борт уже поздно ночью.

На палубе нас встречали помощник капитана и боцман. Оба выглаженные и опрятные. Они больше походили на офицеров в парадных мундирах.

Нам продолжили накрыть ужин в кают компании для офицеров, но мы отказались.

Помощник капитана показал наши просторные проходные каюты, имеющие свои двери в коридор, и в тоже время, сообщающиеся между собой.

Было довольно поздно.

У нас были с собой запасы еды на две недели. Борделло не обещал нас кормить, и во избежание недоразумений было решено на общем совете закупить собственную провизию.

Поэтому мы решили перекусить в собственных каютах не напрягая персонал корабля.

На море шла небольшая волна, приятно убаюкивая наши уставшие тела и после короткого ужина. Девушки отправились спать в свою каюту.

Себастиан с Андреасом расположились справа от них, а мы с Аартом слева.

Напряжение последних дней сказывалось, но теперь я впервые почувствовал себя комфортно, как дома.

— Интересный тип этот Съеса Лион. Но очень странный. Тебе не кажется, что он уж слишком добродушен к нам? — я спросил Аарта, когда мы решили ненадолго выйти на палубу и подышать свежим воздухом,

— Меня тоже смущает, что он вчера и сегодня тайно наблюдал за нами. Но я не думаю, что он специально следил за нами.

— Почему?

— Кто знал, что мы свалим вчера из замка? Он тут больше двух недель готовит экспедицию. Кто знал, что мы встречаемся в таверне у Папы Пая?

Я промолчал. Я вспомнил слова Себастиана.

— Аарт, ты знаешь, что Себастиан считает меня представителем клана знахарей?

— Ну формально, ты можешь им быть. Не забывай, ты внук главы клана. Но только дед поклялся тебя никогда не признавать.

— Разве существование клана знахарей не тайна?

— О них постоянно ходят слухи. Но никто толком ничего не знает. Про них рассказывают небывлицы. Говорят, что их глаза могут гореть огнем, или они могут выпить глазами целые океаны, — он посмеялся, — дурачьё, представляешь? Твои голубые глаза многих наводят на мысли. Но только ни у кого нет доказательств твоей связи с кланом знахарей.

— Теперь есть. Себастиан не дурак, он может прибавить два плюс два.

— В смысле?

— За двое суток я спас и излечил троих. Элайну, черного плаща, кстати он сбежал, и Себастиана.

— Пфф, ты сам то веришь, в то что говоришь? Еще скажи, — кузен открыто потешался надо мной, — что ты кроме прочего еще и элито.

— Что значит элито.

— Совсем не помнишь? — увидел, что я помотал головой Аарт продолжил, — когда Йорис, прародитель клана, умирал, он выдал предсказание о том, что типа клан почти уничтожат, члены кланы перестанут нести месть злу, но потом придет элито-избранный с Востока, рожденный в Клингенбурге. Он будет не в себе. Элито поднимет клан с колен и зло опять перестанет быть безнаказанным на этой земле.

Сначала я не понял смысл того, что мне сказал Аарт.

— Клингенбург? Где это?

— Не волнуйся ты не элито, — он оборжал меня, — ты родился в Херенберге, в графстве Зутфен.

— Йорис был интересным типом. Я и не думал, что я избранный.

— Ну и отлично! Хватит нам предсказаний. Хотя твой отец считал, что ты все же элито.

— Какие еще предсказания Йориса ты знаешь?

— Ну это не совсем предсказание. Это какое-то важное число — девяносто пять.

И тут меня торкнула абсолютно невероятная догадка.

— Где ты говоришь Клингенбург?

— Где-то далеко на востоке, в герцогстве Бавария. А что?

Я ничего на это не ответил и просто предложил пойти спать.

«Клинген» по-немецки означало звонить, «бург» — город.

Город, в котором звонят.

Меня неприятно шокировало это открытие.

Все дело в том, что мама родила меня в роддоме номер один города Звенигород.

Выходило, что я и есть тот элито. Человек с Востока, который не в себе. Все совпадало. Рожденный в Звенигороде.

Но я решил пока не рассказывать ничего Аарту.

— Пойдем спать, это была сложная неделя для нас, — я похлопал по плечу Аарта.

*** **

На утро с нами произошло нечто особенное.

Когда мы проснулись то у изголовья наших кроватей лежали кожаные мешки Аарта, все так же туго набитые деньгами.

Видимо, азиат, сопровождавший доктора Лиона нашел похитителей и разобрался с ними.

— Да он крутой! — воскликнул я, читая его записку, приложенную к одному из мешков, — он сообщает, что покарал негодяев.

— Да ты, что! Неужели такое возможно? Охренеть! — Аарт подбрасывал в руках один из мешков, прикидывая его вес.

— Да, так и пишет, но не сообщает как именно. Но судя поэтому, — я держал в руках отрезанное ухо, — тот китаец покромсал их на кусочки.

— Фууу, выбрось эту гадость, — кузен подошел к иллюминатору и распахнул его.

В комнату дохнул свежий морозный бриз

— Неужели ты такой неженка? — я рассмеялся бросил ухо в Аарта. Он увернулся, и оно шлепнулось на пол. Кузен подошел и брезгливо поднял его носовым платком.

— Я тебя не узнаю, Девитт, ты совсем безжалостен — впрочем эти уроды получили по заслугам. Нечего было трогать трактирщика. Он был совсем ни при чем.

В дверь каюты постучали и Аарт поспешно выбросил ухо за борт и закрыл иллюминатор.

Но нас пригласили на завтрак. Мы должны были собраться в офицерской кают компании примерно через четверть часа.

Девушкам было предложено подобрать для себя любую одежду из гардеробных запасников доктора Лиона.

Они вышли к нам в платьях с умопомрачительным декольте. Нам с Аартом оставалось надеяться на адекватную реакцию мужского населения корабля. Элайна в черно красном платье с корсетом выглядела, как богиня, сошедшая с небес. Синий пиджак и блуза маркизы подчеркивали ее женственные линии.

Мы собрались в офицерской кают компании.

Капитан мне не понравился сразу.

Среднего роста. Лет сорока.

Рыжебородый и сероглазый крепыш проигнорировал наше с Аартом приветствие, уделяя внимание Дарии и Элайне.

За нами зашли Себастиан и Андреас. На них он так же не обратил внимания.

Он бурно приветствовал девушек, при этом не стеснялся по долгу пялиться в глубокие вырезы на груди.

Усадив девушек за стол рядом с собой, он не позаботился о том, чтобы нам накрыли вместе с ними. Он представился:

— Я капитан, Алехандро Сантьяго.

Такое поведение о многом говорило.

«Гнилой мужик», — думал я, спокойно наблюдая за происходящим.

Маркиза тактично напомнила, что они с Элайной поднялись на борт не одни.

Только после этого напоминания он приказал накрыть нам на дальнем конце стола пренебрегая правилами приличий.

— Простите Ваша Светлость, я думал, что это ваши слуги и собирался приказать накрыть им вместе с матросами, — он рассмеялся собственной шутке, — сейчас мы исправим эту оплошность. Накройте им там.

Он обратился к матросам-серверам, обслуживающим стол за завтраком.

Пока нам несли еду. Капитан попеременно заглядывал то в глаза, то в декольте обеим девушкам.

Было видно, что чувствуя себя главным на корабле, капитан рассчитывал на нечто большее, чем вежливое и дружеское общение.

Я видел, что Аарт закипает, но отвлек его безмятежной беседой о погоде и порядках, царящих в среде неотесанных матросов.

Я делал это так, чтобы девушки и капитан слышали, о чем я говорю, но не имели возможности вмешиваться и комментировать.

Время от времени я смешил всех моих друзей, жестко иронизируя над капитаном, так что девушки прятали улыбки в тарелки, для того чтобы не рассеяться в голос, а парни держались за животы.

Некоторые моряки-серверы врубались, о чем я шучу и тоже едва сдерживали смех.

Я сравнивал бородавку на щеке капитана с клопом, лезущим по стене.

Он не очень понимал, о чем речь, пытался говорить параллельно, но явно потерял инициативу.

Закончив завтрак, он предложил маркизе показать корабль. Та с мольбою посмотрела в нашу сторону, скорчила гримасу покачивая голову в знак того, что не может отказать, но идти у нее нет никакого желания.

Аарт был готов выхватить свою шпагу, но я удержал его руку под столом.

— Капитан. Ее Светлости и сеньоре Элайне необходимо написать письма. Они не могут сейчас осмотреть корабль.

— Да, да я понимаю, — капитан смотрел на меня не отводя взгляда, — может быть они желают осмотреть корабль после обеда...

— После обеда у Ее Светлости и сеньоры Элайны, занятия латынью, — я прервал его, выдержав его тяжелый взгляд, — я полагаю, капитан, что Ее Светлость сама сообщит вам, о том, когда у нее появится время осмотреть корабль. А вот мы с господином Аартом, непременно составили бы вам сейчас компанию.

— Хорошо, следуйте за мной! Я не буду вас ждать, вне зависимости от того, поели вы или нет, — он в гневе бросил салфетку на стол и вышел из кают компании.

Элайна показала мне большой палец и улыбнулась.

Один ноль в мою пользу.

Маркиза, не скрывая улыбки, негромко мне поаплодировала.

Но я вспомнив слова старика Брейгеля, не дал воли своей гордыне.

Мне нужно было быть умным и осторожным.

На корабле капитан единственная власть, а в его подчинении двести отборных головорезов.

Случись что с нами, Съеса Лион не сумел бы проверить обстоятельства ситуации долгое время.

Серверы попрытали глаза, будто прочитав мои мысли.

— Не ходите по одиночке, сеньоры. Не ждите от него ничего хорошего. Господин Лион уличил капитана Сантьяго в крупной растрате и лишил жалования на год вперед. Капитана

собираются разжаловать в Риме, — подойдя ко мне вплотную тихим голосом сообщил один из матросов, который обслуживал нас за столом.

— Похоже на то, что он собирается выместить на вас злобу, — почти шепотом продолжил он.

Аарт слышал его слова. Мы молча переглянулись.

— Не оставляйте сеньорит одних. И пусть они не пьют его вина. Он подсыпает женщинам в вино, снадобье, обессиливающее на время. И будьте крайне внимательны на верхней палубе.

— Спасибо за завтрак матрос! — я встал, чтоб последовать с кузеном за капитаном.

Я подошел к Себастиана с Андреасом. Достаточно было пары слов и красноречивого взгляда чтобы они все поняли.

Мы с кузеном поспешили выйти за.

— Долго вас еще ждать, сопляки?! — я услышал его голос из-за открытой двери капитанской каюты

— Идем, — ответил Аарт и положил руку на эфес своей шпаги.

Мы подошли к просторному помещению, где увидели стоящего спиной к входу капитана, со сложенными руками на пояснице.

Он стоял перед столом, смотрел в иллюминатор на стене и говорил с нами не оборачиваясь.

— Проходите, щенки! Я преподам вам урок хорошего тона! — он сделал паузу, а потом яростно продолжил.

— Никто не смеет разговаривать в такой манере, на моем корабле! Со мной, капитаном Алехандро Сантьяго!

Мы с Аартом снова переглянулись. Капитан все ещё стоял спиной.

— Ну? Струсили? Я не стал портить аппетит маркизе и второй, как ее...

Он явно пытался задеть и начать разборки.

Делая вид, что не помнит имени Элайны, капитан выражал таким образом презрение.

Его слова были пропитаны пренебрежением к нам, как к простолюдинам.

Мы оба зашли в каюту и сделали пару шагов в центр. Дверь за нами захлопнулась.

Мы не успели выхватить шпаги. Это была ловушка.

Я почувствовал между лопаток острие чужого клинка.

И вдруг, в следующее мгновение раздался страшный грохот, а сразу затем треск.

Мы с Аартом, брошенные неведомой силой, полетели вперед.

*** **

Глава 16

Интро: В прошлой главе, Девитт и его друзья узнали, что все их деньги похищены. Опасаясь ложных обвинений в убийстве трактирщика, они поспешили на свой корабль. Но лоцман, доставляющий пассажиров к кораблям на рейде пассажиров на своем ялике, запросил непомерную цену. На выручку пришел Хуан Съеса де Лион, богатый владелец флотов и предприятий. Девитта и его друзей доставили на корабль, с капитаном которого у них назревал конфликт.

Этот чудовищный толчок произошедший из-за того, что наш галеон пытался протаранить гамбургский конвойный корабль «Леопольдус Примус». Ганзейцы шли в открытую конфронтацию.

Наш корабль сначала накренился на левый борт, а потом выравниваясь, мощно качнулся обратно и накренился на правый.

Не успев встать, мы с Аартом повалились обратно — теперь уже на спины.

После того как мы были опрокинуты на пол корабля во второй раз, я услышал резкие свистки и топот ног по палубам и внутренним коридорам.

— К бою, оружие к бою! Все наверх! — узнал я голос боцмана, встречавшего нас на борту ночью.

Он истошно орал во всю глотку. И было очевидно, что матросы откликнулись на его призыв. Несколько моряков с обнаженными клинками бежали мимо каюты, дверь которой распахнулась от удара, невероятной силы.

Я сумел разглядеть того, кто угрожал мне со спины. Раньше я его не видел.

Это был лысый одноглазый мужчина крепкого телосложения. Его правая рука была рассечена осколками стекла, разлетевшегося от удара.

С головы нападавшего слетела кожаная коричневая треуголка английского покроя.

Он также обронил к моим ногам шпагу, которой он тыкал мне между лопаток и пытался дотянуться здоровой рукой. Я наступил на нее.

— Хрен тебе! Ручку убрал, а то сейчас без второй останешься! — гаркнул я на урода.

Краем глаза я видел, как Аарт отправил в нокаут ударом голени в голову второго головореза, который до этого стоял на четвереньках и пытался подняться.

Я поморщился.

— Что? — с вызовом отреагировал на мою гримасу кузен, — Что тебе не нравится?

— Лежачего ногой? — я больше подкалывал Аарта, чем испытывал сожаление от того, что незадачливый матрос рухнул, потеряв сознание.

Я посмотрел в ту сторону, где стоял капитан. От удара его швырнуло и перебросило через стол. Он пытался вылезти и встать, но ему все еще мешали обломки стульев, на которые он рухнул.

— Черт меня побери! Да, что же это за хреновый день сегодня!

В этот момент в каюту влетел старший помощник.

— Капитан, ганзейский флэт «Леопольдус Примус» таранил нас по касательной, они атакуют и готовятся к абордажу! (прим. флэт тип парусного корабля)

— Разберись с ними, никого не жалеть. Всех до единого немца за борт кормить рыб! — Алехандро, наконец смог подняться и выбраться из-за стола

— Я сейчас приду.

Мы с Аартом переглянулись.

— Можете на нас рассчитывать, отложим споры на время. Разберемся позже, — я развернулся и направился к выходу, ведущему на килевую палубу в конце корабля.

Аарт последовал за мной.

Он крикнул Себастиану и Андреасу, те выскочили из кают компании с обнаженными клинками.

Килевая палуба представляла из себя просторную деревянную площадку, размещающуюся над нашими и капитанской каютой, а также над кают-компанией.

Мы с Аартом влетели на нее и моему взору предстала картина рукопашной битвы.

«Леопольдус» стоял к нам правым бортом, его нос был развернут в сторону нашего кия.

Сомнений больше не было.

Гамбургские моряки атаковали наш корабль. Они уже перебросили крючья и подтянули свой корабль к нашему правому борту.

По канатам стремительно карабкались три десятка ганзейских моряков на подмогу тем, которые уже сумели перебраться на наш борт и бились на всех трех палубах.

Нападающие делали это весьма успешно несмотря на почти двукратный численный перевес обороняющихся.

Оттеснив на пару метров наших моряков от правого борта, немцы тем самым позволили перебраться на наши палубы все большему количеству своих.

Фактор внезапности сыграл врагу на руку.

То тут, то там в шуме сражения, разносилась ругань, крики, стоны, звон клинков.

Иногда я видел короткие вспышки и облачка порохового дыма от выстрелов из пистолей.

В общей заварухе мы с Аартом, Себастианом и еще несколькими матросами с нашего галеона, пока не видели свободных немцев. Мы ждали очередной партии, чтобы окунуться в гущу драки.

— Почему молчат их пушки? — я посмотрел назад, но так и не увидел капитана Алехандро Сантьяго.

— Им нужен корабль, и мы. — Аарт указал блеснувшей на солнце шпагой на немца, которого мы проучили в таверне Папа Пай. Тот командовал абордажными командами, готовящемся перелазить к нам с своего борта.

— Себастиан, оставайся с Аартом и прикрывай его. Сам не суйся со своей рукой, — я указал на его повязку, — Андреас, погнались. Раз они хотят нас — они получают нас!

По дороге я выхватил два тяжелых пожарных топора, вдетых в быстростъёмные крепления из чёрного железа.

Один из них я передал Андреасу.

— План такой: я рублю абордажные канаты, ты прикрываешь мою спину.

— Встретимся на том свете, — прокричал мне в спину невозмутимый кузен. Я не оборачиваясь показал ему средний палец левой руки. Матросы рядом с Аартом и Себастианом рассмеялись.

Разогнавшись, я ловко проскользнул по правому парпету кормовой палубы и зацепившись свободной рукой за длинный шпангоут — канат, свисающий сверху, сильно ототкнулся ногами.

Я описал в воздухе дугу над лезущими на бордаж и приземлился аккуратно за спинами их друзей, бьющихся с матросами с нашего корабля.

Я замахнулся топором и принялся за дело.

Канаты с перемещающимися на них людьми рубились легко. Под ликование и одобрительные возгласы своих, я успел разрубить шесть канатов и сбросить в море человек десять.

Описывая дугу, они пытались удержаться на них. Но влекомые силой тяжести, стукаясь со всего маха о борт своего же корабля, падали в холодную морскую воду.

Один из тех немцев, что бился обернулся на крики и увидел меня. Я по-мальчишески улыбался ему от удовольствия. Словно нашкодивший ребенок, не знающий пока наказания и ожидающий реакции своего воспитателя.

В руках он держал абордажную саблю, разгадав мои намерения он бросился на меня. Пока он приближался я успел перебить очередной канат.

Противник сходу сделал большой опасный выпад

Его сабля просвистела в миллиметрах от моей кисти.

Ого! Так можно и без руки остаться. Я откинул топор, он был слишком тяжелым чтобы отбиваться им от сабли, сделал несколько шагов назад и грациозно выхватил свою рапиру.

Это разозлило немца.

В следующее мгновение мне пришлось уворачиваться отскоком от удара саблей сверху. Это немец напротив был очень проворен. Следующий удар в мое плечо я попытался парировать по диагонали рапирой, но к несчастью для меня, она обломилась.

Блин, я стоял с обрубком клинка в руках. Меня это не напугало, но скорее дезориентировало. Немец не мешкая совмещал попытки выбить остатки рапиры из рук со стремительными уколами. Я быстро отступал и не видя ничего сзади споткнулся о канат на палубе.

Падая я видел, как он быстро перехватил саблю из прямого положения в обратное — теперь клинок свисал у него под кулаком, а навершие рукояти находилось над большим пальцем. Так держат нож при ударе сверху.

Он направил острие мне в солнечное сплетение чтобы пригвоздить меня к палубе.

Я приготовился отбивать удар голыми руками, но увидел всего лишь тень, пролетевшую коршуном справа и сбившую с ног моего врага.

Андреас, схватившись за второй обрубок каната описал длинную дугу и ударом обеих ног выкинул моего противника в гущу дерущихся.

Он помог мне подняться, подхватил выброшенный мною топор и снова передал его мне.

Мы продолжили рубить пеньковые абордажные тросы уже вдвоём

На последнем из канатов, вдруг, я почувствовал толчок в спину ужасной силы. Кто-то отвесил мне мощнейший удар сапогом сзади. Чтобы не свалиться за борт, я выронил топор в воду и схватился рукой о натянутый абордажный канат. Он был разрублен наполовину. И оставался единственным тросом, связывающим немецкий корабль с нашим галеоном.

С следующее мгновение качка на море развела корабли.

Канат лопнул и меня вытянуло за борт. Я с размаху долбанулся корпусом о борт ганзейцев, но сумел удержаться, держась обеими руками

Я посмотрел вниз. Мне совершенно не улыбалась перспектива поплавать и утонуть в студеное декабрьском море.

Я стал подтягиваться. Мои сильные руки, помогли мне в этом.

Я почувствовал, что меня и еще одного моряка, держащего за канат выше, вытягивают вверх.

Я еще раз посмотрел вниз и решил, что попасть в плен или быть убитым на палубе Леопольда во сто крат предпочтительнее, чем пойти ко дну от судорожного паралича, вызванного ледяной водой.

Когда меня поднимали, я успел заглянуть за борт нашего корабля корабля. Несмотря на то, что нам с Андреасом удалось перерубить канаты и остановить абордаж, немцы все еще теснили наших.

Никто не имел значительного перевеса. Ганзейцы сражались грамотно и отчаянно.

Я заметил, что и Аарт, и Себастиан успели вступить в бой на залитой кровью палубе.

Меня втащили на палубу немецкого флэта.

Тот самый матрос с жидкой бороденкой, проученный в трактире у Папы Пая истерично приказал схватить меня за руки.

Он был боцманом, и все подчинялись его командам. Я заметил у него на голове окровавленную повязку.

В области левого уха у него растеклось красное пятно.

Ах вот чье ухо выбросил Аарт из иллюминатора ранее утром.

Ганзейцы пришли мстить и забрать корабль доктора Лиона в качестве компенсации. Они как-то узнали, что мы на борту. Кто-то им стукнул. Уж не старикашка ли лоцман?

— Люди доктора убили пятерых наших! Проклятый китаёза! — прорычал мне боцман Ганс Хайдеггер, — вы заплатите кровью и кораблем!

К тому времени меня уже схватили и держали за руки по три человека с каждой стороны. Я понял, что пока дергаться бесполезно. Я был безоружен, вокруг одни враги. У них было численное превосходство.

Боцман подошёл, приставил мне свой нож к горлу, разглядывая мое лицо с близкого расстояния.

— Кричи своим! Проси о пощаде! Пусть немедленно остановятся и сложат оружие!

Из его рта доносилось зловонное дыхание. Меня чуть не стошнило. «Да, желудок не твоя сильная сторона, Девитт», — подумал я и сморщившись от отвращения и отвернулся.

Уже в который раз моей жизни угрожала серьезная опасность. Смерть ходила рядом, я чувствовал ее взгляд на себе. Но я не видел проносившейся мимо киноленты, из прожитых дней. Люде же рассказывали, что человек видит такое перед смертью.

Теперь я знал.

Фигня это все. Никакая жизнь не проносится мимо перед глазами.

Он продолжил.

— Мы все равно захватим корабль, — не поворачиваясь он указал рукой на матросов, вяжущих новые абордажные канаты к тройным крюкам-кошкам, — Я знаю ты важная птица! Тебя послушают.

— Их шпрехе ниht гуд дойч! Ай донт анестенд ю! — я постарался улыбнуться ему как можно более дерзко.

(нем. Я плохо говорю по-немецки! англ. Я не понимаю вас)

Когда он произнес слово пощада, я вспомнил про неспящего, спасенного мною.

Его пример подбодрил меня и придал невероятно много сил.

Если бы я думал о ком-то, кто был известен мне по фильмам или книгам, то это не помогло бы мне справиться со своими эмоциями

Но тут, неделю назад, я видел своим глазами живой пример человека, не боящегося смерти. А это две большие разницы.

— Говоришь, не понимаешь по-немецки? Зато я прекрасно говорю по-голландски и по-испански, — все еще держа клинок у моего кадыка он сделал шаг вперед по направлению к нашему кораблю и закричал со всей мочи.

— Ей вы! Клянусь, я сейчас выпотрошу кишки этому соломенному мальцу, — видимо он имел ввиду цвет моих волос, — и скормлю их рыбам. Прекратите сопротивление! Всем, кто сейчас сложит оружие я гарантирую жизнь, тех кто сейчас не бросит драться я выкину за борт, так же как и этого!

Крики дерущихся, звон клинков и стоны раненых заглушали его голос, и я постарался его перекричать. Но все же он был достаточно мощным, чтобы его слышали Аарт, Себастиан и Андреас.

Стоя спиной к своим я повернул голову и прокричал:

— Мочите их братья! Увидимся в аду!

Не то, чтобы мне стало не по себе. Просто досада, что так много не успел сделать.

Потому что ощущение, что я живу последние секунды волной пробежало по моему телу.

Я чувствовал, как ноги на секунду стали ватными, но я старался сделать так, чтобы мое лицо ничего не выражало.

Я еще раз широко улыбнулся и уставился на Ганса Хайдеггера.

Я чувствовал свое превосходство над ним. Хоть меня и держали шесть человек я был сильнее. Сильнее морально.

Это вернуло мне твердые ноги. Хоть я и не сторонник плевков, я смачно сплюнул в сторону врага, целясь в сапоги боцмана.

Мне хотелось продемонстрировать свое презрение к нему и к смерти.

У меня получилось.

Он оглядел меня в последний раз с ног до головы, занес свой нож чтобы ударить меня в живот и внезапно захрипел.

Я даже не успел увидеть, что за тень мелькнула за его спиной, как на его горле появилась сначала тонкая, а потом густая полоса красного цвета.

Боцман Ганс Хайдеггер широко раскрыл глаза, выронил нож и схватился своими руками за вспоротое горло. Из под его бороды во все стороны захлестала кровь.

Дальше, я даже то не то чтобы заметил краем глаза движение плаща — я услышал, как хлопают полы плотной ткани справа.

Внезапно трое пар рук которые держали меня справа обмякли и я ощутил, что она свободна.

Я очумело смотрел на падающие на палубу тела, когда понял, что левая рука так же свободна.

Я чувствовал себя, как во сне. Все происходило так быстро, что мне казалось, что у меня кружится голова. Но это только казалось.

Я резко дернулся влево, чтобы понять, что именно убило тех, кто меня держал. Но в это же мгновение услышал тихий голос:

— Мы в расчете. Я тебе ничего больше не должен.

Теперь я снова посмотрел вправо и увидел глаза неспящего в черном плаще с повязкой на лице. Это был тот самый убийца в которого стреляла Дария и которого я спас.

Я хотел его поблагодарить, но не успел.

Он исчез, испарился в воздухе так же внезапно, как и появился.

Я даже сомневался в том, что его видел.

Но разглядывая корчащегося в предсмертных судорогах боцмана в луже собственной крови у моих ног, я понял, что это не сон и не галлюцинация. Неспящий здесь побывал несколько мгновений назад.

Я мысленно ему поаплодировал. Семь человек за три секунды. Это впечатляло. Он был мастером в своем деле киллера. Спас меня. Выходит, не зря я с ним возился

Но расслабляться было рано, я поднял первую попавшуюся саблю.

Ее достоинства в условиях этого боя было трудно недооценить. Она подходила куда лучше чем сабля. Я стоял один посреди матросов вражеского корабля, которые были обескуражены появлением неспящего не меньше моего.

— Ну что же продолжим? — я помахал саблей и тут же напал на ближайшего ко мне. Мне удалось его ранить в ногу.

Другие придя в себя, ошетинились, и, с озверелыми глазами, бросились на меня. Мне было сложно считать их, я просто отбивался и уворачивался, постоянно маневрируя.

Я старался сделать так, чтобы я дрался только с одним из них, подставляя самого ближнего ко мне на линию атаки его же товарищей. Мне это прекрасно удавалось, но без помощи я бы долго не протянул. Их было больше десятка.

— Нас атакуют, абордаж с левого борта! — один из них истошно вопил и показывал на кошки летящие откуда-то снизу из-под кормы, с стороны свободного бока. Мне показалось, что не менее двух десятков абордажных крюков впились в нежные парапеты и перила на корме "Леопольда".

Большинство ринулось в сторону левого борта. Кошки продолжали лететь, некоторые из тех кто пытался помешать, были зацеплены, проткнуты острыми концами и оказались пригвожденными к борту своего судна.

Над парапетом появилась голова вчерашнего китайца. Наши! Душа налилась радостью. Я увидел в море еще с десятков испанских яликов которые гребли к ганзейскому флэту.

Я хотел было помахать ему, но худощавый немец, стоящий я пяти метрах от меня заметил, что я расфокусировался.

Мой противник, слегка опустив свой клинок под моим, чуть проскользнул по моей сабле, а потом закручивая рукой спираль против часовой стрелки снизу вверх, создал мне неудобное положение правой кисти и резко выбил оружие из моих рук.

Я бросился наутек в поисках чего-нибудь, чем могу защититься.

К том времени на борт "Леопольда" взобралось уже не менее десятка головорезов доктора Лиона. Я встретился глазами с китайцем, и он оценив мое положение, мгновенно перебросил мне свой клинок.

Я удачно поймал его, схватился двумя руками за рукоять и обернулся к преследователю.

Он не замедлил атаковать, но наши клинки даже не соприкоснулись. Я отскочил на отшаге влево и вонзил в его тело острие своего оружия. Слева, прямо подмышку. Прекрасный клинок окрасился кровавым багрянцем

Это была великолепная катана весом не больше килограмма. Она вошла в тело, как нож в сметану.

Китаец наблюдая за мной издали показал «олenenка», собрав большой и указательный палец вместе и оттопырив три оставшихся. Видимо, этот жест нужно было расценивать как

похвалу.

Я делано поклонился, опустив его меч. Он поклонился в ответ, сложив ладони перед своей грудью.

Китаец не сражался, он деловито рассаживал по свободной части палубы и раздавал команды.

На борт "Леопольда" поднимались и поднимались все новые бойцы нашего испанского благодетеля дона Хуана. И вскоре немцев отсылалось меньшинство.

— Предлагаю прекратить бессмысленную бойню. Всех живых никто не тронет, вы сможете либо плыть с нами, либо вернуться домой по своему усмотрению. Корабль реквизируется в пользу доктора Хуана Съеса Лиона до окончания арбитражного разбирательства.

Китаец крикнул это так громко, что немцы прекратили сопротивление. Многие из них опустили свое оружие, поглядывая друг на друга.

Преимущество наших стало очевидным. Умирать дальше было бессмысленно. Один из матросов "Леопольда" подошел к телу боцмана Хайдеггера, извлек его свисток и просвистел «отбой». Тридцать немецких матросов, оставшихся в живых сложили оружие.

Я оглянулся на наш корабль.

Битва на палубе там тоже прекратилась с более плачевными результатами для ганзейцев. Их осталось в живых не более десятка.

В этот момент меня охватило чувство тревоги. Я осознал, что за все время драки я так и не увидел капитана Алехандро на палубе среди дерущихся.

Девчонки! Они были в опасности!

Глава 17

Интро. В прошлой главе. Девиэт с друзьями, после словесной перепалки с капитаном, принял бой на палубе. В схватке с ганзейцами он был на краю гибели, но одержал верх благодаря своей воле и умению драться. А так же благодаря подоспевшей вовремя помощи.

Я посмотрел на катану. Уж больно она была хороша и седела в моей руке. Я посмотрел на китайца.

Останусь живым верну, ну нет так нет. Не знаю понял ли он мои мысли, но он снова сложил на груди и поклонился.

На этот раз я просто помахал ему в ответ, приложил правую руку к сердцу и поклонился так, как кланялись крестьяне на Руси — вставив вперед на пятку правую ногу.

Потом развернулся на каблуках, вдев катану в металлическую лычку на поясе, полез на бизань-мачту, самую большую и высокую в центре «Леопольда».

Я быстр добрался до середины, нашел свободно болтающийся канат. Как заправский воздушный гимнаст, оттолкнулся от перекладины, и, раскачавшись маятником, оказался над палубой испанского корабля.

Подо мной находился натянутый почти горизонтально рангоут — сетка и веревочная лестница для поднятия парусов. Отпустив канат, я мягко приземлился на него спиной. Мня пару раз подбросило вверх с угасающей амплитудой.

Наконец я спрыгнул на палубу. Наши моряки встречали меня радостными и уважительными возгласами.

Я думал, что надолго войду в истории, которые будут пересказывать в портовых тавернах.

Я бежал и прыгал по бочкам, поручням, моткам швартовых канатов под восхищенными взглядами с обоих кораблей.

Мне нужно было, как можно скорее попасть в каюту капитана.

Добравшись до кормы, я встретился взглядом с Аартом и Себастианом, и они, поняв меня без слов, устремились за мной.

После яркого декабрьского солнца на широкой палубе, слабоосвещенные коридоры, ведущие в каюту капитана, казались темными и узкими крысиными ходами.

Дверь в каюту капитана была прикрыта и за ней слышались звуки борьбы.

Мощным толчком ноги я выбил ее из петель и ворвался в каюту с катаной в руках.

Я застал драматическую картину. Двое матросов держали за руки лежащую на столе Элайну, она брыкалась извивалась, стараясь укусить тех, кто сковал ее движение.

Мой мозг моментально оценил ситуацию

В ее действиях было столько ярости, что это вызвало во мне чувство огромного уважения. Она им не давалась.

Спиной к входу стоял капитан Алехандро Сантьяго. Он стягивал с себя штаны намереваясь силой взять девушку.

Я не стал его окликать. Сделав короткий выпад, я проткнул его сердце со спины.

Могло показаться, что это не благородно, но, во-первых, счет шел на секунды.

А во-вторых, слишком много чести насильнику — убивать его как добропорядочного джентльмена, лицом к лицу. Он должен был сдохнуть как собака.

А в-третьих, никто не смеет прикасаться к моей девушке! Никто! Я порву за нее любого! Капли его крови обагрили искажённое от злости лицо Элайны. Она не сразу поняла, что произошло

Я, удерживая на клинке тело мертвого врага, я выглянул из-за его спины и подмигнул мой ненаглядной, стараясь приободрить ее.

В следующее мгновение я с диким криком скинул его в сторону и вскочив на стол ногами, двумя движениям круговыми отрубил кисти подонкам.

Я продолжал кричать, когда Элайна была уже свободна. Это был боевой победный клич. Казалось, что я напряжен, но на самом деле ликовал в душе от ощущения красоты моей атаки.

Я все сделал на автомате. Почти мгновенно и очень эстетично. Это был некий восторженный транс, похожий на оргазм.

Какое-то абсолютно незнакомое состояние. Я мог поклясться, что никогда не ощущал ничего подобного прежде.

Как будто бы я приоткрыл завесу, скрывающую мою истинную силу.

Ощущение прекратилось так же внезапно, как и появилось.

Я увидел, что стою над Элайна и она тоже кричит.

Её руки только что сжимали отрубленные кисти негодяев. Она испытывала чувство омерзения и пыталась оттереть невидимые следы со своих предплечий

Аарт и Себастиан уже разжали мертвые пальцы и выбросили обрубки в темный угол каюты чтобы не пугать девушку.

Себастиан в бешенстве заколол одного из безруких матросов.

Аарт занес свою шпагу, чтобы убить второго, но я его спешно остановил.

— Стой не убивай его! — Маркиза Дария! Сначала узнай, где она! — Аарт посмотрел на меня кивнул потом угрюмо уставился на него. Матрос сидел в углу рыдал

— Слышишь, скот! Где Её Светлость? Я тебя сейчас, как ветчину, на кусочки нарежу, — кузен замахнулся и обозначил удар во вторую кисть.

В это мгновение в каюту влетел запыхавшийся Андреас.

— Я все скажу! Не убивайте меня! Капитан приказал, я не мог послушаться, — он разразился рыданиями.

— Где она!!! — проревел Аарт, так что я сам чуть не вздрогнул.

— Вниз! Ее увели вниз. В матросский кубрик, он отдал ее матросам.

— Сколько их?! — Себастиан оторвал от рубашки убитого рукав и бросил его рыдающему на полу, — обмотай культяпку, веди давай!

— Трое их, трое! Альваро, Гонсало и Карлос.

На этих словах Аарт схватил его за шиворот и поволок в коридор. Он остановился и посмотрел на меня.

— Побудь с Элайной, ты ей сейчас нужен. Мы справимся.

Потом он встряхнул ублюдка и приказал показывать дорогу.

Андреас и Себастиан последовали за Аартом, пинающего рыдающего матроса.

Я подошел к Элайне, помог ей подняться со стола, слезть с него. Обнял ее дрожащее тело и тихо сказал:

— Все закончилось. Все хорошо.

Она прильнула ко мне и легонько стукнув меня своими прекрасными кулачками в грудь спросила:

— Где ты был? Меня чуть не взяли силой. Я бы, конечно, им не далась, но они суки, были так сильны...

Я взял ее лицо в руки.

— Прости, не ожидал, что этот, — я указал катаной на тело бывшего капитана, — окажется предателем. Я с тобой. Теперь я всегда буду рядом.

Я обнял ее и вывел из капитанской каюты.

*** **

Наша шестерка стояла на палубе и наблюдала за тем, как её убирают и отмывают от крови.

С маркизой, Слава Богу, все было хорошо. По рассказу Аарта, когда они спустились и матросский кубрик и нашли ее с матросами, пытавшимся скрутить ее, маркиза умудрилась смертельно ранить одного из них его же оружием.

Двое других не успели сделать ничего предосудительного, хотя им удалось повалить Дарию на кровать.

Именно в это время подоспела помощь в лице моего кузена и Себастиана с Андреасом.

Себастиан и Андреас хотели заколоть негодяев, но Аарт резонно решил, что они являются ценными свидетелями.

Он сохранил жизнь троим, этим двоим и тому с обрубок, который привел в кубрик, в обмен на обещание честно свидетельствовать о приказах капитана в момент абордажа.

Вместо того, чтобы защищать корабль, капитан решил заняться насилием, рассчитывая позже убить девушек, свалив все на нападавших ганзейцев.

Я увидел рослого китайца на палубе нашего корабля — телохранителя доктора и решил вернуть ему катану.

Я подошел к нему и хотел отдать клинок. Но он остановил меня, вытащив из-за своего пояса черные деревянные ножны.

— Сеньор Девитт, вы показали себя настоящим самураем, примите этот тати в дар, в знак моего глубокого уважения.

Я немного опешил

— Тати — это японский дворянский меч. Разве вы японец?

Он поклонился и представился.

— Тосунака Хиромунэ. Бывший ронин из Окинавы, теперь мой даймё доктор Хуан Сьеса Лион.

Я был шокирован тем, что он оказался японцем, хотя я всю дорогу думал, что он китаец.

— Девитт Лагне, — я поклонился ему в ответ, — я не могу принять такой дорогой подарок.

Я все же попытался отдать ему меч, но был остановлен его крепкой рукой, схватившей мою ладонь.

— Вы не можете мне отказать, Девитт Ранге сан. Я научу вас носить меч по-японски. За поясом.

На этих словах он протянул мне пустые ножны и одобрительно кивнул, когда увидел, как я вложил в них очищенный от крови, блестящий клинок катаны.

Я встал на одно колено, вытянул вперед в двух руках меч с ножнами, потом прикоснулся к нему лбом и поцеловал ножны.

Японец поклонился в ответ и попросил меня встать.

Я поклонился в знак вежливости, встал и спросил японца может ли он рассказать мне,

как обращаться с мечом. Но Тосунака лишь улынулся и жестом подозвал одного из своих моряков.

Тот был вполне европейской внешности.

— Станислав, ты поступаешь в распоряжение сеньора Девитта. Будешь учить его йайдзюцу и фехтованию на японских мечах до Рима. Дальше сеньор Девитт решит будешь ли ты путешествовать с ним дальше или останешься на этом корабле матросом.

— Хай. Тосунака-сан.

Моряк кивнул.

— Это мой лучший ученик. Думаю, он быстро вас обучит. Вы способный воин, я в этом сегодня убедился. Прошу прощения, меня ждут.

Вот и подкрепление. У нас пополнение. В моряке было что-то славянское.

— Станислав, ты поляк?

— Нет, сеньор Девитт, я вольный казак.

Он сделал ударение на первом слоге

— Отлично. Правильно говорить казак, — я поставил ударение на «а»

— Откуда вы знаете? — изумился матрос

— Я много чего знаю, брат. Как-нибудь расскажу. Ты — не поверишь.

— Спасибо Тосунака-сан. Аригато, — я обратился к японцу так щедро одарившему меня.

Теперь пришла очередь японца изумиться. Он спросил говорю ли я по-японски, но я ответил, что знаю только это слово.

Японец довольно поклонился, оставил нас со Станиславом и ушел распоряжаться матросами.

Я пока отпустил нового члена нашей команды попрощаться со своими друзьями.

Я спросил нужно ли ему забрать свои вещи, но он повел большим пальцем под своим широким поясом и ответил

— Нам казакам собираться — только подпоясаться.

— Где-то я такое уже слышал, — вмешался Аарт, все это время молча наблюдая наше общение с японцем.

Через некоторое время на корабле началась непонятная суэта и по обрывкам разговоров мы поняли, что доктор Съеса Лион пожелал посетить наш корабль.

Его встретил Тосунака.

Он взошел на борт и завидев нас тут же направился в нашу сторону.

— Сеньора Элайна, Ваша Светилось. Мои глубочайшие извинения. Мне рассказали, какая опасность вас подстерегала на моем корабле. Я прошу прощения от всего сердца, на этих словах он снял широкополую шляпу с пером, сделал па, глубоко поклонился и застыл в поклоне, ожидая реакции девушек.

Моряки вытаращили глаза. Хозяин, царь и главное божество на корабле никогда и никому не кланялся при них.

Тосунака грозно оглядел матросов, потом встал на колени, и, сложив особым образом ладони, поклонился в пол по-японски.

Остальные матросы в ту же секунду так же склонились, повернувшись к нам.

Мои спутники повернулись лицом к маркизе и опустили головы.

Только я остался в прежней позе.

Мне было смешно наблюдать за этими сословными условностями, но похоже, что

людям было чрезвычайно важно продемонстрировать свое место в социуме таким образом.

Как хорошо, что октябрьская революция большевиков отменила всю эту хрень у нас в России, еще сто лет тому назад. Или отменит через триста пятьдесят.

Маркиза неободрительно восприняла мою улыбку. Она нахмурилась.

Получалось, что я принимаю поклоны присутствующих на равных с ней.

Элайна дернула меня за мизинец. Сначала я посмотрел на нее с недоумением, но потом поняв, что от меня требуется воскликнул:

— Ах, да! Простите маркиза де Альба, — я поклонился и посмотрел ей в глаза исподлобья.

Теперь маркиза была довольна.

Голоса и шум работы вокруг смолкли. Были слышны крики чаек и шум волн, бьющихся о борт.

— Не могу сказать, что мне понравилось гостеприимство вашего капитана.

К моему удивлению, от знакомой мне Дарии не осталось и следа, она стала надменной. Вздернув свой прекрасный носик и посмотрев на всех свысока, маркиза высокомерно продолжила:

— Доктор, вы могли бы подбирать людей на службу тщательней.

— Да Ваша Светилось, вы правы! — ответил Съеса Лион все еще стоя в поклоне.

— Но я не могу не отметить мужество и самоотверженность команды, защищавшей корабль и сохранившей вам верность. Я прощаю, вас Доктор.

На этих словах Съерра распрямился и продолжил:

— В знак, того что я осознаю, какой урон мог быть причинен дочери моего дорого друга, вашего отца герцога Альба, я хочу вам подарить любой из моих кораблей, который вы только пожелаете. Выбирайте маркиза!

Он широко повел рукой за спиной указывая на то, что большинство кораблей на рейде составляли его эскадру.

— Пожалуй, мне вполне подошла бы «Сеньора де Анточа», на борту которой мы сейчас находимся.

— Отлично! Старший помощник Клейн! — к нему подскочил малый, который встречал нас вчера ночью на палубе, — Вы назначаетесь капитаном. Напишите в судовых документах, что с сегодняшнего дня владельцем «Сеньора де Анточа» становится Ее светлость герцогиня Альба. При этом, я продолжу выплачивать жалование команде корабля. Также я буду оплачивать стоянки в портах в ближайшие три года.

— Ну что же, нам всем пора выходить в поход. Мы и так задержались. Мое почтение Ваша Светлость. Хорошего плавания господу.

На этих словах он развернулся и потопал в сторону борта с которого поднимался.

Меня эта ситуация очень задела. Чертовы сословия. Я почувствовал всю мерзость классового разделения.

А разве мы не заслужили благодарности. Разве мы с Аартом не рисковали своим жизнями спасая совсем недавно корабль?

Разве Элайна не натерпелась не меньше, чем маркиза.

Но в данный момент мы были для них чернью.

И если маркизу Дарию я еще мог понять — она так воспитывалась и не видела другого отношения к себе до последнего времени, то доктора понять не мог.

Ученый видел в жизни много. Он вращался во всех слоях и должен был хорошо

понимать, что мы тоже люди.

Он бывал и портах, и в дворцах, и в кабаках. Мог бы и нам сказать пару слов благодарности.

Будто услышав мои мысли, доктор остановился. Оглянулся и посмотрел мне в глаза. Я впервые увидел там искры гнева и презрения. Я смотрел ему в глаза и не мог понять, чем вызвана его реакция. Я запомнил это взгляд надолго.

Только спустя много месяцев я понял, что именно заставило его оглянуться.

— Доктор что нам делать с этими сеньорами. Может заберете их себе? — Аарт показал на троих связанных помощников предыдущего капитана.

Сьеса Леон перевел взгляд с меня на Аарта, потом на моряков.

— В море закон один — капитан. За то, что они беспрекословно выполняли команды своего капитана, наградите их бутылками лучшего рома на корабле, каждому по одной, — эти слова шокировали меня не меньше его взгляда.

— И пусть выпьют за мое здоровье.

Он сделал паузу посмотрел в небо, потом твердо произнес.

— А вот за то, что посмели прикоснуться к девушкам, которые являются моими гостями, выбросить их за борт со связанными за спиной руками. Конечно после того, как они выпьют свой ром.

Доктор Сьеса Леон со своими лучшими солдатами покинул корабль. Леопольд был отбуксирован и сдан властям Бриэля на суд.

Проводив доктора, мы поздравили Дарию с приобретением транспорта и вернулись в свои каюты.

Все тела погибших были передан для погребения ганзейцам.

Наш новый капитан не желал терять времени.

Корабль «Сеньора де Анточа» быстро привели в порядок, команда знала свое дело.

Мы вышли в море в этот же день. Хоть на восемь часов позже запланированного времени.

Отужинав у себя в каютах, мы больше не выходили до утра

Что именно случилось с троими моряками, которых приговорил Сьеса Леон я так и не узнал. Но одно могу сказать точно — мы их больше не видели и ничего о них не слышали.

Их больше не вспоминали, будто и не было их вовсе.

Мы шли в Рим десять дней под полными парусами. Погода нам благоволила и больше приключений с нами не случилось.

Чтобы скоротать время я часто упражнялся со Станиславом и Аартом в фехтовании и стрельбе из пистолей. За нами часто наблюдали Дария и Элайна.

Элайна проявляла неподдельный интерес к нашим занятиям. Она часто просила дать ей пострелять, и к концу путешествия она попадала в яблоко на моей голове с двадцати шагов.

Себастиан отдохнув, почти полностью залечил свое ранение. А Андреас оказался поэтом и день за днем писал в толстую тетрадь стихи.

Матросы на корабле относились к нам и новой владелице корабля с большим почтением.

Своими действиями во время абордажа мы заслужили твердое уважение у морской братии.

И теперь наши внутренние страхи, перетёртые в те минуты в готовность драться за свою и чужую жизни, работали на нашу славу и репутацию.

Умение бросаться на помощь во время опасности ценятся в мужском кругу не меньше, а даже больше богатства.

Со временем я простил маркизе ее высокомерие, потому что как только доктор сошел с корабля, оно испарилось и от него не осталось и следа.

Она снова стала своей девчонкой не брезгующей общением с простыми людьми.

По вечерам мы танцевали, музицировали и пели. Из нашей каюты часто доносился смех и звуки беспечной молодости.

Станислав оказался очень артистичным исполнителем на даулях — казацкой гитаре. Мы проводили времени в каюте бывшего капитана Клейн любезно разрешил перетащить нам играть на клавесине.

Аарт барабанил на пустой бочке, Дария играла на клавесине.

Вместе с Элайной, имеющей идеальный слух и нежный голос, они каждый вечер исполняли разные песни на голландском, испанском и английском языках.

В последнюю неделю мы усердно тренировались, сочиняли и играли музыку на стихи Андреаса.

И вот в одно утро юнга, залезший на «марс» — круглую площадку на ближней к носу мачте закричал:

— Чивитавекья! Порт! Мы приближаемся к порту!

Мы выскочили на палубу. Светило ласковое солнце. Вдали виднелась широкая полоска земли. Я мог отчетливо разглядеть здания города и строения в порту.

— Ура! — закричала от радости Дария, — мы наконец-то добрались! Капитан, когда мы сможем сойти на берег?

Клейн почтительно объяснил, что не раньше, чем таможенная команда уладит бумаги.

Она смотрела, как четверо матросов в кожаных комбинезонах и больших шляпах готовят шлюпку к высадке на берег.

Молодой капитан, стоявший рядом, лучезарно улыбался маркизе.

— Ваша Светилось, через пару миль мы встанем на рейд. Сначала на воду спуститься шлюп с таможенной командой. Они оплатят стоянку, получают разрешение сойти на для остальной команды, регистрируют приход. Вернутся и потом уже можно сойти на берег.

— Когда же это будет?

— Как пойдет. В лучшем случае к вечеру. Но скорее всего завтра с утра.

Маркиза разочарованно скривила рожицу. Капитан виновато откланялся.

— Надоела мне ваше море. Я хочу поскорее на берег.

— Таковы правила маркиза.

— Черт подери эти правила, Марикон ди ми эрда(*грязное ругательство исп!*)! — она сердилась

— Маркиза? — Аарт укоризненно улыбался, — вы напоминаете...

— Портового грузчика? — рассмеялась она, сменив гнев на милость, — мальчики, я вам приказываю, нет, я вас прошу. Не задерживайтесь на берегу.

Она обращалась к морякам, которые представляли таможенную команду и возились со шлюпом.

Трое из них повернулись и приветливо помахали маркизе. Четвертый продолжил вязать канаты. Он стоял спиной. Что-то в его фигуре казалось неуловимо знакомым.

— Проводите меня в каюту, Аарт, пойдем собирать вещи дорогая, — маркиза увлекла за собой Элайну.

Аарт посмотрел на меня.

— Я немного подышу свежим воздухом.

Он похлопал меня по плечу.

— Как знаешь.

Я дождался пока шлюпку начали спускать на воду. Я хотел понять, кем является четвертый матрос.

Я переместился вдоль парапета левого борта, чтобы занять более выгодную наблюдательную позицию. И не зря.

Шлюп с людьми коснулся поверхности моря. Моряки сели за весла спиной к порту и начали грести.

С корабля в адрес четверки летели шуточки про вино и публичные дома.

Те трое дружно отвечали и смеялись. Только четвертый, опустив голову на грудь, прятал лицо на широкими полами своей шляпы.

Мое терпение было вознаграждено.

Отплыв метров на пятнадцать от корабля, он попробовал украдкой посмотреть на то место, где недавно, рядом с капитаном, стояли я, Аарт, Элайна и маркиза.

На лице человека был черный платок, закрывающий нижнюю часть лица. Он смотрел всего лишь мгновение, но мне этого было достаточно

Я узнал эти глаза.

Глава 18

Интро. В прошлой главе. Девитт с друзьями вырывает девушек из лап насильников, жестоко расправившись с ними. Он получает катану вместе с учителем фехтования в придачу от телохранителя доктора Хуана Съеса Лиона. Маркиза получает целый корабль в знак уважения от Лиона. Остаток пути в Италию друзья проделывают зализывая раны, тренируясь и веселясь. По приходу в римский порт Девитт замечает на борту очень подозрительного человека, скорее притворяющегося моряком. Кто же это?

Мы шли в порт втором большим шлюпом, после того, как таможенная команда поднялась обратно на борт к вечеру, уладив все формальности.

Из порта вернулось всего три моряка.

Они были растеряны, когда четвертый не пришел в обозначенное время.

Выяснилось, что Андреас назвался чужим именем, его не узнали, потому что часть команды было восполнена из матросов с других кораблей Съеса Лиона.

Экипаж еще не успел перезнакомится настолько близко, чтобы различать друг друга по именам и внешности.

Оно и не мудрено. Доктор Хуан Съеса Лион набирал матросов со всего света в Бриэле.

Часть из них погибла во время схватки с ганзейцами, другая списана за борт из-за ранений.

Команда, едва собравшись, была разбита. И теперь складывалась из осколков заново.

— Это очень странное поведение Андреаса, — размышлял Себастиан, — я не думал, что ему с нами плохо. Он никак это не показывал.

— Себастиан — я так называл его на московский лад, — ты давно его знаешь?

— Нет, всего лишь несколько недель. Он появился здесь вместе с Кристофером.

— Вы быстро сдружились? Может между вами произошла ссора? — Аарт пытался понять, что послужило причиной его побега.

— Он скорее был близким другом Кристофера. Чем моим. Мы быстро сдружились с Крисом, а Андреас держался отстранено поначалу. Но он был классный боец. Я сам в шоке от того, что он так поступил. С ним, что-то случилось. Может ему нужна помощь?

— Тогда зачем он сошел на берег тайком? — резонно спросил Аарт

Маркиза смотрела в сторону города.

— Мне нужно срочно смыть с себя корабельную грязь, и прогреться — она, пожившись, прервала наши размышления.

— Мне тоже, — воскликнула Элайна и улыбнулась мне.

— В городе есть великолепные термы, — ответил молчаливый Стас, напоминая мне своим нарядом княжича.

Он был одет в бордовый камзол с высоким воротником и теплую овечью шапку.

По сути он был единственным настоящим моряком среди нас и бровью не повел, когда мы подшучивали на борту корабля над его головным убором.

Он знал, как одеваться в море в декабре.

Теперь он был единственным из нас, кто не мерз от холодного морского бриза.

— Термы? — переспросил я.

— Да это такие огромные «бано» с горячей водой, где люди купаются. Это отличная

идея! Решено! Сначала в термы!

Маркиза похлопала в ладоши.

— Бано, так бано, — ответил я, не очень понимая, о чем идет речь.

Видимо маркиза имела ввиду ванны.

В городе сохранились древнеримские бани. Маркиза пожелала палаты в императорском бано, которое являлось самым большими и дорогим из предлагаемого.

Аарту пришлось отсчитать изрядную долю золотых монет для оплаты этой роскоши. Но он и глазом не повел. Еще бы, то что мы потом увидели стоило того.

Нам выдали большие, приятные на ощупь, белые полукруглые тоги и оправили в предбанные комнаты, называвшиеся аподитерием. Служившие раздевалками, они были разделены на две части: для мужчин и женщин.

Местная прислуга приняла наши вещи и оружие, управляющий принял на хранения ценности и мешки с деньгами.

Надев тоги — большие белые полотенца на голое тело, мы отправились в самое сердце терм. В кальдарий.

Это было огромное помещение с большим бассейном, наполненным теплой водой, бывшей из термальных источников снизу.

Кальдарий поразил не только мое воображение.

— Вот это да! — восхищенно произнес Аарт разглядывая бежевые мраморные колонные подпиравшие своды императорского бано.

Все здание было построено на горячих ключах. Я нашел эту идею гениальной.

Владельцу терм не было нужны тратится на топливо, для подогрева и очистки воды.

Теплая вода поступала из-под земли с приятным для слуху журчанием. А над ее поверхностью стоял легкий туман из пара.

Вода двигалась по многочисленным ступеням, колоннадам, декоративным аркадам и фонтанчикам, умиротворяя посетителей своим плавным течением.

В нишах на стенах и на полу повсюду стояли обнаженные античные статуи, вазоны и барельефы с мраморными панно.

В центре бано, находился огромный круглый бассейн с небесно-голубой водой.

Его пол покрывала великолепная голубая мозаика, состоящая из красивейшего растительного орнамента темно-синего цвета и изображений морских обитателей.

Она была настолько классно сделана мастерами, что казалось, что мозаичные дельфины, акулы, морские львы и рыбы парили над дном как живые, когда гладь поверхности бассейна колебалась.

— К вашим услугам, кальдарий и тепидарий это комнаты, где можно и прогреть тело, — я услышал очень приятный женский голос, — и фригидарий, помещение с холодным бассейном, где можно освежиться.

Я внезапно ощутил на своих плечах нежные женские ладони. Я оглянулся и увидел за спиной красивую смуглянку, почти мулатку, в белом полупрозрачном сари. Она ласково улыбалась

— Позвольте я вам помассирую плечи и спину. Если желаете, то вы можете поменять меня на любую другую девушку, — ее тело было покрыто капельками воды.

Под влажными одеяниями отчетливо проступали красивая грудь и плавные линии талии, переходящие в женственные бедра

Я посмотрел на своих друзей. К каждому подошла девушка. Я немного растерялся и удивленно посмотрел на Аарта.

— Это рогацца-баничиера(девушка-банщица. ит), — улыбнулся Стас, — наслаждайся. Тебе понравится.

Себастиан оживился

— Насколько близкий массаж могут себе позволить баничиера? — он не без удовольствия разглядывал ту, которая подошла к нему, — это входит в плату? Могу ли сам сделать массаж своей девушке?

— Мой, господин, да. Все оплачено. Вы можете делать со мной все что вам заблагорассудится, но сначала позвольте расслабить вас после длинной дороги, — она увлекла его за собой и уложила на красивую кушетку, обитую красным бархатом.

Нас растащили и уложили по кушеткам. Я все еще не очень понимал, хочу ли принимать массаж, но потом решил, что мне не скоро удастся принять банные процедуры в том виде в каком это было принято в средние века в Италии.

— Как тебя зовут? — обратился я к своей баничиера

— Анабелла, мой господин! Я из Сирии.

— Сирия, Дамаск. Алеппо?

— Вау, мой господин! Вы были в Сирии! Я из Пальмиры!

Я посмотрел на нее и не стал ее разубеждать. Ей было приятно, что чужестранец знает, хоть что-то о ее стране.

Я позволил уложить себя на живот положил подбородок на ладони и закрыл глаза.

— Ты здесь одна из Сирии?

Ее руки, увлажненные маслами, скользили по моим плечам, спине, ягодицам и ногам. Несмотря на свою кажущуюся хрупкость, она сильно массировала мои мышцы своими небольшими ладошками.

— Здесь еще моя сестра близняшка — Габриэлла, хотите я ее позову, и вы будете с нами обеими? Могу я спросить, а откуда вы сам. господин. Вы не похожи на ваших друзей.

— Нет все в порядке. Для тебя я с севера, а для других с востока.

Я подумал о Элайне. Я ждал, когда она появится.

По телу растекалась приятная нега. В какой-то момент мне показалось, что меня массируют четыре руки. Мне показалось, что она все-таки подозвала жестом сестру.

Хорошенькое дело, сейчас появится Элайна и увидит, как меня растирают маслами в самых нескромных местах две девчонки.

— Вам, что-то не нравится мой господин? Ваши мысли не со мной. Может все же вы хотите меня заменить?

— Да, я думаю о девушке, которую люблю.

— Да что ты? Ни хрена себе завязочки! — я почувствовал, как кто-то запустил руки мне в волосы и потрепал их, — это расценивать как признание?

Я повернулся и увидел озорную улыбку Элайны. Рядом, чуть поодаль, с виноватым видом стояла Анабелла.

Они поменялись местами, пока я лежал с закрытыми глазами.

Я не знал сколько времени мне делала массаж Элайна. Ее озорство удалось, мы вместе рассмеялись

Я смотрел на нее во все глаза. Это было обжигающе красивое зрелище.

Облаченная в тонкое сари, нежная и дико притягательная заставила меня внутренне

воспарить.

Осиная талия, довольно широкие бедра, при тонкой кости, белоснежная кожа и средняя, налитая грудь с торчащими сосками сводили меня с ума.

— Элайна! Ты меня просто сводишь с ума, — я решил ей признаться

— Да? Я это умею. Тут есть где уединится, пойдём!

Она увлекла меня за собой, потянув за руку.

Краем глаза я увидел горящий взор Аарт, мирно беседующего с полуобнаженной маркизой Дарии на краю большого бассейна.

*** **

Мы встретились с, кардиналом Августином Альвадоре, кузеном маркизы де Альба сразу по приезду в Ватикан.

Двоюродный брат Дарии, встретил всю нашу команду у дверей своего палаццо и пригласил за роскошно накрытый стол.

Он оказался очень приятным и образованным молодым человеком примерно двадцати пяти — тридцати лет.

В его руках были сосредоточены огромные ресурсы.

Маркиза не обманула. Ее кузен оказался очень влиятельным, легко решающим вопросы с понтификом.

Меня удивляло, то как легко молодым дворянам давали очень значимые должности при папском дворе. Никакой централизации, никакого недоверия к малому жизненному опыту.

Сначала я опасался, что Бартель Тиельманс сообщил обо мне в Ватикан. Он наверняка обсуждал наши планы с бароном.

Но после первых минут общения, я понял, что кузен Дарии или ничего не знает о моем перемещении, или тщательно скрывает, и не намерен использовать эту информацию против меня.

Мы быстро нашли с ним общий язык. Я постарался, как можно проще изложить свой бизнес-план. Я накидал наброски еще в пути на корабле.

Правда, теперь барон Виллен Ван Туйль был исключен из числа тех, кто в конечном итоге получил выгоду.

Его долю я предложил Августину. Все остальные вводные остались прежние.

Нам нужны были поместья с крестьянами, земли с подходящим климатом, мериносные стада и оборудование для стрижки, мойки, прядения, ткацкие станки, станки для обвалки и покраски.

Я разрисовал процесс производства, складирования и поставки.

Последний пункт в плане очень удивил Августина, все производимое сукно в Европе было серого и бурого цвета. Он вдохновился идеей и размахом. Мой план и презентация имели успех.

— Прекрасная идея, маркиза. Так масштабно еще никто не мыслил. Мне нужно будет переговорить на эту тему с Понтификом и получить его благословение. Мы поступим так: перед празднованием Рождества Христова, я познакомлю господ Аарта и Девитта с Его Святейшеством. Понтифик и его окружение будут в хорошем расположении духа, я об этом позабочусь. Папа Лев X будет склонен делать щедрые подарки.

— Думаешь, он нам поможет, Августин? — с надеждой в голосе спросила маркиза.

— Не думаю, а точно уверен. Нам нужно одевать миллионы, священников, моряков, солдат по всему миру. Если хотя бы половина того, что планирует Девитт будет достигнута, то Альба снова сумеет стать самым влиятельным родом в Испании.

Я делано закашлялся, вспомнил про пошивочные мастерские в тюрьмах в нашей России и по всему свету.

— Ваше Высокопреосвященство, я еще не рассказал вам про идею с организацией пошива одежды из нашего сукна прямо в монастырях.

Маркиза довольно улыбалась и потирала руки.

Августин в восторге запрокинул голову:

— Чтоооо? Прямо в монастырях? Это инкредибеле, невероятно!

— С нетерпением жду вашей встречи с Папой Львом Десятым! — Дария поглядывала на нас всех и сияла от восторга. — Августин, хорошо, что я не поеду к Папе на прием. Я чувствую себя неловко, после слухов о моем отце.

Она облегченно вздохнула.

*** **

Все это время Аарт молча наблюдал за нами и одобрительно улыбался время от времени. Мне было приятно ощущать его дружескую поддержку, ведь я очень привязался к нему.

Накануне празднования Августин, сообщил что мы отправляемся утром.

Мы решили, что девушки останутся в палаццо вместе с Себастианом и Стасом и будут готовиться ко встрече Рождества.

Мы же с Аартом отправимся на праздничную службу в Собор Святого Петра вместе с Августином.

По плану мы должны были встретиться с Понтификом после торжественного Богослужения. Между службой и обедом. Моя задача — кратко изложить ему свой план.

В Рождественское утро мы все проснулись в приподнятом настроении, в небе светило яркое солнце — будто благоволило нашим начинаниям.

Наспех позавтракав, мы с Аартом облачились одежду дождей, предоставленную Августином.

Тело прекрасно чувствовало себя в богатой ткани, и я удивился насколько удобным оказался наш наряд.

Элайна подошла и чмокнула меня с Аартом в щеки, пожелав нам поскорее возвращаться с победой.

В Собор запрещалось проносить оружие, и мы оставили его дома.

Запряженная четверка красивых вороных коней несла нас по улицам средневекового Рима, рассекая пеструю городскую толпу.

На улицах царило праздничное оживление. На лицах горожан, которых я рассматривал из окна роскошного экипажа кардинала Августина де Альвадоре, блуждали счастливые улыбки в ожидании чуда.

Дети сновали по тротуарам. Взрослые неспешно несли корзины с едой. И даже городская чернь — нищие, почему-то казались более опрятными и умытыми.

Это был очень интересный зрительный контраст между тем, как я представлял жизнь средневекового города в Москве по картинам и тем, что наблюдал тогда воочию

Настоящая жизнь тут была значительно ярче и веселее, чем я мог себе представить. Сердце наполнялось теплым чувством — я полюбил этих людей, так же, как и своих

земляков в Москве.

Мы въехали в Папские пределы Ватикана не останавливаясь.

Видимо, повозку кардинала узнавали и пропускали ее без осмотра, хотя многочисленные дозоры, посты и засады не ускользнули от моего внимания.

Папу строго охраняли.

Оно и понятно. Можно было сказать, что вся власть западного мира была сосредоточена здесь, в стенах этого города-государства.

Он вершил судьбы не только людей населявших пол света, но и монархов, управляющих ими.

На всем лежала печать величия и абсолютной власти, и я впервые почувствовал себя маленьким человечком, таким же, как и тысячи спешащих аристократов на литургию к собору Святого Петра.

Мы лихо повернули с главной конной дороги остановились перед главным входом, прервав пешеходное движение и создав затор в толпе.

Под завистливые взгляды вельмож, герцогов, дипломатов и священников более низкого статуса, шествовавших пешком, я с Аартом спрыгнули с подножки и последовали в храм за Августином.

Внешне он очень изменился в эти секунды. Кардинал шел, высокомерно вздернув нос, не замечая ничего и никого перед собой.

Швейцарские гвардейцы в спешке распахнули перед ним высоченные двери, хотя других пропускали через обычный проход, казавшимся на этом фоне норой в каморку.

Августин даже не притормозил. Я понял с кого копируют свое надменное поведение все чиновники средней руки в моем старом мире.

Не скажу, что мне было неприятно ощущать себя выше этой толпы. Даже наоборот. Это была какая-то адская смесь гордыни, спокойствия и внутренней силы.

С учетом того, что я осознавал, что сегодня среди пришедших на литургию нет простых смертных.

С учетом того, что здесь была собрана вся знать Европы, провожающая наши спины заискивающими взглядами, мои ощущения подсказывали мне, что именно это чувствуют люди, имеющие безграничную власть и влияние.

Люди которых называют — сильные мира всего. В это мгновение я понял, что я стану таким. Мне это нравится. Но я пока еще не знал, как я этого добьюсь.

Состоявшие в высшей иерархии дворянства в Европе люди, расступались перед нами в храме, словно косяк рыбешек, пропускающий акулу в океане.

Я разглядывал великолепные фрески Микеланджело. Мне подумалось, что, возможно, он был в тот день в Соборе.

Я поискал его глазами в толпе, но не нашел никого похожего на него внешне. Я помнил его знаменитый автопортрет.

Но в следующее мгновение произошло нечто такое, чего я не сумел разглядеть. Я слишком рано возгордился. Судьба преподавала мне очередной урок.

Что-то мелькнуло на пути у Августина, тот резко остановился, схватился за горло и рухнул лицом вперед.

В эту же секунду люди закричали и кинулись прочь врассыпную от того места, где мы находились.

Я с Аартом подскочили к нему, пытаюсь оказать помощь, но я понял, что при всем моем

желании это невозможно.

Августин вытаращил в сводчатый потолок широко раскрытые глаза. Он держался руками за горло и из-под его пальцев толчками хлестала кровь. Кто-то перерезал ему горло.

— Лекаря! — закричал в отчаянии Аарт, — он может умереть! Лекаря кардиналу Альвадоре!

Интро. В предыдущей главе. Девитт со своими друзьями сходит на берег. В человеке скрывающем свое лицо на лодке он узнал Андреаса. Друзья не могут объяснить мотивов Андреаса.

Сойдя на берег, компания посещает термы — римские бани на горячих источниках. Между Девиттом и Элайной наконец случается близость.

После терм друзья отправляются к молодому кардиналу Августину Альвадоре, кузену Дариш. Он является не только доверенным лицом Папы Римского Льва X, но и влиятельным сановником в Ватикане.

Девитт рассказывает свой блестящий план по построению трансъевропейской текстильной корпорации, который был встречен и одобрен кардиналом «на ура»

Девитт, Аарт и Августин Альвадоре отправляются на рождественский прием, но по пути на кардинала нападают.

— Лекаря! — закричал в отчаянии Аарт, — он может умереть! Лекаря кардиналу Альвадоре!

Но я положил ему руку на плечо и тихо сказал, так чтобы не слышал умирающий Августин

— Не нужно. Мы его не спасем.

Потом. Встав на одно колено, я наклонился к молодому кардиналу, взял его за руку и сказал:

— Все будет хорошо. Ничего не бойся, — мне было легко говорить неправду умирающему.

Это его немного успокоило, он очень нуждался в словах поддержки, — ты видел, кто это сделал, ты сможешь его узнать?

Августин, едва покачал головой, и я понял, что он, так же как и мы, сам не заметил, как именно произошло нападение на него.

— Аарт, а ты? Ты видел? — я посмотрел на кузена, который густо покраснел и опустил глаза, будто стыдясь, что не сумел защитить кардинала.

— Нет. Я разглядывал фрески на потолке.

Я заметил, что рядом стоял незнакомец в сером камзоле.

— Это был сеньор в черном плаще. Он промелькнул словно тень коршуна. Я заметил на его запястье ромб с глазом.

Мы с Аартом переглянулись.

Августин ослабил руку и откинул голову набок, он был мертв. Идиотская смерть, явилась насмешкой над моим планом, грезами о власти и богатстве.

Я закрыл мертвому глаза.

Искать глазами убийцу в толпе было бесполезно.

Он возник ниоткуда и исчез так же. Я вспомнил своего приятеля на корабле. Похожий почерк.

Теперь все кончено.

Нас и наш план производства сукна больше некому было представить Папе Римскому.

— Прошу прощения, что вмешиваюсь не в свое дело. Я кое-что слышал о вас и о

кардинале. Рим — город, полнящийся слухами. Мне кажется, что вы приехали не одни. И тем, кому была выгодна смерть кардинала Альвадоре, тем кто пошел на такое в стенах Храма, будет выгодна смерть друзей и родственников уважаемого Августина.

Незнакомец назвал его по имени, как бы указывая на то, что причина его не безучастности была в том, что они приятельствовали с кардиналом.

После этих слов он смолк, развернулся и отступил за колонну.

Мы с Аартом вскочили на ноги и побежали к выходу. Нас больше ничего не держало в Ватикане. Нужно было спешить обратно в палаццо Августина.

Элайна и Дария пребывали в смертельной опасности.

— Ловите их, это убийцы! кричали нам в след те, кто так и не понял, что именно произошло.

Люди, которые только что смотрели нам в спины с завистью теперь шарахались назад в страхе при слове убийцы.

Лишь один попытался перекрыть нам дорогу. Но Аарт, насупив брови со всего маха толкнул его плечом на подшаге.

Мужчина отлетел в сторону.

Растерянные гвардейцы, только что впусившие нас, не понимая, что происходит снова распахнули перед нами ворота

Толпа, медленнодвигающаяся в Храм, снова встала и ждала пока мы выйдем.

— Нужно быстрее в дом Августина, — я осматривал двор и огромную площадь базилики и пытался понять, куда припарковали наш экипаж.

— Вон он, — кузен будто прочел мои мысли и показал на повозку Августина стоявшей в дальнем конце площади перед собором, — бежим!

Вскочив в экипаж, мы приказали кучеру двигаться в палаццо.

— Приказ кардинала! Мы забыли во дворце подарок для понтифика! — я соврал для убедительности, потому что кучер не торопился выполнять наше требование. Он с сомнением посмотрел на нас с кузеном.

— Э ты что оглох, макаронщик? — вырвалось у меня, — давай! Поехали! Или тебя выкинуть?

Я высунул голов из оконного проема. Стекол в экипажах того времени еще не придумали. Кучер нехотя щёлкнул хлыстом и повел повозку на выезд. Ему явно не улыбалась такая перспектива.

Мы были вынуждены медленно тащиться по дороге из-за встречной толпы.

Аарт оглаживался через заднее окно. Но пока погони не было видно.

Через некоторое время мы выехали на городские улицы Рима.

Тут было проще с пешеходами, и мы понеслись в палаццо кардинал во весь опор.

— Я не думаю, что это были неспящие, потому что..., — Аарт больно толкнул меня локтем, приложил указательный палец к губам и кивнул в сторону кучера.

Он был прав. Кучер, услышав мою реплику, развернул голову вполоборота, чтобы лучше слышать, о чем мы говорим.

Я кивнул в знак согласия. Всю обратную дорогу мы ехали молча и кузен заметено волновался впервые с тех пор, как я увидел его впервые в замке барона в Розенлааре.

Подъехав прямо ко входу во дворец, мы соскочили с подножки.

Мое сердце чувствовало неладное. Двери были приоткрыты и нас никто не встречал.

Вбежав в помещение, мы увидели распростертые на полу тела прислуги.

Они были мертвы.

На первом этаже валялась перевернутая мебель и разбитая посуда.

Я почувствовал, как тень гнева и тоски накрывает меня волной.

Гостевые комнаты девушек располагались на втором этаже. Вбежав по лестницам, мы обнаружили двери комнаты маркизы распахнутыми.

В палатах царил хаос. Вещи попеременно постелью были разбросаны повсюду. Здесь происходила борьба.

— Дария!!! Элайна!!! Где вы? — прокричал Аарт, в надежде что кто-то откликнется.

Но его голос эхом повторился в коридорах опустевшего здания.

Я рванул в комнату Элайны.

Влетев в нее, я увидел сидящего на полу Стаса в луже собственной крови.

Он был бледен, как лист качественной офисной бумаги. На его теле виднелись страшные порезы. На руках и ногах. Но самой страшной раной оказалась вспоротая брюшная полость, в которой мышцы и внутренние органы были превращены в месиво.

Я бросился к нему в попытке осмотреть. И облегчить его участь.

— Что случилось, Стас? Кто это был? — я заговорил с ним по-русски, чтобы так придать ему последних сил.

Последних, потому что я понимал, что даже в хорошем военном госпитале его бы не спасли.

У Стаса, практически, не было шансов на выживание.

Слишком много потеряно крови, и его травмы были несовместимы с жизнью.

— Где они, Стас?! — раздался за спиной голос Аарта, но я поднял руку, для того, чтобы прервать его.

Стас был настолько слаб, что даже не мог перевести взгляд на Аарта.

Мне показалось, что он пытается что-то сказать.

Его бледно-розовые губы слегка шевельнулись

Я приставил свое ухо к его рту. Его едва уловимый шёпот донес только одно имя.

— Мой хозяин, — я даже не слышал дыхание.

Я немного отстранился от него и переспросил.

— Что ты говоришь? Я тут. Я слышу тебя! Где все? Где девочки? Попробуй еще раз, мы можем ещё спасти их!

Но взгляд Стаса остекленел. Он больше не был с нами. Я закрыл ему веки

— Что он сказал?

— Он назвал только ее имя.

Дальше поиск следов и убийц нам ничего не дал. В палатки не осталось ни одной живой души кроме нас.

— Почему ты сказал, что это не могут быть «неспящие»?

Аарт сидел на кровати и держался за голову,

— Все совпадает. Они не смогли выкрасть Дарию в замке барона, выкрали здесь. Еще и Элайну, и Себастиана в придачу. Теперь у них есть рычаг на нас.

— Я сказал, что в Соборе был кто-то другой. У них у всех — татуировки на пятках. Это раз. Появился, как невидимка, ушел как невидимка, но обосрался и показал свою тату тому

мужику? Это не похоже на профессионала. А неспящие — профи. Это два.

Я тяжело вздохнул, посмотрел на кузена и продолжил:

— Ну последнее: убить высокопоставленного кардинала под носом у Папы на Рождество — самый идиотский ход для неспящих. У них общие доходы.

— И кто тогда это был, кто убил Августина?

— Я пока не знаю поименно, но это те, кому не выгодно появление нашего предприятия. Те, кто сегодня владеют торговлей и производством.

— Думаешь, мы сможем узнать кто это?

— Сможем. Мы мстители. Но сначала нам надо найти Элайну с маркизой и Себастианом. А вот их наверняка похитили «неспящие». Пошли за оружием.

— Как ты об этом узнал.

— Нам с тобой оставили записку.

Я протянул ему что-то типа визитной карточки, которую я нашел рядом со Стасом.

На одной стороне карточки было изображено витражное окно с синим петухом, а на обратной стороне — полуприкрытое веко в ромбе клана неспящих.

Я привез с собой портреты, написанные стариной Брейгелем.

Утром по дороге в Ватикан я видел таверну с похожим изображением ромба.

Существовала вероятность, что я ошибался, но нам нужно было с чего-то начинать.

На этот раз мы не стали обращаться к кучеру. Забрав свое оружие и надежно спрятав деньги, мы оседлали коней на конюшне.

Она находилась на заднем дворе палаццо. У нас получилось сделать все тихо и без лишней суеты.

Мы выбрались незамеченными через запасной выход с обратной стороны конюшни.

Аарт бывал раньше в Риме, поэтому он неплохо ориентировался в городе. Я указал примерное местонахождение таверны. И через четверть часа мы стояли на ее пороге.

Правда, теперь у меня не было уверенности, что мы пришли по адресу.

Изображение на вывеске, издали напоминающее ромб с веком при ближайшем рассмотрении оказалось орнаментом с простыми геометрическими фигурами.

Мы неторопливо вошли внутрь и уселись за барной стойкой.

Хозяин заведения протирал полотенцем пивные кружки за прилавком.

Он не обращал на нас никакого внимания, пока Аарт не постучал по деревянной столешнице костяшками своего кулака.

— Чего изволите, сеньоры? Для обеда ещё рано. Вы пришли не вовремя. Могу налить вам пива или вина?

— Давай пива, хозяин, — кузен вытащил из кошелька серебряный дублон, повертел его в пальцах, потом щелкнул так, что быстро вращающаяся монета стала перемещаться на ребре в сторону хозяина по поверхности столешницы.

Хозяин поставил нам две кружки пива продолжил невозмутимо заниматься посудой.

Аарт снова полез в кошелек. На этот раз он извлек оттуда золотой дублон. Он закрутил его тем же способом в направлении трактирщика.

— Мы кое-кого ищем. Подскажите, если знаете наших старых друзей. Хотели бы

отметить праздник вместе с ними.

Я достал из-за пазухи портреты убитых «неспящих» и показал ему всех поочередно, начиная с самого первого.

Я успел нарезать полотно на отдельные лоскуты с изображениями.

Он даже не взглянул на картинку, небрежно отщёлкнул монету обратно и процедил сквозь зубы:

— Допивайте свое пиво и убирайтесь по добру, по здорову. Я никого не знаю.

За его спиной стояло зеркало. Меня давно привлекала отражение одной детали.

Под прилавком у трактирщика лежала другая серебряная монета. Я перегнулся через стойку и быстро выхватил ее.

— Ух, ты! Какая интересная! Продай ее нам, — я остановил золотую монету и придвинул ее трактирщику, себе забрал серебро

— Думаю, золотого дублона будет достаточно.

Я подбросил серебряную монету Аарту. Описав дугу в воздухе, она оказалась в ладони у кузена, который стал ее деловито разглядывать

— И вправду интересная. Что за ромбик с глазом внутри? — Аарт отхлебнул своего пива, — не пойму, какой стране принадлежит эти деньги? Я много ездил по миру, но такой нигде не видел.

Он вопросительно глянул на трактирщика

Хозяин покраснел. Он досадовал, что не спрятал монету вовремя и допустил оплошность, позволив мне ее выхватить.

— Я не знаю. Кто-то расплатился вчера за еду, а я дурень проглядел. Теперь вот не знаю, куда ее деть. Кто-то пожрал бесплатно, подсунув её, — неправдоподобно соврал трактирщик.

— Вот и отлично! Почему сразу дурень? Ты считай озолотился на ней. Мы ее забираем. Сдачи не надо. — Аарт допил свое пиво и повернулся в мою сторону, — пойдём? А то в бордель опоздаем, нас ждут к полудню.

— Счас, допиваю, — так же задорно ответил я, выпил и вытер рукавом свои губы, — пошли.

*** **

Мы стояли неподалеку от его заведения за уличными прилавками так, чтобы трактирщик не мог нас заметить. Он не заставил себя долго ждать.

Одетый в легкую римскую зимнюю одежду, он вышел из своего заведения буквально через пару минут.

Торопливо поглядев вправо и влево, запер дверь снаружи и засеменял быстрым шагом по улице.

Нам нужно было соблюдать достаточную дистанцию для того, чтобы не спугнуть его.

Мой расчёт оказался верным. Трактирщик, узнав на картинах киллеров поспешит сообщить о нашем визите старшему.

Но я и подумать не мог, что он приведет нас напрямиком в логово врага.

Мы шли за ним, переходя с одной стороны улицы на другую.

Иногда трактирщик останавливался и воровато оглядывался.

Многочисленная толпа помогала нам скрываться от его взглядов.

— Вот он ослан! — потешался вполголоса Аарт в те минуты, когда он видел, что трактирщик нас не замечает.

Слежка длилась не долго. Через четыре квартала он привел нас к зданию храма, который реставрировали.

Он находился во внутреннем дворе гостиничного квартала.

Церковь окружали невысокая кованая изгородь и сад с парком. Деревья частоколом росли вдоль внешних границ сада, скрывая всё, что происходило внутри.

Вдоль стен храма стояли деревянные строительные леса. Впрочем, на них никого не было.

Я не был уверен, что церковь действительно реставрируют, а леса не являются декорацией.

— Не плохое место для того, чтобы прятать штаб клана? Как думаешь? — спросил меня Аарт провожая взглядом трактирщика входящего в двери храма.

— Вроде и на виду, а вроде все сокрыто.

Вокруг было тихо и умиротворённо. На здании лежала печать безжизненности и вместе с тем, вся картина навивала ощущение тревоги.

Никто не пожелал бы по своей доброй воли заходить внутри. От входа веяло ощущением склепа.

— Ты думаешь, что это штаб неспящих? — ответил я, разглядывая окрестности и пытаюсь найти точки наблюдения часовых.

— Да. Отличная база. Сюда можно заходить в их черных балахонах, по виду монахов францисканцев. Никто не обратит на это никакого внимания.

— Возможно, ты прав. Тайное часто прячут на видном месте, — я продолжал шарить глазами по зданию.

— Ты ищешь дозорных? Даже не пытайся, — он посмеялся надо мной, — они уже видят нас и ждут. Неспящие — это лучшие киллеры в Европе. Но мы тоже кое-что умеем.

— Откуда ты так уверен, что это здесь?

— Смотри, тюфяк! Ты вообще не догоняешь, где ты братец! — он протянул мне визитку, а потом тыкнул пальцем в строение напротив храма.

Это было здание изнанки постоянного двора с немногочисленными окнами.

Одно из них содержало рисунок синего витражного петуха с клочка бумаги.

Сейчас я обратил внимание, на то что в здание не было входа ни с парадной, ни с заднего двора.

— Шансов у нас не много. Мы пойдем напролом. Если со мной, что-то случится, — лицо Аарта стало серьезным, — то я завещаю тебе все свои деньги и имущество. И ещё, присмотри за нашей матушкой. Заботься о ней и не давай её никому в обиду.

— А я не завещаю тебе ни хрена, во-первых, потому что у меня ничего нет, во-вторых потому что мы пойдем и отхреначим их так, чтобы они забыли свои имена. Пошли.

Я направился в церковь уверенным шагом. Аарт последовал за мной.

Наши гулкие шаги заполнили внутренне пространство храма.

Раз они нас видели, то и не стоило красться. Наоборот, надо было дать им почувствовать свою уверенность.

«Трепещите уроды, мы пришли за своими! И не дай Бог с их голов упал хоть один волос. Порву любого!» подумал я, выйдя на середину храма.

Из его арочных окон, расположенных под куполом, снаружи пробивались толстые лучи света, сходящиеся в самом центре.

Лучи освятили мое лицо. Я расставил руки в стороны крестом и сделал полный оборот вокруг своей оси.

Великолепная итальянская библейская роспись, как бы вращалась вокруг меня. Картины проносились перед моими глазами.

Я узнал этот стиль. Это была работа молодого Рафаэля.

Мое тело наполнялось адреналином.

Я чувствовал, что враг рядом. Нас оценивали, за нами наблюдали.

— Вот они мы. Выходите! — громко крикнул я и мои слова эхом пронесли по колоннам.

В следующую секунду где-то в стене раздался щелчок, и мы увидели, как потайная дверь отъехала в сторону.

Мы уверенно направились к проходу, ведущему внутрь.

Наш путь был тускло освещен. Я, не раздумывая, зашел первым, а Аарт вторым. Мы сделали буквально по два шага, как услышали за спиной звук запирающейся двери.

Контраст с ярким солнцем снаружи немного ослеплял.

Мы дали привыкнуть зрению к полумраку, сняли по одному факелу со стен и двинулись вперед по коридору, уходящему влево

Пока мы играли по их правилам. Но меня это не особо пугало.

Если бы нас просто хотели убить, то сразу же расстреляли бы из арбалетов.

После поворота перед нами открылась винтовая лестница, ведущая вниз.

Аарт пожал плечами, обнажил свою шпагу и зашагал первым.

Я последовал его примеру и с катаной в руке начал спускаться за ним по лестнице, прикрывая ему спину.

Шагая по ступеням пытаюсь запомнить маршрут, я понял, что запутался.

Наконец мы спустились в сводчатый коридор и освещая дорогу факелами, зашагали вперед.

Пройдя пятьдесят шагов, мы уперлись в глухую кирпичную стену.

— Что за хрень? — тихо выругался Аарт ощупывая стенку руками.

Он постучал по ней кулаком пытаюсь услышать пустоты, но она вязко поглощала удары его костяшек,

— Ты видел, чтобы мы куда-нибудь свернули по пути? Может у меня крыша едет?

Я задумчиво покачал головой из стороны в сторону.

— Нет мы все время шли прямо, — я тоже пытался понять зачем нас завели в тупик.

— Пошли обратно.

Мы развернулись и прошагав обратно такое же расстояние снова уперлись в стену, там, где должна была находиться винтовая лестница.

На этот раз Аарт ничего не спросил. Он молча посмотрел на меня. Я кивнул.

Я понял, что мы находились в лабиринте, где каким-то невероятным образом вырастают стены.

— Может быть в той стороне, — он указал туда откуда мы только что вернулись, — нам теперь дадут лестницу? Э. Хорошо, прикалываться, — кузен поднял голову к сводчатому потолку обращаясь к невидимым зрителям.

Мы зашагали обратно. Теперь вместо исчезнувшей стены мы увидели, что проход

поворачивает влево.

Так повторялось несколько раз. Мы блуждали туда и обратно.

Кирпичные стены то возникали у нас на пути, то исчезали, открывая повороты или прямые проходы.

Каждый раз мы не видели не слышали, как появлялись эти стены.

— Давай ты останешься здесь, а я пойду туда к той стене и крикну тебе? — предложил кузен

— Нет, нас так могут разделить. Вдвоем мы сильнее.

— Надо искать выход, — сказал Аарт, — это всё не просто так. Ты прав. Один, я бы уже сошел с ума.

Мы блуждали в лабиринте, не находя выхода. Наконец мы устали.

— Болтаемся здесь, как дерьмо в проруби. Я дальше не пойду, — Аарт сел и прислонился к стене, — хватит с меня этих кошек-мышек.

— Да, интересная система. Если кто-то захочет захватить штаб неспящих, даже если он приведет сюда полк, они просто не смогут его найти.

— Согласен.

— Мы уже ходим тут битый час и расположение стен и проходов ни разу не повторилось. Я уже начинаю верить в магию. Но сдается мне, что это не может продолжаться вечно. Давай, вставай. Пошли.

Я подал ему руку и вытянул его, поставив на ноги.

— Смотри. — я указал ему на выбитые на потолке геометрические фигуры. Их раньше не было видно. Это была стрелка, указывающая на ромб с кругом внутри.

— Я тоже могу поклясться, что раньше этого на потолке не было. Я недавно смотрел туда, — ответил кузен.

Мы снова зашагали в сторону, куда указывала стрелка.

А потом в подземном лабиринте будто включили свет.

Сначала мы увидели яркое свечение, от которого стало больно. Мы невольно прикрыли ладонями глаза.

Двигаясь дальше к свету, мы дошли до широких и глубоких мраморных ступеней огромной лестницы, ведущей вверх.

Лестница была залита светом, который слепил зрачки, привыкшие к полумраку.

Мы переглянулись и зашагали по ступеням.

Добравшись до верха, мы очутились огромном светлом бежевом мраморном зале.

В зале находились десять воинов, одетых в черные балахоны с масками, напоминающими череп.

Они окружали трон, на котором сидел человек в расшитых золотом белых одеждах.

Я не сумел сдержаться и немного отпрянул от удивления. Меня холодно встречало знакомое лицо.

Над тронем, сзади, на белой стене располагался огромный ромб с полуприкрытым веком.

— Кристофер, что за..., — Аарт убрал шпагу в ножны и сделал шаг вперед.

Человек на троне остановил кузена жестом.

— Как вы уже поняли, Кристофер — это мое не настоящее имя. Меня зовут по-разному: Джон Смит, Александрус Попандополус, Рене Деккар, Витоджо Срадивари, Алонсо Тора и так далее. И только немногие знают имя данное мне родителями при рождении...

Он смотрел на наши нахмуренные лица. До меня начало доходить.

— Мое полное имя Гольят, — его голос звучал очень необычно. Отражаясь эхом от стен огромного зала он бы тверд и надменен, — я вижу вы не удивлены.

— Кстати вы находитесь здесь не потому что вы такие умные и проницательные. А только потому что я так захотел. Мои люди развесили вам указатели. Вы настолько бестолковы, что заметили только один.

Он сделал паузу. Но мы никак не отреагировали на нее.

Если бы я не видел все это собственными глазами, я бы подумал, что я попал в сказку или фильм.

Я все еще был в шоке от того, что встретил брата.

— Тем лучше. Мне придется меньше объяснять. Вообще, если коротко, то ты, Девитт, сейчас умрешь. Хочешь узнать почему?

— Ну давай, объясни, хотя я не так представлял встречу со своим братом...

— Ты мне не брат! Собачье отродие! Ты никогда не был мне братом! — Кристофер был ярости, я его не узнавал.

Он подался вперед на этих словах, схватившись руками за поручни трона. Костяшки его кистей побелели, а лицо исказила страшная гримаса.

В другом мире такой крик человека, во власти которого я бы находился, возможно и напугал бы меня, но не сейчас.

Я поискал оттенки страха в своей душе, но не нашел ни капли волнения, даже в самых потаенных ее уголках.

— Не ори. Связки надорвешь. Если у тебя есть претензии — говори. Разберем как мужчина с женщиной.

— Есть ли у меня претензии? О да! У меня много претензий. Из-за тебя погибли слишком много невинных людей!

— Что это значит? Мне смешно слышать про смерти невинных из уст главы клана, сделавшего убийства своим ремеслом. Я же правильно понимаю, где мы находимся.

— Ты правильно понимаешь.

Я утвердительно кивнул головой.

— Вот и расскажи мне теперь про невинных.

— Ты тупой ублюдок, ты не понимаешь ничего!

— Ну ты же обвиняешь меня, вот и растолкуй, кто конкретно невинно погиб из-за меня.

Я подумал, что он что-то знает о судьбе владельца трактира «у Оленя» и его жены. Я совсем о них позабыл.

— Первым невинным человеком, которого ты убил была моя мать, когда ты только появился на свет.

— Но она была и моей матерью. Не забывай у меня никто не спрашивал хочу ли я появляться на свет такой ценой.

Савва решил заступиться за Девицца, чьей прямой вины в том, что произошло при его рождении, не было.

Кристофер-Гольят перебил меня не дослушав. Он кипел ненавистью ко мне.

— Заткнись! Чучело! Тебе слова не давали. Когда ты родился, в семьях обоих моих родителей тысячи людей были покалечены. Из-за тебя погиб сотни. И ты за это ответишь.

Он тыкнул в мою сторону указательным пальцем.

— Из-за тебя, погибла вся моя родня. Но тебе этого мало...

— Что ты имеешь ввиду? Я не понимаю, — я стоял, убрав катану в ножны и сложив руки на груди.

— Если бы не ты, и твой idiotский, невыполнимый план, то были бы живы мои люди, с твоих картинок. Были бы живы матросы с «Леопольда» и «Сеньора де Анточа». Был бы жив кардинал Августин, прислуга в его доме и твой друг Стас.

Я впервые серьезно задумался о том, что он говорил. Я вспомнил слова Тиельманса о том, что у каждого могли быть дети и потомки, а теперь их не будет.

Мне стало очень тяжело на душе. Мой брат встал, обнажил свой клинок и направился ко мне.

— Но ты будешь драться за свою жизнь. Я даю тебе шанс умереть как мужчина только по одной причине — ты трижды спас маркизу Дарию. В замке, хотя тебя об этом не просили, и ты спутал мне все карты, в кабаке Папа Пай, и на корабле.

— Какая неслыханная щедрость, — съязвил я. — можешь не благодарить, я не для тебя старался.

— Идиот! Она будет принадлежать мне.

Теперь вспыхнул Аарт молча слушавший нас до этого мгновения.

— Хрен тебе моржовый, а не маркизу!

— Успокойся Аарт, не забывай, что мы с тобой истинные братья, потому что в нас течет кровь наших отцов. А это отродие..., — он указал на меня острием своей рапиры в вытянутой руке.

Кристофер хотел поощрить слово, но не сумел. Он снова обратился к Аарту.

— Когда я разберусь с ним, я дам тебе возможность умереть за свою любовь с честью.

— Стой! Кроме меня больше никто не умрет, — я прервал его, — я меняю свою жизнь на жизнь маркизы и всех моих друзей. Убей меня, если сможешь и отпусти их.

Я знал, что Аарт, какой бы он не был сильный и тренированный не сумеет справиться с десятью неспящими за раз.

А Гольят не собирался оставлять нас в живых. После стольких смертей, произошедших по моей вине мне нужно было хоть кого-нибудь спасти.

Я все вспомнил. Я вспомнил как попал сюда.

Я московский сисадмин, Савва Филатьев, хромой на правую ногу, работавший в Пушкинском музее.

Умер от удара током упав со стремянки на рабочем месте.

Я всегда любил живопись. Я мог часами рассматривать альбомы с картинами, в изобилии присутствующими в книжных шкафах моих родителей.

У них не было времени и денег водить меня на кружки, поэтому единственным моим развлечением после школы было разглядывание этих альбомов.

Моими друзьями были персонажи с полотен величайших художников.

И к шестнадцати годам я знал о живописи примерно столько же, сколько опытный пятидесятилетний эксперт с аукциона Сотбис.

Потом я легко поступил в МГУ, отучился и был быстро принят на работу в музей.

И вот после того как меня долбануло 220 вольт. Я рухнул у картин Брейгеля, привезенных в наш музей на летнюю экспозицию.

Я не знал, как это работало, но факт оставался фактом. Там в Москве я умер, а здесь попал в тело молодого человека. Девицца Ланге.

Все это было бы прекрасным преображением, трансформацией, если бы не смерти, о которых говорил Кристофер.

Отрицать их связь со мной и моей беспечностью было глупо.

Моя отменённое решение вернуться обратно во времени могло спасти многих из них. Я это отчётливо осознал в тот момент.

Мои мысли отвлек окрик.

— О, нет! Я не дам тебе такой возможности! Решил побыть героем? После всего, что ты тут наделал? Бери в руки оружие и дерись! — он приложил рапиру к моей шее.

— Ты не можешь заставить меня делать то, чего я сам не хочу. У тебя нет власти надо мной, — я спокойно посмотрел ему прямо в глаза.

— Идиот! Ты так и не стал взрослым. Ты не понял каком мире ты доживаешь свои последние минуты.

Его брови сдвинулись. Я пытался найти в его лице сходство с собой, но кроме голубых глаз нас внешне ничего не объединяло.

— Если я захочу, то заставляю тебя ползать и лизать мою обувь!

Я поморщился, взглянув на его тапочки, напоминавшие макасины

— Нет не сможешь.

— Я все могу. Просто я хочу показать, кто ты есть на самом деле — ущербный, — тихо ответил он, — ты не умеешь постоять за себя, ты приносишь беды, я поклялся что покончу с тобой в поединке. Я мог убить тебя раньше. Но я ждал именно такой случай. Дерись!

На последнем слове он нажал на рукоять своей рапиры сильнее, так что я почувствовал боль неглубокого пореза в области шеи.

— В тебе столько пафоса. Ни хрена ты не можешь! — я спокойно смотрел в его глаза, пылающие от гнева.

— Думаешь? Введите ее.

Один из черных плащей развернулся на пятках и направился к открывающемуся в стене проходу, темного которого вытолкнули Элайну.

— Если ты не будешь драться, я поймею ее сейчас у тебя на глазах, потом отдам своим парням. А когда они вдоволь наиграются отправлю ее самый дешёвый бордель в Риме.

Знаешь, что там бывает с такими красотками?

Я увидел ее испуганное лицо и оскалился. Один из киллеров в маске крепко держал ее за предплечье.

— Сначала у нее выпадут все зубы, потом волосы, а потом она умрет от язв на теле.

Я понял, что мне придется соглашаться на поединок.

— Хорошо. Я буду драться. Но обещаю тебе, что как бы ни кончился поединок, ты отпустишь ее и всех моих друзей и больше никогда не станешь их преследовать.

Брат смотрел мне в глаза обдумывая моё условие.

— Я обещаю, отпустить ее и твоих друзей. Бери оружие.

В его словах чувствовался какой-то подвох. Я лихорадочно пытался разгадать его ловушку.

— Аарта ты тоже отпустишь. Не пытайся меня обмануть.

— Аарта тоже, — Кристофер надменно улыбался.

Я понял, что не угадал и промахнулся. Один ноль в его пользу.

Начиналась игра нервов и выдержки.

Делать было нечего — я принял вызов. Я снял куртку, кошелек с пояса, достал из-за пазухи изображения убитых в замке барона киллеров.

Бережно положил их на пол рядом с курткой. Все это время Кристофер сверлил меня взглядом с высокомерным выражением лица. Он явно старался меня раскачать на ответную нервозность.

Я как бы пряча от него лица его друзей деловито и бережно положил портреты на пол рядом с курткой. Словно это была большая ценность для меня.

Самый верхний неслучайно выпал и перевернулся лицом наверх. Это был мастерский портрет того самого бородатого киллера, которого я убил первым.

Наиболее опытный боец из всех по представлению старого художника.

Кристофер исподволь покосился на изображение.

Всего лишь тень гнева пронеслась по его лицу, но этого было достаточно для того, чтобы засчитать следующее очко в мой актив. Мерзкая улыбочка сошла с его лица. Один — один.

Я остался в белой рубашке и удобных кавалерийских штанах. Подняв катану, я обошел брата слева. На безопасном для выпада расстоянии.

— Я готов. Уверен, что ты сдержишь обещание

— Здесь мое слово закон, оно крепче стали. Можешь не сомневаться.

Гольят совершил в воздухе приветственный взмах кончиком оружия, который описал невидимую восьмерку перед собой.

Затем он скривился в сатирическом поклоне передо мной.

Брат явно паясничал, давая мне понять, что я не достоин знаков уважения, ни как простолюдин, ни как противник.

Я никак не отреагировал. Мне было все равно.

Я повернул корпус в сторону Элайны и слегка поклонился ей. Видя, её встревоженные глаза, я весело подмигнул, демонстрируя веру в себя и присутствие духа.

Краем глаза я вовремя замечил движение моего противника вправо, он пытался зашагнуть мне за спину.

Я быстро сделал параллельный шаг, отступил, перехватил катану двуручным хватом и нацелил острие ему в голову

Гольят способен начать атаку без предупреждения. Я хорошо понимал это.

Он будет рассчитывать на внезапность. Я уже начинал его читать. Пока это была только разведка.

Держа рапиру, направленную вниз, он быстро прошел кошачьей походкой три шага влево, потом резко проделал тоже самое вправо. Его тело было расслабленным, в отличии от взгляда.

Шагая передо мной из стороны в сторону, как тигр в клетке он изучал мою реакцию.

Вдруг, он стремительно пошел на меня, атакуя в ноги.

Дзынк, дзынк, дзынк. Клики трижды жёстко соприкоснулись, выдав искры.

Три его быстрых удара — снизу по диагонали вверх в ногу, обратно хлыстом в печень и свингом с закруткой сверху в мое голое горло, были отбиты мной с лёгкой небрежностью.

Хотя эта атака могла показаться со стороны верхом искусства боя холодным оружием для не искушенного зрителя.

Мы оба прекрасно знали, что это только начало и настоящее искусство заложено не в типах атаки, а в мышлении и умении спрятать атаку от противника.

Обман — вот тот самый единственный смертоносный прием в бою, дающийся один раз.

Я отступил и вернул катну в исходное положение, приглашая его атаковать снова. Я демонстрировал легкую беспечность, но я был максимально сконцентрирован.

Первая волна адреналина отхлынула, и я заметил, что мой лоб вспотел.

Я сымитировал двойную атаку в грудь, разрезая воздух очень близко перед его телом, понимая, что с этой дистанции я его не смогу достать. Это не безопасно.

Ни один мускул не дрогнул на его лице, он даже не отступил — видел, что я не достану.

Он был чрезвычайно опытен и не желал демонстрировать мне свою защиту.

В следующую секунду он сделал ложный выпад, заставив уйти меня вправо.

Я посчитал, что атака закончена, но не заметил, как он молниеносно перенес свой клинок себе за спину и хлестко черкнул остриём мне по ребрам.

Я почувствовал боль.

Разрезанная полоска белой рубахи тут же бледно окрасилась кровью.

В этом положении мне было не с руки контратаковать, и я предпочел пробежаться немного вперед.

Моя рана была не опасной, он мог бы нанести более серьезное увечье, но пожелал показать кто здесь «папа» на поле боя.

Он улыбался, явно чувствуя свое превосходство. Теперь, выставив на вытянутой руке вперед свой клинок, он стал приближаться.

Ладно. Я готов поиграть с твоим самолюбием, Кристофер.

Его атаки чередовались с паузами, в которых он продолжал ходить предо мной справа налево и обратно.

Он очень свободно владел клинком. Я дождался

следующей атаки приучая его к мысли, что я работаю вторым номером.

Второй номер это тот, кто защищается.

Я сменил стойку подняв катана остриём в потолок и держа рукоять двумя руками у правого виска.

Его клинок обманкой просвистел у меня перед лицом, потом дважды стремительно направился в ногу, затем снова в лицо.

Отступая, я сделал вид, что мне трудно справиться с его напором. Я парировал удары

без прежней легкости.

Гольят недоверчиво тыкнул уколом в мою сторону и попал в подставленный рукав моей рубахи.

Есть! Ты купился!

Теперь моя очередь, я атаковал словно молния! Очень коротким порезом я направил ему лезвие в кисть. Мне не нужны были красивые удары. Нужны точные.

Кристофер зашипел от боли и негодования. Я легонько порезал его. Он не видел, как именно я это сделал.

Я пошел в атаку, не дав ему опомниться. Удары сыпались на противника градом.

Дзынь. Дзынь-Дзынь, Дзынь, Дзинь-дзынь-дзынь-дзынь. Я бил быстро. Короткими прерывистыми сериями и очень сильно.

Мне нужен был натиск, чтобы выбить его из равновесия. Чтобы он почувствовал мою силу и начал осторожничать.

Клинки свистели и завывали, отдавая в руку силу ударов. Тень смятения коснулась его взгляда, кода я чуть не выбил рапиру из его рук.

Я удвоил скорость атаки. У меня был еще резерв. Я быстро двигался вокруг него, обманывая его зрение широкими шагами враскачку.

Во она его слабость, я увидел открытую шею после вращения катаны над головой по диагонали сверху.

Слева — направо. В европейском фехтовании так не бьют. Европейцы и не готовятся к защите от этого удара.

Я решил использовать эту ошибку брата. Я не стал ее показывать.

Мне нужно подготовить его к этой ошибке. Я улыбнулся.

И зря.

Я тут же почувствовал, как его клинок порезал мне плечо.

Он ехидно оскалился, оглядываясь через свой плечо обходя меня за спиной.

Я не видел атаки. Вообще. Кристофер был отличным фехтовальщиком. Он мог бы меня лишить руки. Но его гордыне захотелось поунижать того, кому он мстил.

Ему хотелось, чтобы те кто видели этот поединок смерти потом рассказывали о том, как глава клана неспящих по кусочку отрезал плоть от мстителя.

Мою левую руку заливало кровью. Белая рубаха насквозь пропиталась красным.

Я почувствовал слабость в руке.

Гольят развернулся и побежал на меня в новую атаку.

Лишь бы рука не дрогнула, лишь бы хватило крови еще на десять ударов.

Я отбил все семь мощнейших ударов и перешел в контратаку. Я повторил все свои предыдущие движения и удары.

Широкими шагами в раскачку я маскировал свои удары, которые мой противник легко читал.

Раз, два, три, четыре. Он почти смеялся.

Я и тут включил свою полную скорость и повторил атаку.

Хоть он и справился с моими ударами, Гольят вновь совершил ту роковую ошибку. Он не видел, что его сонная артерия уязвима.

Теперь я был готов.

Я не стал давать ему шанс. Это было бы глупостью.

Клинок мягко вошел в его плоть. Его кровь обильно брызнула и смешалась с моей на

нашей одежде.

Я выдернул катану обратно, крутанул ее вокруг своей оси, стукнул кулаком по обуху, чтобы ритуально стряхнуть кровь с клика и плавно завел его в ножны, как учил меня мой мертвый учитель фехтования Стас.

Он выронил рапиру, схватился за зияющую рану рукой, пытаясь остановить кровотечение. Но жизнь быстро покидала его, и он сначала рухнул на колени, потом на пол лицом влево и вниз.

Он лежал с остекленевшими открытыми глазами и больше не двигался.

Девять из десяти киллеров одетые в черное, рванули в мою сторону, выхватывая на бегу оружие. Это было предсказуемо.

Аарт выхватил свой клинок и бросился мне на помощь.

Я пытался держаться, но ноги подкашивались. Мне пришлось опуститься на одно колено.

Глава 21

Интро. В предыдущей главе. Девитт с Аартом спускаются в подземелье. Они долго бродят в лабиринте, пока не выходят к светлой мраморной лестнице, ведущей наверх в большой светлый зал. Их допустили в Цитадель неспящих. К своему великому удивлению, они встречают там брата Девитта, между ними завязывается схватка.

— Стоп! — эхом раздался чей-то мужской голос в помещении.

Я оглянулся он принадлежал десятому человеку в маске и плаще.

— Оружие в ножны! — киллеры нехотя послушались и обернулись к нему.

Я узнал этот голос.

— Два один в твою пользу! — сказал я и тоже рухнул на оба колена.

Мне не хотелось стоять на четвереньках поэтому я сам завалился на бок.

Аарт и Элайна подскочили ко мне, чтобы поддержать.

Они оттащили меня и прислонили к стене.

— Мы все члены лиги и клана неспящих, слышали слово данное главой клана.

Все присегающее замерли и слушали говорящего.

— Глава клана, дал слово, что отпустит всех друзей его брата Девитта Ланге.

— Девитт одержал честную победу в поединке. Его друзья свободны. В отличии от самого Девитта. Такого обещания глава клана не давал.

Мне показалось, что теперь я понял в чем был подвох нашего с Кристофером договора. Я не упомянул себя в договоре.

Ну что же. Я забрал его жизнь. Отомстил за Стаса, прислугу и спас любимую и друзей. Это более чем в высшей степени справедливо.

— Сеньора Элайна, сеньор Аарт, вас и ваших друзей доставят в палаццо или любой гостевой дом, который вы пожелаете. Сеньор Девитт, останется тут.

— Нет! Я никуда без него не поеду! Я останусь тут, — кричала моя любимая, заливаясь слезами. Она гладила мою щеку.

— Элайна, поезжайте с Аартом. Я приеду позже. Мне нужно, кое-что обсудить с сеньорами. — я погладил и поцеловал ее руку в ответ.

— Это не правда, ты врешь мне, Девитт! — она с надеждой посмотрела на «маску», — вы отпустите его позже?

Но киллер в маске ничего не ответил.

— Аарт..., — позвал я своего кузена, он все понял, и приобняв Элайну за плечи, поднял ее на ноги.

Он огляделся, ища путь отхода. Аарт с сомнением посмотрел на лестницу.

В стене снова отрылся зияющий черный проход и один из киллеров жестом пригасил их пройти в него.

Мне было печально от того, что наше расставание происходило таким образом.

Хоть я и спас своих, и победил своего брата, решившего что я виноват во всех его бедах.

Победа все равно была с привкусом горечи.

Она впервые меня не радовала.

В глубине души я очень надеялся на то, что сохраню и Элайну, и друзей, и брата.

Моя девушка ушла с Аартом, в последний раз обернувшись ко мне. Я постарался запомнить ее прекрасные глаза.

Дверь за ними затворилась. Теперь я был готов покинуть этот мир.

Неспящий, остановивший расправу надо мной, подошел ко мне с кубком.

На его куре красовался перстень с синим камнем. Он сдвинул его, и насыпал содержимое небольшого потайного отдела в жидкость.

Она зашипела словно кола, разыгравшись салютом из мельчайших пузырьков.

Он молча протянул мне кубок.

Я принял сосуд, и, не произнеся ни слова, осушил его до дна.

Пищевод наполнила легкая прохлада. Напиток был сладким на вкус. И я моментально почувствовал умиротворение.

Что же, если это был яд, то умирать от него было вполне себе приятно.

Я подумал об этом странном способе отправить меня на тот свет и осознал, что вырубаюсь буквально в последние мгновения.

Я улыбался себе. Я Савва Филатьев, ака Девитт Лагне, прожил самую потрясающую неделю в своей жизни. Я смирился с тем, что мне пора покидать это тело и этот мир.

*** **

Но ничего не закончилось. Я очнулся в большой мягкой постели в спальном помещении.

Это была роскошная спальня с высокими потолками, дорогой мебелью и полами, покрытыми персидскими коврами с восточными орнаментами.

Мне было не известно, где я находился и сколько времени я проспал.

Рядом с дверьми я увидел двух неспящих в масках. Я не понимал, что они охраняли — меня или мой сон.

Увидев, что я проснулся они молча поклонились. Один из них вышел и вскоре вернулся с подносом еды.

Я попробовал присесть, опершись о спинку кровати, но неприятная боль в плече отозвалась во всем теле. Я посмотрел на свои раны и увидел швы. Порезы, полученные в бою, были очень аккуратно зашиты.

— Блин. До свадьбы заживет, — попробовал подбодрить я сам себя, — что за пятизвездочный отель? Где я?

Но мои вопросы остались без ответа.

Неспящий терпеливо ждал, когда я смогу усесться поудобнее. Наконец-то мне это удалось.

Человек в черном плаще подал мне поднос и отступил к двери. Я посмотрел на еду.

Хлеб, сыр, ветчина и яйца выглядели вполне аппетитно.

Я понял, что дико проголодался.

Позавтракав, я попросил принести мне кофе с молоком и сахаром, чем вызвал замешательство охранников. Тот, который ходил за подносом вышел из комнаты.

Мне казалось, что кофе уже должен был стать популярным напитком в Риме, ведь прошло уже больше трехсот лет с момента арабских завоеваний в Европе

— Как тебя зовут? — спросил я стоящего у двери.

— У неспящих нет имен, сеньор, — ответил он вежливо

— Как же мне к тебе обращаться? — я пытался понять, почему я тут нахожусь. Мне

было абсолютно понятно, что меня считают гостем, раз меня до сих пор не убили и заштопали.

— Скоро придет Маэстро и ответит на все ваши вопросы.

— Кто это?

— Он сейчас временный глава клана.

— Я его знаю?

Воин подумал и кивнул головой

Я понял, что речь идет о киллере, которого я оперировал у барона и который потом дважды спас меня.

Через некоторое время, действительно пришел Маэстро. За ним шел второй воин с медным кофейником и тонкой китайской фарфоровой чашкой на блюде. На нем не было привычной маски неспящего, чем меня он сильно удивил.

Налив мне кофе, он вежливо поздоровался и поинтересовался мои самочувствием.

— Привет, Маэстро. Со мной все в порядке. Давай, ближе к делу. Зачем я здесь? И где мои друзья?

— Сеньор Девитт, ваши друзья в безопасности. С ними все хорошо, и они на свободе. Наши люди присматривают за ними.

Я мысленно выдохнул. Я почему-то доверял ему. Он продолжил:

— Что же касается вас, то не буду ходить вокруг да около: вы здесь для того чтобы выслушать наше новое предложение.

— Какое предложение?

— По нашим правилам, прописанным давным-давно, мы просим вас стать главой нашего клана.

Я не поверил своим ушам и чуть не выронил чашку.

— Меня? — я вытаращил на него глаза, — Я убил двоих ваших, один из которых был основателем клана. Я имею ввиду моего брата Кристофера.

Неспящий опустил глаза и ничего не ответил.

— Таков порядок. Это завещание Гольята...

У меня отлегло от сердца. За мной сохранили свободу выбора. Я не дл ему договорить.

— Спасибо, конечно, большое, но меня ждут мои друзья и желаю поскорее их увидеть.

— Лучше отказаться от этой мысли.

— Почему это?

— Дело в том, что пока вы тут находились, кое-что произошло.

Я внимательно слушал.

Он посмотрел на неспящих у двери, те без слов поклонились и вышли из комнаты.

— Одновременно вместе с убийством кардинала Августина, к которому вы несомненно не имеете никакого отношения, из папской казны были похищены очень значительный суммы.

Он посмотрел мне в глаза, пытаясь понять, как я реагирую на эту информацию.

— Какая-то весомая часть?

— Да.

— Насколько весомая?

— Всё, что можно было вывезти на десяти каретах из папского хранилища.

Я присвистнул.

— Ничего себе!

— Мы тоже пострадали. Гольят Ланге хранил там часть денег клана. У клана совместный бизнес с кое-кем из папского двора.

Я продолжал слушать.

— Кроме этого, по донесению монахов францисканцев, на вас объявлена высшая «папская охота» — Prime Venatio. Любой человек, оказавший вам помощь или проявивший симпатию в ваш адрес будет убит.

— Я слышал про venatio, объявляемой Великим Инквизитором.

— Да. Но все куда серьезнее. Prime Venatio — охота на человека. Ее объявляет Высшее Лицо в Церкви. Такое не случалось уже сто лет. Разница в том, что она может быть распространена на любого человека, любого титула и статуса. На герцогов, королей даже на самого Великого Инквизитора.

Я задумался. Бартель Тиельманс предупреждал меня.

— Папа Лев X считает, что убийство Августина было лично вашим отвлекающим маневром, для того чтобы сосредоточить всю стражу вокруг его тела в Храме Святого Петра и похитить казну.

— Блин, бред, ну мы же ни при чем!

— Все верно. Я тоже точно знаю, что это не ваших рук дело. Но вашим друзьям будет безопаснее, если они вас больше не увидят. Здесь же, среди членов клана вам ничего не угрожает

— Ты сказал, что знаешь, что это не мы, — я погладил себя по вискам, пробуя сосредоточиться и понять знаю ли я кому выгодно это убийство, — а ты знаешь, кто за этим стоит?

Он помедлил с ответом, потом заглянул мне в глаза и сказал:

— Все, что находится внутри клана, всегда остается в самом клане. Если бы вы были одним из нас, то я бы рассказал все, что знаю.

Я почитал в его взгляде искренность. Там не было высокомерия или хитрости.

Я глубоко задумался.

Для того, чтобы узнать ответ, мне нужно было стать членом клана.

У меня и так был свой клан. Зачем мне новый? Да, раньше я хотел их объединить. Но это все из-за брата.

Теперь же, члены клана были для меня по сути чужими людьми.

Убийцами со своим непонятным средневековым кодексом и моралью. Или точнее с ее полным отсутствием.

Мне предлагалось возглавить самый могущественный клан в Европе.

Взамен я должен был положить на алтарь любовь, дружбу, семью и свое прошлое.

А так ли мне важно было узнать кто грабанул Папу Римского?

С какой стати я должен был отказываться от девушки, которую люблю.

Нам уже не раз угрожала опасность. И мне удавалось ее защитить. Я смог одолеть самого крутого киллера Европы.

Конечно, заманчиво было иметь под рукой этакий отряд спецназа из лучших ассасинов в Европе, а может даже и в мире.

Но я не собирался разменивать их общество на свою любовь.

— Где мои друзья?

— Они на корабле маркизы, на борту «Сеньоры де Анточа» и завтра отплывают в Испанию

— Прикажи своим людям доставить меня на корабль. Я отплываю с ними.

Он поклонился и, не поднимая головы, произнес.

— Будет исполнено, — он сказал это четко, по-военному, безо всяких намеков на неискренность.

И у меня не было оснований сомневаться в том, то он выполнит обещанное.

Когда мы с двумя сопровождавшими неспящими вышли из здания реставрируемой церкви, то я увидел ночное небо. Был вечер.

Шагая по улицам, я понял, что Рождество давно отгремело, потому что-то тут, то там у дверей домов стояли остовы осыпавшихся елей.

Судя по их внешнему виду прошло не менее недели. На улицах было довольно пустынно.

Мы оседлали трех великолепных вороных коней в конюшне клана неподалеку и двинулись в сторону Чивитавекья.

Эта картина мне напоминала мою попытку возвращения в трактир «У Оленя».

Живописная дорога шла вдоль морского берега.

Хоть раны мои болели от долгой езды верхом, душа моя наполнялась восторгом от того, что я скоро увижу ту, которая была так желанна.

Я верил, что она ждет меня и я устрою ей большой сюрприз своим появлением.

Мои спутники были неразговорчивы, они в отличие от меня были одеты в свои традиционные черные плащи с капюшонами, и даже в свете яркой луны, сливались с пространством.

Мне было не с кем обсудить похищение казны. Но даже без сторонних комментариев об экономике Ватикана можно было понять, что начать Высшую Охоту на меня вынудили чрезвычайные обстоятельства.

Неслыханно дерзкое ограбление. Кто-то отлично поработал. Они получили деньги навели шороха, а меня подставили. Теперь я обвиняюсь во всех смертных грехах.

Кем же был тот невидимый убийца Августина? Я припомнил свидетеля убийства в сером плаще, который рассказал, что видел символ неспящих.

Едрид-Мадрид! Меня словно током ударило! Ведь это он и есть тот самый убийца! Как же я сразу не догадался...

Мое сердце сжалось от лютой досады.

Душу разъедала ужасная горечь от запоздавшего прозрения.

Я должен был понять сразу на месте! Там в Храме Святого Петра! Это был он! Это человек и есть убийца Августина. Он его убил!

Я не видел его рук под плащом. Он единственный, кто не отступил и вырос незаметно, как гриб из-под земли.

Остальные люди шарахнулись и разбежались, как тараканы. И лишь он один не испугался.

Он указал на символ, но не знал, что неспящие носят свою метку только на пятках, чтобы никто не мог обнаружить знаки. Даже если их разденут до гола.

Очень хитрое решение.

Ни в бане, ни в публичном доме их нельзя было обнаружить.

Мои мысли вернулись к убийце. Он знал о нас, он ждал нас.

Он получал информацию от того, кто следил за нами.

Именно тот самый человек рассказал, нам про то, что Дария и Элайна в опасности.

Он направил нас на выход, заставив других подозревать, что мы с Аартом убийцы.

Я уверен, что в последующих показаниях многие указали на нас, как на преступников только потому что мы бегом удалились из храма.

Люди, шедшие сзади, ничего не знали о том, что именно произошло с нами.

Этот убийца в сером представлял силу, которая сыграла с нами в свою игру. Нами распорядились, как шахматными фигурами.

Воспользовались и убрали с поля.

Я оказался прав — неспящим и Кристоферу это убийство было крайне невыгодно.

Они сами потеряли большие деньги. И с удовольствием наказали бы того, кто нанес им ущерб.

Папской экономике был нанесен весомый удар.

Это был либо дерзкий и удачливый преступник, либо очень сильный конкурент.

Я понял, что тут задействованы очень высокие и влиятельные люди.

Хорошо, что для меня и моих друзей все уже позади. Я твердо решил не возвращаться в Москву. Будь что будет.

Меня там теперь ничего не держало. Родителей моих больше нет на свете, интерес к работе угас. Еще бы! Я тут живого Брейгеля видел. Нет уж! Остаюсь!

Папа хочет меня наказать?

Попробуйте поймите меня!

Я думал, как сяду на корабль, сменю внешность. Для начала подстригусь на лысо, отпущу бороду, научусь носить парики. Меня никто не узнает.

Мы поплывем с Элайной в какую-нибудь далекую страну, я построю новое предприятие.

Аарт воссоздаст наш клан и будет отвечать за нашу общую безопасность. А я буду делать бизнес.

Люди много пока не знают и не умеют. Мы будем вершить настоящую справедливость и двигать прогресс и науку.

Тут можно начинать жизнь с чистого листа.

Конечно, свои минусы присутствовали— инквизиция, отсутствие интернета, мобильной связи, бытового комфорта. Но к этому быстро привыкаешь.

По дороге мы дважды меняли лошадей. Оба раза конюшни точь-в-точь повторяли строение, где мы седлали первых лошадей.

Неспящие имели хорошо развитую сеть постоянных дворов, позволявшую быстро передвигаться и передавать информацию по Европе.

Мне предложили перекусить по дороге, но я отказался опасаясь, что мы не успеем до отхода корабля.

Я продолжал анализировать и строить планы, все больше убеждаясь, что мое решение оставить клан неспящих было верным.

В таких мыслях я провел свой пятичасовой путь от Ватикана до порта.

Меня подвели к пристани на которой дежурили местные гребцы яликов, доставляющие матросов на корабли.

Один из них согласился за умеренную плату довези меня до корабля, принадлежащего маркизе де Альба. Он с опаской поглядывал на моих молчаливых спутников в черном.

Я захотел поблагодарить своих сопровождающих, и полез в кошелек, чтобы достать пару

ЗОЛОТЫХ МОНЕТ.

Мне вернули всю мою одежду в целости и сохранности, заменив мою белоснежную рубаху на точную копию той, которую мне испортил брат в поединке.

Вдруг, в кошельке я нащупал пальцами сложенный лист бумаги.

Я растерянно протянул монеты неспящим, но они отказались принять их.

— Это лишнее. Попутного ветра, — оба мне слегка поклонились, развернулись и ушли.

На пирсе было темно, и я спросил у моего гребца есть ли в ялике фонарь или свеча.

— Если вы решили читать свое послание, то уж лучше делайте это здесь на берегу, сеньор, — покряхтел он в ответ на мою просьбу.

— Принеси мне факел, — я развернул скрипт, но в свете луны ничего не было видно

— Будет сделано, — он был явно недоволен, но видимо опасаясь удаляющихся неспящих, ответил стоворчивым тоном, — отчего же не принести? Принесу.

Он перелез с покачивающегося на волнах ялика на пирс и направился на набережную.

Меня охватило какое-то не понятное чувство тревоги.

Он вернулся через пару минут и посветил мне, чтобы я мог прочитать написанное.

Прочитав первые строки, он видимо увидел, как мои глаза полезли на лоб.

Это был почерк маркизы Дарии де Альба.

Содержание письма маркизы повергло меня в глубокий шок.

«Ты абсолютный идиот, Девитт! Но я тебя не виню. Возможно, ты был слеп и много не знал. Тем не менее я не думаю, что даже теперь ты поймешь меня и примешь то, что сейчас читаешь.

Ты убил человека, которого я безумно любила. Ради которого я затеяла всю историю с побегом из замка барона. Ради которого я была готова пойти на край света и даже на смерть.

Ты убил человека, чьим дыханием я жила и чей взгляд делал меня счастливой. Ты убил Кристофера, своего брата. Он был моей жизнью, моим солнцем, моим сердцем.

Ты не представляешь насколько несчастной ты меня сделал, когда убил его.

Ты даже представить не можешь мою боль и бездну отчаяния, в которую ты меня погрузил. Невыносимо жить понимая, что я больше никогда не увижу его.

Я знаю, что он вызвал тебя на поединок, и он разрешился так как разрешился.

Хотя сдохнуть должен был ты!

Это было желанием Кристофера устроить схватку чести.

Он мог убить тебя множество раз раньше. Но не позволил себе этого, чтобы его не посчитали вероломным трусом.

Я не испытывают к тебе ненависти только по этой причине. Но я испытываю к тебе жгучее презрение. Ты простолюдин, чернь, плебс.

Ты жалкая пародия на своего брата, недоносок приносящий одни беды и смерть.

Ты никогда не сумеешь подняться до его уровня ни в искусстве фехтования, ни в искусстве вести дела, ни в искусстве любви. Никогда.

И я об этом позабочусь. Папа Римский Лев X объявил войну тебе и всем, кто тебя окружает. Всем, кто тебе помогает прописано одно наказание — смерть.

Я присоединяюсь к нему в этой войне.

С того момента, как ты убил Кристофера — мы враги. Ты мой кровный враг.

Я могла тебя убить пока ты спал и восстанавливал от ран, полученных в ходе поединка.

Но я так не хочу. Это была бы слишком простая смерть для тебя.

Я хочу так же, как Кристофер. Я хочу раздавить тебя, чтобы ты понимал, что умираешь от моей руки.

Я хочу, чтобы ты мучился также как я. Сильнее чем я. Когда ты испытаешь боль первых потерь — не вини в ней меня. Вини только себя.

Ты уже знаешь, что Папа объявил на тебя Папскую Охоту. Ты не думай, что понтифик слаб, немощен и миролюбив.

Благодаря мне он знает, что Элайна, ее братец Себастиан и твой дружок Аарт поднялись на борт Сеньора де Анточа четыре дня назад.

Они ждут тебя. Но вряд ли дождутся.

Папа Лев X отдал приказ безжалостно уничтожить всех, кто сейчас находится на борту корабля. Всех до одного.

В том числе капитана и моряков, ни в чем не повинных. Их смерть будет на твоей совести.

Папа будет целенаправленно уничтожать всех, кто тебе помогает. В конце концов твою

голову принесут Папе Римскому в мешке.

Глаз за глаз, написано в священном писании.

Я надеюсь, что ты читаешь эти строки и думаешь, что у тебя есть еще время спасти свою Элайну и Аарта.

Ну что же — вперед. Попробуй, быть может эти увальни из инквизиции не так расторопны, может ты успеешь быстрее них на корабль.

Я, Маркиза Дария де Альба дель Росарио Рикардия Альфонса Виктория Евгени Франциска Фитц-Джеймс-Стюарт-и-Сильваи. треться Маркиза Сан-Винсент-дель-Барко Грандесса Испании, Маркиза Ла-Альгаба, Маркиза Баркаротта, Маркиза Кастаньед; Маркиза Кория, Маркиза Эличе, Маркиза Миральо, Маркиза Ла-Мота, Маркиза Оран; Маркиза Осера, Маркиза Сан-Леонардо, Маркиза Саррия, Маркиза Тарасона, Маркиз Вальдунквильо объявляю тебе войну и вендетту.

P.S.

Папа Римский Лев X благословил меня на это.

Я нахожусь под божественным покровительством.

Теперь, где бы ты не находился, земля будет гореть у тебя под ногами. Теперь ты, и любой, кто тебе помогает больше никогда не будете в безопасности.

Теперь ты будешь настоящим проклятием для всех к кому приближаешься»

— Быстро! Быстро на корабль! — я прыгнул в ялик с пристани, чуть не перевернув его, — Давай! Прыгай сюда быстрее! У нас нет времени!

Яличник переводил взгляд с меня на факел.

— Я схожу отнесу его обратно, сеньор. Не годно его оставлять здесь.

Во мне вскипел гнев. Мое тело дрожало от возбуждения.

— Бросай его в воду! Сейчас же или я вырежу тебе все внутренности, — я злился на его кажущуюся расторопность.

Видимо, вспомнив моих сопровождающих моряк понял, что перечить мне совершенно не стоит и засуетился.

Он выбросил факел, отвязал швартовый трос, и держа его в руках спрыгнул в лодку.

Лоцман стал спешно поднимать паруса.

— Сука! — вырвалось у меня от отчаяния, — как же я не догадался раньше.

Было темно и я никак не мог разглядеть есть ли в ялике вторя пара весел.

Мне хотелось усесться за них.

— У тебя есть вторя пара весел?

Лоцман облизал палец, чтобы понять в какую сторону дует ночной декабрьский бриз.

— Нет, сеньор, только одна пара. — он уже поднимал парус, раскладывая фалы и шкоты.

— В это время года ветер бухте переменчив, как настроение капризной девчонки, — он орудовал снастями свой лодки ловко и уверенно болтая на ходу, — но нам сегодня очень повезло. Мы быстро доберем до «Сеньоры де Анточа»

Я молчал, разглядывая нехитрое устройство его малого суденышка.

— Могу я узнать, сеньор, в чем причина такой спешки?

Парус надулся от ветра и ял. подбрасываемый волнами стал набирать скорость.

— Моим друзьям и девушке угрожает смертельная опасность. Мне нужно их предупредить, счет идет на мгновения.

Лоцман укоризненно покачал головой. Это был седовласый старик с морщинистым лицом и роскошной белой бородой.

— Могут ли сделать для вас что-то еще? — было видно, что его слова искренние, но тоже проникся ко мне, переживал и хотел помочь. Я испытывал к нему симпатию.

— Дай мне весла и объясни, как грести.

Он посмотрел на мои руки и произнес:

— Вы умеете грести? Вы гребли когда-нибудь в открытом море?

— Нет. А что?

— Это плохая идея, сеньор.

— Почему?

— Не хочу вас обидеть, но у вас слишком нежные руки. Вы натрете руки через пятьдесят или шестьдесят гребков, — он крикнул, привязывая шкот к руке лебедке и полностью выбрав фал, — а потом бросите это дело. Кроме того, нужно еще понимать, как грести, чтобы не мешать парусу.

— Тогда сам садись за весла и гребь что есть мочи, — я снял с пояса увесистый кошелек полный монет подбросил в руке так, что они звякнули, — здесь нет серебра. Только золото. Ты получишь весь мой кошелек с монетами и станешь богат, если мы успеем на корабль до беды.

Лоцман молча посмотрел на меня, я заметил в его глазах огонек.

Жажда наживы в таких случаях работала лучше любого паруса или двигателя. Старый моряк поплевал себе в ладони и вставив весла в ключины, готовясь грести.

— Сеньор, вам придется выполнять мои команды, если ветер переменится или нас начнет сносить течением. Перейдите ближе к рулю.

— Хорошо, я готов, только говори, что делать.

— Пока ничего. Я пока справляюсь.

После его слов встал на корму ближе стерну — рулевому веслу.

Развернутый парус не мешал обзору. Я стал всматриваться в ночную мглу, покрывающую море и пытался разглядеть силуэт «Сеньоры де Анточо»

— Элааайнааа, Ааарт, — сложив руки рупором у губ, я кричал в надежде быть услышанным.

— Сеньор, это бесполезно, поберегите горло! Мы еще очень далеко они нас не услышат, — лоцман укоризненно покачал головой.

Я погрузился в свои мысли.

Какая же она сука! Дария обвела всех нас вокруг пальца, как несмышлёных детей.

Теперь этот сложный пазл полностью сложился в моей голове.

Мне вспомнились мои сомнения и поведение моего брата перед схваткой.

С одной стороны, он не мог малодушно обмануть меня. В глазах членов клана он потерял бы уважение, если бы использовал дешёвый обман.

Когда Кристофер принимал мои условия нашей дуэли, то он знал, что Дария мне не друг. И никогда им не была.

Поэтому так легко согласился отпустить моих друзей.

Я с самого начала подозревал, что маркиза ведет свою игру и играет нами, как

мышатами.

Но даже в самых смелых фантазиях я не мог предположить, что их что-то связывает с моим братом.

По правде говоря, я до сих пор с трудом воспринимал то, что Кристофер оказался главой клана неспящих.

Маркиза же цинично кружила голову Аарту, давая ему несбыточную надежду на будущее.

Жаль Аарт тоже не разглядел этого раньше. Я вспомнил, как Себастиан рассказывал нам про Кристофера.

Тот появился в замке тогда, когда барон вернулся с похода. С войны, после которой Ван Туйль получил Дарию в залог.

Очевидно, что Кристофер работал на род Альба. Его послали от Альба сопровождать обозы с награбленным.

Ему улыбнулась удача — Дарию отправили в Розенлаарь. Там он должен был свести счеты со мной, заполучить себе и поместье барона, и его невесту. У него все было готово для этого.

Но тут я отправился на охоту и исчез там на три дня. Я смешал все карты Кристоферу своим возвращением. Он больше не мог тянуть с побегом, и дождавшись подмоги, собирался уйти из замка вместе с Дарией.

Именно к нему она спешила, когда столкнулась со мной в коридоре в тот самый вечер.

Она должна была бежать в ту ночь, когда умерла баронесса, мать братьев баронов Ван Туйль. Но столкнулась со мной. Она знала кто я. Она понимала, что я брат ее возлюбленного.

Мое появление вызвало женское любопытство, а может быть она собиралась преподнести Кристоферу подарок в виде меня на блюдечке с голубой каемочкой. Сейчас это не важно. Важно, что она решила, что люди Кристофера могут подождать.

Черные плащи поняли, что что-то не так, и пришли за ней в ее палату, чтобы вызволить ее.

Я принял это за попытку похищения. Дальше мы убили всех черных за исключением, того кто дважды спас меня — Маэстро.

Дария опасаясь, что он выдаст ее под пытками, попыталась пристрелить его из арбалета.

Маэстро — сильный мужик.

Теперь я оценил мужество и преданность неспящего, самостоятельно добравшегося до Ватикана и оставшегося преданным Гольяту до конца.

Кристофер, сымитировавший свое пленение или смерть по дороге, не решился выступить один против нас троих. Меня, Аарта и Себастиана.

Ватикан — другое дело. В Риме же он чувствовал себя как рыба в воде. Там была его штаб-квартира и десятки неспящих.

Возможно, это Дария уговорила его не торопить события и окончательно разобраться со мной в Риме, после запланированной встречи с Папой Римским

Она не плохо соображала в экономике.

И ее вдохновил мой план создания системы переработки сырья: от шерсти до готового платья.

Имея влияние Августина и ресурсы Кристофера, они быстро сколотили бы величайшую

монополию в истории Европы.

Ост-Индийская компания показалась бы игрушкой в песочнице, по сравнению с тем, что могли бы они построить.

Нужно было лишь согласие Папы на использование бесплатного труда монахов в монастырях по всему миру. И он бы его дал. Августин был в этом уверен.

Единственным выпадающим звеном, был тот, кому все это было словно кость в горле.

И к моему великому сожалению, я ничего не знал об этом человеке.

В отличии от Дарии, которая шла к своей цели по головам. Я не раскусил ее сразу. Стас понявший, что Дария предатель, пытался предупредить меня об этом пред смертью.

«Ла, Дария» успел я прочить по его губам перед смертью. «Меня убила Дария». Вот что он пытался сказать мне перед смертью на русском.

Я пытался отвлечься от плохих мыслей пока лоцман ритмично греб подгоняемый ветром и жаждой получить мой кошелек.

Нам оставалось метров двести до корабля. Мы почти доплыли.

Я присмотрелся и увидел женский силуэт, стоящий у борта. На палубе царило спокойствие, никаких следов пребывания инквизиторов. У меня отлегло от сердца. Это была моя ненаглядная. Мне казалось, что я вижу ее улыбку в свете корабельного фонаря.

«Фууух, успел!»

Я снова встал на нос и закричал.

— Элаайннааа, это я Девиитт! я плыву к тебе!

— Девиитт! Как же я тебя жду! Плыви скорее ко мне! Аарт, — она закричала куда-то за спину, — иди скорее сюда. Девиитт вернулся!

Через секунду рядом с не стоял мой кузен и махал мне платком в руке.

— Эй, братишка рад тебя видеть! Где ты был?

— Сейчас поднимусь на палубу и расскажу! — радость переполняла мое сердце, я так ждал этой встречи с близкими людьми.! — Аарт прикажи готовить корабль к отплытию, поднимай паруса, у нас крупные проблемы.

Я покосился на лоцмана, но похоже того интересовали только деньги. Он усиленно греб до корабля оставалось еще метров сто пятьдесят.

— Капитан, свистайте всех наверх, мы отправляемся! — я услышал властный крик Аарта.

Внезапно в следующее мгновение я увидел огромный столб огня по центру корабля в том месте, где только что стояли Элайна и Аарт!

Плеск волн поглотил звук чудовищного взрыва. Он ударил по перепонкам так сильно, что мне казалось, что я нахожусь в самом центре грозового облака, исторгающего из себя гром.

Я инстинктивно зажал ушные раковины руками. Взрывная волна ураганом прокатилась во все стороны над поверхностью моря от эпицентра. Нас качнуло и развернуло вбок так, что я опрокинулся на спину, лоцман потерял весла.

Казалось, что вывернутый парус нашего яла лопнет посередине.

Мое сердце сжалось и превратилось в сплошной комок боли.

Сотни тысяч кусков деревянной обшивки, мачт, палубы и фрагменты тел моряков сначала взметнулись в небо, а потом начали падать вокруг нас, шлепаясь о воду с отвратительным звуком. Лоцман пригнулся и в страхе прикрыл голову локтем.

Я стоял контуженный на четвереньках и пытался разглядеть корабль за

рассеивающимся облаком дыма.

Но теперь там, где только что находилась Сеньора де Анточа плавала куча обломков. И ни одного пассажира или члена экипажа.

Я хотел орать, но легкие свернула судорога от горя и осознания, что я только, что всё потерял.

И я не мог ни кричать, ни вдохнуть. Я бил кулаками по борту и из моих глаз лился град крупных слез, которые я не хотел останавливать.

Я вспомнил того самого первого мстителя, родоначальника нашего клана, потерявшего свою семью.

Он чувствовал тоже самое в минуты, когда узнал о гибели своей семьи.

Как же это тяжело переносить. Понимать, что я не успел совсем чуть-чуть, было хуже самой смерти.

Они умерли мгновенно. А я остался жить. Для чего?

Чтобы мучиться всю оставшуюся жизнь от потери близких?

Не успел, не спас, не уберег.

В моей голове родилась клятва.

Я Савва Филатьев, бывший сисадмин из Москвы, обещаю, что Папа Римский Лев X и Маркиза Дария де Альба ответят за содеянное. Они заплатят очень большую цену.

Не нужно было меня злить. Не нужно было трогать моих друзей. Не нужно было убивать мою любовь.

Мне больше нечего терять. Совсем нечего. Теперь я без тормозов. Я разрушу все что им дорого.

Я лишу Папу Римского и католическую церковь их влияния в Европе, а потом в мире. Маркизу ждут черные времена. Я не воюю с женщинами, но она сама загонит себя в клетку ко львам.

Я — элито, пришедший с Востока из Клингенбурга для того чтобы повернуть ход истории. Так говорил наш прародитель клана, так говорил мой отец.

Я передумал насчет неспящих. Я вернусь и приму их предложение. Но только теперь это будет совершенно другой клан.

Инквизиторы меня считали одержимым? Прекрасно! Теперь я действительно одержим идеей мести. Я создам новый клан, объединяющий мстителей и неспящих.

Я буду строить, новый клан в каждую минуту. День и ночь, пока не создам самую могущественную силу — мощнейший в мире клан. И это будет мой личный клан. Клан Одержимого.

Я не видел, как далеко за моей спиной на пирсе стояла лошадь с всадником в темно-синем балахоне. Он появилась там почти сразу после того, как мы отплыли на своем ялике. Никто не знал этого человека и не видел его здесь раньше. накиннутый на голову капюшон скрывал лицо.

Блеклый свет Луны лишь совсем немного освещал кончик носа.

Всадник тоже наблюдал картину порохового взрыва, уничтожившего в одночасье один из кораблей на рейде.

В момент взрыва лошадь дернулась и загарцевала на месте, цокая копытами.

Животное настолько испугал раскат взрыва, что оно сначала подсело на задние ноги, а потом лошадь попробовала рвануть с места в галоп от страха.

Всаднику пришлось приложить немало усилий, чтобы удержать свою гнедую кобылу в

узде. Когда ему это удалось — сидевший верхом человек отвел поводья влево, заставляя лошадь выписать круги на месте, то на его лице промелькнула торжествующая улыбка. Никто не мог с точностью сказать кому принадлежала эта улыбка. Мужчине или женщине.

Прошло ровно два года с тех пор, как Сеньора де Анточа была взорвана на моих глазах. Я хорошо помнил, что сразу после взрыва над морем сгустились тучи и начался ужасный шторм, потопивший и выбросивший на берег десятки других кораблей.

Тогда я не знал, что я явился причиной этого шторма. Мой гнев вызвал его. Моё внутренний источник давал невероятное количество силы и энергии.

Позже я узнал, что дождь в декабре, потушивший пожар в доме Элайны, смерть барона Ван Туйля от удар молнией, шторм в день гибели «Сеньоры да Анточа» это все результат действия моего магического дара.

И мне предстояло научиться им пользоваться очень избирательно.

Я сидел за столом и занимался подсчетами. Получалось отлично. Теперь у меня достаточно ресурсов. Бизнес приносил баснословные барыши.

Ганзейцы не очень понимали, как торговать с русскими. Они все равно считали нас дикарями.

Им нужен был кто-то, кто объяснит, что наши бояре и князья не аборигены в пустыне. Мы уже семь веков как приняли христианство, строили свои города и расширяли государство со своими правилами и законом.

Европейские торгаши поначалу пытались привозить в Новгород самое барахло, и продавать его нам за золото и серебро. Хотели брать рабами и рабынями, но мы свободные люди. Не бывать этому.

Побывав там, в Европе, я знал, что нам нужны торговые отношения другого типа.

Я заявился в контору Ганзы в Новгороде и сообщил, что готов удесятерить их доходы от торговли и увеличить объем поставляемых товаров, если они возьмут меня в советники и будут действовать в соответствии с моим планом.

Поначалу представители Ганзы отнеслись к моему предложению скептически, и чуть было не прогнали меня, но жажда получить дополнительные тысячу процентов прибыли сделали свое дело.

Для начала я настоял на отмене оплаты твердым серебром или золотом.

Я доказал, что выгоднее отправлять обратно не пустые корабли, а заполнять трюмы российскими товарами: пушниной, воском, медом, кожей, рыбой, свечами.

На бартер я заказывал только то, что действительно имело ценность для нас.

Оружие, сукно, примитивные инструменты для кузен и литейных мастерских, небольших столярных цехов.

У нас пока не было своих пил, и наши мастера пользовались одними топорами.

Хоть они и делали это виртуозно, наша деревообработка пока сильно отставала от европейской.

Нам так же мешало отсутствие угля для печей, с углем было быстрее и проще обжигать глину для производства кирпича и посуды.

Собственного угля мы пока еще не добывали. Чего не скажешь о британцах.

В иной год, мы могли продавать свои излишки зерна за серебро, потому что в Европе всегда его не хватало.

Эта ситуация надоумила меня на постройку первой водяной мельницы на реке Верже.

В то время мельница в Новгороде были сплошь ручными, и мука добывалась тяжелым

трудом. Очень частая смена налогов была обращена в первую очередь, на изъятие зерна в казну. Про муку же в царских грамотах ничего сказано не было. А хранить продавать муку всегда было намного выгоднее.

Но наша русская предприимчивость помогала выживать и развиваться, но большая территория и суровый климат мешали нам в развитии.

Имея сложные природные условия, русские искали способы заработать быстрее, а не больше. Это многое объясняло в характере нашего народа.

Чем лучше шли мои дела, тем глубже становилась черная дыра в душе, прожжённая предыдущими событиями.

Дела я вел опекаемый наместником Великого Князя Всея Руси в Новгороде — Василием Никитичем Таракановым.

Он очень любил меня и поддерживал во всех начинаниях. Я щедро делился с ним прибылью и помогал решать разные дела в городе.

Правда, Василий Никитич журил меня всегда за то, что я всякий раз отказывался от участия в пирах, свадьбах и в других увеселительных забавах.

Но получив неоднократный и твердый отказ, наместник Великого Князя оставил за мной право быть молчаливым, никогда не смеющимся боярином.

С моей подачи в городе появились освещение, каменные мостовые и училища для молодых подмастерий.

В окрестных деревнях и хуторах я налаживал фермы, производящие молочную еду. У нас бурно развивалось производство творога, сметаны, сливок, сыров.

Женщины научились прядильному делу, и теперь новгородские купцы продавали ткани и изделия по всей Руси.

В небольших селах я открывал кузни, которые самостоятельно производили подковы, топоры, ножи, дверные петли, корабельные скобы, гвозди.

Экономика Новгорода ожила и народ стал процветать.

Местная знать и духовенство так же старались поддерживать со мной дружбу.

Хоть я многих и не жаловал, но все же членам Новгородского Вече — совета бояр и Владыкам Новгородской Епархии, исправно заказывал и привозил из Европы предметы роскоши.

Мебель, тонкую фарфоровую посуду, изящное оружие, медные подсвечники, кувшины и подносы.

Все это добро шло для того, чтобы бояре и церковники благоволили мне и помогали в делах.

Я раскрутился и дело приобрело такой размах, что через два года усердной работы, мой капитал так вырос, что я мог позволить купить собственный торговый флот.

У меня было четыре собственных корабля с командами. Но поток товаров и перевозок все возрастал и мне, по-хорошему, нужен был еще с десятков кораблей

Но я пока не спешил с этим вопросом. Корпорация все расширялась и расширялась и мне уже нужно было позаботиться о ее безопасности.

Соседи из Твери, Владимира-Суздаля начали косо поглядывать на наших новгородских купцов и крестьян, выглядевших опрятно и богато.

Пока еще никто не покушался, но зная, тысячелетнюю привычку центра Руси прибираться к рукам то, что приносит доход, я должен был обезопасить корпорацию наперед.

Делал это где-то подкупом и выгодой, а где-то силой и жесткостью.

Сам-то Мартын Иванович Лютый, так теперь меня звали, мог постоять за себя.

И я не раз раздавал люлей местным портовым здоровякам забиякам.

Они боялись меня, как огня и уважительно здоровались, обходя стороной. Так же, как и стражники городской дружины знали, что Лютого лучше не трогать. Лучше с ним дружить.

Но одно дело боярин, другое дело его предприятие.

Работать без прикрытых тылов становилось не только опасно, но и глупо. На кон было поставлено очень многое!

Делать то, что я запланировал без собственной быстрой умелой и тайной дружины дальше было невозможно.

Нужно было возрождать свой клан.

Поэтому были у меня дела, о которых не знал никто из моего окружения.

И я вот уже месяц, как дожидался вестей из Ладожского порта.

В одно сентябрьское утро дверь в дверь моего роскошного кабинета уставленного европейской мебелью и устланного персидским коврами постучались:

— Барин, Мартын Иванович, к вам гости пожаловали— прохрипел в сенях своим сиповатым голосом Прохор, мой слуга и по совместительству оруженосец. Крепкий молодой мужик тридцати лет отроду, выкупленный мной из рабства на английском флоте(тип корабля), доставившем меня из Европы в Ладогу.

— Кто такие? Заходи.

— Не могу знать, барин. Иностранец. По-русски не бельмеса, просил передать вам вот это, — Прохор протянул мне маленькую бумажную карточку наподобие визитки.

На ней был изображен ромб с полуприкрытым глазом.

— Он один?

— Один, Мартын Иванович.

— Зови. Вели накрывать стол в трапезной, — сказал я строго.

— А как накрывать по-повседневному или по-праздничному, с осетрами и икрой?

— Давай по-обычному.

— А пить, что изволите, водки? Медовухи с квасом? Или этого ихнего коньяку?

— Принеси красного вина.

— Будет исполнено, барин!

Прохор вышел из моего кабинета и отправился за гостем. Через некоторое время он вернулся отворил дверь и пытаясь выказать уважение, поклонился, пропустил человека в черном плаще вперед себя.

Я узнал его сразу. Мой спаситель из неспящих вновь стоял передо мной.

— Мартын Иванович Лютый! — громко представил меня Прохор, поведя в мою сторону ладонью, чем вызвал улыбку на лице гостя.

Мой оруженосец старался изо всех сил произвести на иностранца благостное впечатление обо мне и представить меня, как полагается.

Делал он это несколько неуклюже, артистично, но нужно отдать ему должное.

В осанке, мимике и жестах Прохора было столько достоинства, что ему могли бы позавидовать некоторые европейские дворяне.

Он бесцеремонно разглядывал гостя, ожидая восторженного отношения к своему хозяину.

Всем своим видом он показывал, что гостю оказали великою честь, пригласив его в кабинет к одному из влиятельнейших людей в городе, и Руси.

Несмотря на молодость и юность своего хозяина, меня, двадцатипятилетнего боярина, оруженосец считал вторым человеком во всей Русской Державе. После Великого Князя.

— Ступай, Прохор я тебя позову, если мне что-то потребуется. Оставь меня с этим господином наедине.

Я вышел из-за стола, подошел к гостю протянул ему руку для рукопожатия.

Он протянул руку на встречу.

Прохор, убедившись, что мне ничто не угрожает поклонился еще раз и вышел из комнаты.

В сводчатые окна моей горницы пробивался яркий солнечный свет, и я разглядывая его небритое лицо своего посетителя усадил его на диван.

— Маэстро, здравствуй. Как добрался? Наслаждался нашими красотами? — я старался придать своему холодному голосу хотя бы тень доброжелательности, но мне это плохо удавалось.

— Я тоже рад вас видеть. Добирался я сложно — с приключениями. Красотами насладится пока не успел. Но должен сказать, что перенос штаб квартиры клана в Новгород было отличной идеей.

— Что ты имеешь ввиду?

— Я впервые нахожусь в местах, где Папа Римский не имеет никакой власти. Абсолютно. Это вызывает приятную легкость, — он оглядел кабинет, — чувствуется размах. В Европе нет такой свободы. Я рад, что у вас дела пошли вверх.

Я промолчал, посмотрел в свои записи и захлопнул учетную книгу. Дела, действительно, шли как надо.

— Что за приключения были у тебя?

— Скорее не только у меня, но и у всех неспящих. Ищейки, нанятые маркизой де Альба разыскали наши здания в Риме. Вместе со швейцарскими гвардейцами, они проникли в них.

— Даже несмотря на то, что им пришлось столкнуться с лабиринтом?

— Да. Это их задержало на некоторое время. Но потом мы еле унесли ноги по тайному лазу. Двое наших братьев погибли, защищая наш отход. Пострадали семьи и близкие. Погибли невинные.

Он говорил без напряжения, спокойно. Будто бы смерти семей для него обыденны.

Вторая плохая новость состояла в том, что, имея огромное влияние и совместный бизнес, Папа заблокировал большую часть казны клана.

— Мы все теперь такие же как вы. На нас объявлена охота.

— Тебя это пугает? — я поднял голову от своих записей.

Маэстре скривился, демонстрируя свое пренебрежение к страху.

— Меня пугает только одно.

— Что именно?

— Те из нас, кто имеет родственников, и имел неосторожность общаться с ними уже понесли потери. Люди Папы устроили над родней массовые экзекуции. Под видом борьбы с еретиками были сожжены члены пятнадцати семей, — он отвернулся от моего прямого взгляда, — я боюсь не успеть отомстить за всех.

— Маэстро. Разве у неспящих есть семьи и близкие?

— При Гольяте все братья забыли о существовании семей. Но я совершил

непростительный промах — разрешил встречаться с семьями раз в год. Это было катастрофической ошибкой. Их смерти на моей совести. За нами следили. Делали это очень искусно. Так, что мы не замечали. Такое впервые произошло с неспящими. Нас никто не мог выследить раньше.

— Нет! — я попробовал его успокоить, — даже не думай! Их смерть на совести тех, кто убил без причины этих мирных людей.

Он грустно кивнул, принимая сказанное

— За тобой тоже следили?

— Последнего следока я выкинул за борт еще в порту отплытия, предварительно допросив. Он мало что знал, но кое-что я все же выведал, — он встал с дивана и прошелся по комнате, остановившись у одного из окон, — Папа был в бешенстве от того, что вы как сквозь землю провалились. Обычно, Папская охота дает результаты на вторую неделю. А тут пошел третий год, они перевернули вверх дном всю Европу и Америку, а вас нигде нет.

— Думаешь, поэтому он дал команду убивать семьи?

— Я точно не знаю.

Было похоже, что он именно так и думает.

— Я вот, что тебе скажу. Даю тебе слово мы отомстим за всех наших.

— Звучит подбадривающе, но как мы это сделаем?

— Я разорву Папу. Ты привез карты, которые я просил?

Маэстро кивнул и вытащил из рукава свитки. Мои брови сдвинулись. А в душе снова заняла черная тоска. Увидев карту, я снова вспомнил, как взорвался корабль, на котором находились Элайна с Аартом.

— Спасибо. Подскажи, удалось ли узнать, кто именно приказал совершить подрыв «название корабля»? Это был Папа?

— После поединка, между вами и Гольятом маркиза сначала отправила всех ваших друзей на корабль, приказала ждать вашего возвращения. Затем покинула нашу цитадель, исповедовалась Папе подтвердила, что вы убили Августина и Голайна, сообщила местонахождение корабля Папе. Тот отдал приказ взорвать корабль. Хотя он знал, что вас на корабле не было.

— Она утаила это от Папы?

Он молча кивнул.

— Зачем?

— Не мне объяснять главе клана мстителей, как сладка месть.

— Деньги? — я спросил о том, что сделалось огромными ресурсами клана.

— Осталась десятая часть в тайниках. Я немного привез с собой. Думаю, было бы не плохо вложить их здесь в дело.

Я выплянул в коридор, чтобы убедиться, что нас никто не подслушивает. Вернувшись я продолжил:

— Я сломаю Папу, я сломаю его влияние. Больше не будет единой Церкви в Европе. Маркиза же..., — я промолчал. Я не придумал для нее наказания, — готовься. Именно для этого я вызвал тебя сюда, Маэстро.

— Я рад это слышать. Чтож внизу нас ждут трое братьев. Мы встанем в ромб, вы в центр, а далее мы проведем обряд инициации. Вы станете нашим новым главой клана. Полноправным вождем.

— Нет.

— Нет? — он удивленно развернулся ко мне, — разве не для этого вы меня пригласили, написав, что вы согласны?

— Нет. Мы сделаем главой клана неспящих тебя. И он войдет в мой новый клан, станет его важной частью.

— Новый клан?

— Клан Одержимого. В него войдут моя новая корпорация и клан неспящих.

— Я понял вас и принимаю ваше предложение. Мы можем провести инициацию прямо сейчас?

— Да, в клане одержимого все просто.

Я изложил ему правила. Рассказал про новый символ, в котором в нижней части ромба будет выделять латинская буква V, символизирующее объединение кланов мстителей и неспящих.

— Если тебя все устраивает поклянись мне в верности. Твоего слова и руки будет достаточно, чтобы закрепить клятву.

Маэстро поднял руку и произнес клятву верности.

— Теперь, если вы не возражаете, я посвящу вас в члены клана неспящих.

Я согласился. Он ушел и вернулся с остальными.

Среди них был Андреас, который прямо у порога встал на колени, склонил голову.

— Я виноват, Девиэт. В твоей власти решить, что со мной будет дальше.

— Встань. Я знаю, ты не сделал мне и мои близким ничего дурного.

Я подошел протянул ему руку, и, когда он поднялся, обнял его.

После этого я поздоровался с каждым вновь вошедшим.

— Ну что? Начнем?

В моем кабинете был тайный ход в скрытое помещение, где я хранил свои бумаги, старую одежду и оружие Девиэта, и где я иногда отдыхал, когда мне было нужно остаться совсем наедине.

Я пригласил неспящих в эту комнату для того чтобы провести обряд.

Четверо неспящих из совета командиров сначала посвятили в клан меня, для того чтобы я потом мог передать бразды правления Маэстро.

Сам ритуал инициации представлял из себя наложение шпаги на плечо, совершение небольшого надреза и прочтение текста клятвы клана.

Четверо становились ромбом. А того, кого посвящали ставили в середину.

Четыре шпаги ложились на шею того, кто проходил инициацию с разных сторон, так, что клинки могли отсечь ему голову.

После того как я зачитал клятву, мне сделали небольшой, едва заметный надрез на шее, и я поставил печать собственной кровью на пергаменте, закрепляющем меня равным среди братии клана неспящих.

— Мэстро, расскажи почему именно такой ритуал и символ клана?

— Когда мы были юнцами, мы сбились в небольшую команду, которая позволила нам выжить. Нас преследовали Долгое время мы жили в лесу среди диких животных. Ночью мы ложились спать, располагаясь ромбом, — он говорил это с серьезным выражением лица, что не оставляло сомнения в том что они пережили немало потрясений — а один из нас оставался в центре.

— Почему?

— Зверь мог подкрасться в темноте, напасть и убить того, что стоял на страже. Если часовой находился в центре он мог разбудить и спасти остальных. Но на самом деле никто не спал. Все боялись быть убитым зверем. Когда мы это поняли, мы назвали себя кланом неспящих.

— Кто-нибудь погиб в лесу?

Маэстро отрицательно покачал головой.

— Гольят выстроил такую систему, что мы все оставались целы и невредимы. Так было до того момента, как мы столкнулись с вашим сопротивлением в замке барона

— Ни один неспящий не погиб за десяток лет? — воскликнул я удивленно

— Все верно. Когда в замке от вашей руки погиб брат Яков, то я понял, что вы — Элитио.

Остальные поклонились, услышав это слово

— Отныне назначу тебя главой клана неспящих. Есть ли у господ командиров возражения?

Неспящие как один отрицательно замотали головами.

Маэстро приложил ладонь к груди в знак того, что принял обязанности главы клана.

— Понятно, — а теперь друзья мои я приглашаю вас на великолепный обед.

— Благодарим, вас сеньор. Но мы никогда не обедаем вместе из соображений безопасности. Мы сами разберемся с трапезой. Лучше отдайте нам распоряжения.

— Чтож меня это огорчает, но я не буду ломать ваши порядки. Нам нужно о многом поговорить и подготовиться к большой войне. Очень большой.

Я рассказал неспящим ту часть своего плана, которую им полагалось знать.

Я разделил их надвое. Двое отправлялась обратно в Европу, искать и готовить к войне моих новых союзников среди католических священников, недовольных Папой.

Я снабдил их подробными инструкциями, позволяющими работать и вербовать только лояльных и преданных нам пастырей

Двух я направил в стольный град — в Москву.

Там они должны были собирать информацию, заводить контакты при дворе в среде бояр. Подбирать лихих людей, оказавшихся не у дел, готовых стать со временем членами нашей новой семьи, вступить в братию клана Одержимого.

В столице эти двое, во главе с Маэстро, должны были найти моего человека Гришку Грека, который служил бы переводчиком и проводником.

Я знал, что Маэстро сможет держать мою новую «чвк» в ежовых рукавицах.

Из лучших, из железных людей, прошедших испытания, я собирался выковывать костяк своего будущего клана.

Проводив неспящих, я решил убрать карты и бумаги, привезенные Маэстро в тайную комнату.

Это были карты с указанием морских путей испанского флота, который единолично владел морями у побережья Африки и обеих Америк. Я готовил моим врагам большой сюрприз.

Войдя в помещение, в котором меня еще недавно посвятили в неспящие, я услышал деревянный скрип.

Сорвав катану со стены, я подскочил к платяному шкафу и резко распахнул дверцы.

На меня смотрела пара очаровательных женских глаз.

— Что ты тут делаешь? — спросил я по-испански одну из тех близняшек, которых я привез из терм Чивитавекья. Они бывали здесь иногда со мной.

Убрав оружие в ножны, я жестом приказал выйти из ей шкафа.

— Прости меня мой господин. Я очень виновата. Я не хотела быть свидетелем всего что я увидела.

— Что ты видела?

— Всё, мой господин. Я видела всё. Я слышала весь разговор с человеком в черном и видела, как вас посвятили в члены Клана.

Я требовательно молчал, сложив руки на груди и ожидал продолжения.

— Я хотела вместе с Анабеллой сделать тебе сюрприз. Сегодня вторая годовщина с момента, как ты нас освободил.

Я смотрел на нее и обдумывал ее слова. Это было похоже на правду.

— Теперь ты меня убьешь? — по ее щеке скатилась слеза. Ее волнение было искренним. Раз уж так сложилось, что она все узнала, мне поневоле придется делать из нее и ее сестры воина.

Не хотел я вмешивать в свои планы женщин.

Утрата той одной, самой лучшей из всех на земле отбила желание приближать к себе и раскрываться перед ними.

Нет, прекрасный пол постоянно присутствовал в моей жизни. Мой молодой организм требовал своего, и он получал это в избытке.

Как и у всякого здорового мужчины тяга к женщинам ярко и красочно реализовывалась с помощью этих двух сестер.

Но одно дело просто заниматься сексом, удовлетворяя могучее мужское — совсем другое чувствовать, что ты являешься половиной целого.

Когда познаешь, любишь и сливаешься с девушкой, без которой не можешь жить и дышать. И чей голос, облеченный в смех или любовный стон окрыляет мужчину и возносит его на невероятную высоту.

— Почему ты решила, что я тебя убью?

— Люди про тебя разное говорят.

— Что именно про меня говорят люди?

— Я знаю, что это не так, но одни говорят, что ты колдун. Другие, что твои враги погибают, потому что ты заключил сделку со злыми духами.

Меня не огорчали эти слухи, тем не менее мне нужно было разобраться.

В некотором роде она была права, но мне было важно чтобы мне не прицепили клейма безбожника.

Именно поэтому я ходил на все воскресные службы в церковь и поддерживал хорошие отношения с местным духовенством.

— Два года большое срок. Я даже не заметил, как они пролетели. Я согласен это надо отпраздновать. Сегодня закатим пирушку.

Впервые за время пребывания в Новгороде я посчитал это хорошей мыслью. Мне было что отпраздновать. Подготовительный этап моего плана завершился. В этот день я начал

создавать свой новый клан.

Он брал начало с мощной базы.

Она присела на краешек дивана и отвернулась. Ей казалось, что я ей лгу. Я чувствовал, что она боялась меня.

— Успокойся Габриэлла. Плохо, что ты все услышала, — я сделал паузу, — но теперь у меня нет иного выхода, как сделать тебя членом Клана Одержимого. Я буду учить тебя всему.

Она с недоверием посмотрела на меня.

— Правда? А Анабелла?

— Да, правда. И Анабеллу тоже придется учить. Я научу тебя защищаться, научу писать и читать на разных языках. Научу управлять лошадью.

— Я умею ездить верхом! Мой отец — вождь племени туарегов, у нас все женщины племени умеют стрелять из лука и ездить верхом так, что ваши лучшие мужчины покажутся увальнями по сравнению с ними.

Я посмотрел на ее красивое тело, одетое в русский сарафан.

— Раздевайся, вон там в сундуке ты найдешь пару штанов и рубах, переоденься, носи вторую пару Анабелле и приходите в старую конюшню. Покажите, что умеют женщины вашего племени.

— Один вопрос мой господин. Почему ты сказал, что «придется»? Тебе неприятно наше общество?

— Нет, с вашим обществом все в порядке. Просто я больше не хочу подвергать своих женщин опасности.

— Мы и есть сама опасность, господин, — Габриэлла озорно улыбалась.

Я посмотрел на нее.

— Захлопни за собой дверь в потайную комнату.

Я вышел и спустился во внутренний двор.

Построив новую более просторную конюшню, я переоборудовал старую в тренировочный зал. Теплое помещение подходило, как нельзя кстати.

Мягкие полы, устланные смесью речного песка с опилками, имитировали природный грунт.

На стенах висело оружие разных видов: щиты, сабли шпаги, мечи, алебарды. На Руси уже появились первые пистолы, и мушкеты. Но конструкция огнестрельного оружия оставляла желать лучшего и была пока жутко ненадежной.

В свободное время и занимался конструированием пускового механизма и собирался наладить производство оружия, для чего нужно было получить величайшее соизволение — разрешение Великого Князя. Я даже подыскал подходящее место для мануфактуры.

А в целом огнестрел оставлял желать лучшего. Пистолы давали осечки, дальноточность не превышала двадцати метров, а точности можно было забыть.

Поэтому пока приходилось уделять основное внимание тренировкам по фехтованию.

Я снял со стены тренировочные деревянные шпаги и стал разминаться.

Неподалеку стояли манекены для отработки дистанции и уколов.

К потолку была подвешена балка похожая на рельсу, по которой двигался манекен с деревянной шпагой.

Я долго создавал этот тренажер, имитирующий неожиданные атаки.

Каждый раз он атаковал совершенно непредсказуемо, за счет системы сложных шарниров.

Он помогал держать себя в форме. Я усложнял тренировки расставляя на грунте разные препятствия, кубы неровности, пни, бочки и коряги. Иногда, я завязывал себе один глаз сужая поле зрения.

Самым сложным в моих тренировках была защита в положении, когда я стоял спиной к тренажеру.

Конечно, он не мог мне заменить человека — партнера, и раз в неделю, ко мне приходил в гости управляющий ганзейской конторой Марио, с которым мы проводили двухчасовую тренировку.

Я пробовал это делать со своим оруженосцем, но к сожалению, из Порфирия фехтовальщик был так себе.

Зато, он был прекрасным борцом и помогал мне в силовых упражнениях, которых мне очень не доставало.

Я начал разминаться, но минут через десять в двери конюшни деликатно постучались. По слабому стуку я узнал кулачки одной из моих массажисток.

— Входите, — приказал я, не поворачиваясь к двери. Разминка была в самом разгаре.

Деревянная дверь отворилась и в конюшню вошли сестры из Пальмиры.

Закончив, я поприветствовал обеих и указал на деревянные шпаги.

— Господин, простите. Мы бы предпочли другое оружие — настоящее, — сказала Габриэлла без тени смущения.

Я поднял бровь, но ничего не сказал в ответ. Я указал рукой на стену со стеллажами на которых лежало оружие.

Сестры подошли к нему. Им удалось меня заинтриговать.

Одна сняла длинный кнут, вторая взяла в руки лук со стрелами.

— Можно я покажу, что умею? — спросила Анабелла держа в руках за спиной сложенный кнут.

Я жестом пригласил ее на середину тренировочного пространства.

Она встала на центр, затем с грациозностью дикой кошки резко прыгнула вперед и выпустила кончик хлыста далеко над собой.

Раздался щелчок, и я увидел, что этот щелчок потушил свечу. Я не успел восхититься ее точным нахлестом, как щелчки начали повторяться в бешеном темпе.

Раз-два-три-четыре, раз-два три четыре...

Раз за разом она демонстрировала точность и невероятную скорость владения кнутом. Все свечи, зажжённые под потолком были погашены.

Наконец она остановилась.

— Ну как?

— Ты сумела меня удивить.

— Анабелла теперь ты, — Габриэлла уступила центр конюшни.

Вторая сестра вышла туда, где только что работала кнутом Габриэлла. Она взяла в руки стрелы с намотанными на наконечники тампонами.

Она подожгла первую стрелу от факела и выпустила ее в сторону потушенных свечей.

Повторяя хорошо отточенные движения, девушка зажгла все свечи, которые погасила её сестра минутой раньше.

Она торжествующе посмотрела на меня.

— Что скажете, господин?

Мне хотелось похвалить их обеих, но я сдержался.

— Интересно. Но боюсь, что в моих планах нет выступлений на арене в цирке. Возьмите клинки, судя по всему вас обучали фехтовать.

— Деревянные?

— Любые.

Сестры переглянулись, пожали плечами и сняли со стеллажа османские сабли — тальфары.

Я взял деревянный шест. Вышел на центр.

— Атакуйте, обе сразу.

Они наскочили мгновенно. Их действия и движения были синхронны и красивы. Атакую они выкрикивали боевые лозунги на своем языке. Они явно получали удовольствие от процесса. Признаться, я тоже.

Мы тренировались, и я убедился, что сестры великолепно владеют холодным оружием. Это был неожиданный сюрприз.

Они прекрасно справлялись с тренажером и могли дать фору некоторым мужчинам фехтовальщикам.

Отец девушек научил их боевым искусствам и ездить верхом.

Через месяц ежедневных тренировок я понял, что нашел не только достойных партнеров по единоборствам, но и ценных агентов, знающих основные европейские языки.

Мой клан пополнился первыми двумя женщинами.

Иногда мне казалось, что они обе испытывают ко мне чувства, которые прячут глубоко внутри, даже друг от друга.

Я по-прежнему чувствовал себя выжженным внутри, главное для меня это месть. Я не хотел погружаться в пучину чувств. Сестры были для меня хорошим боевым тандемом.

Я раньше смотрел на них лишь, как на девушек для удовольствия. Но Анабелла и Габриэлла оказались умными и способными ученицами.

Они были стройны, с красивыми и притягательными женскими округлостями. Взоры мужчин часто останавливаются на их осиных талиях и манящих бедрах.

После подготовки девушек в качестве агентов у меня появился мощнейший разведывательный инструмент.

Нанося одинаковую косметику и одеваясь в подобную одежду, они иногда разыгрывали меня и менялись именами.

Только маленькая родинка под правой грудью и Габриэлла позволяла их различать в таких случаях.

Такое умение значило, что они могли находиться в двух разных местах одновременно.

Первая отвлекала внимание объекта и, например, затаскивала его в постель, вторая могла в это время шарить по его тайникам и документам.

Имею ли я право использовать их?

Я больше не задавал себе подобных вопросов.

Это было не важно. Самое главное для меня это месть. И она свершится. Я ежедневно ее готовил.

Я точно знал, что даже если меня убьют, мой клан доведет дело до конца.

Праведная месть свершится.

Впрочем, даже если задать себе вопрос о сестрах, то я мог ответить, что они без сомнений пошли бы за мной и в огонь и воду.

Могли ли они работать на кого-то еще, кроме меня? Безусловно.

После того, как я увидел, насколько великолепно они подготовлены физически, я запросил через Маэстро наших людей в Риме все об истории их пленения и работы в термах.

Ответ пришел достаточно быстро. Их пленили после гибели их отца, но они держали свои навыки и умения в строжайшей тайне.

Похоже, что они пытались вести свою игру, чтобы убежать из Рима, и я, как нельзя кстати, вовремя вызволил девушек.

Они оказались чем-то вроде ронинов, воинов без хозяина. И я решил для себя, что мне будет проще им доверять, чем подозревать сестер в работе против клана.

И я не ошибся. Они с первого дня отдавались мне и делу клана полностью.

Я готовился выступать в Европу, когда от Маэстро пришла добрая весть. Его команды были полностью готовы и уже начали работать по плану.

Первая команда, отвечающая за прикрытия бизнеса в России, уже взяла под контроль основные маршруты движения наших товаров, чтобы избежать нападений на дорогах.

Безопасная логистика — залог успеха нашего бизнеса.

Наши люди оттесняли конкурентов, заранее выкупая лучшие места на выставках, базарах и ярмарках.

Команда охраняла выручки и места хранения денег. Наводила справки и собирала информацию о боярах и их тайнах, слегка надавливая на них, и склоняя к взаимовыгодному сотрудничеству.

Ничего нового для Маэстро. Он просто блестяще повторил путь моего брата, построившего клан неспящих в Европе.

Очень быстро мой клан незаметно проник во все аспекты жизни русской боярской элиты.

Мы с Маэстро знали много мрачных секретов.

Хоть бояре были и своими, и я испытывал к ним большую симпатию, чем к дворянской аристократии в Европе, я никогда не забывал, что многие из них скрытно мечтали прибрать к рукам Княжескую Власть.

Тех, кто мутил воду за кулисами, и пытался разрушить царство и сместить Князя, я жестко убирал с пути.

Тех, кто только подумывал об измене или союзе с врагами в лице литовцев, поляков, англичан, немцев или османов, мы вежливо предупреждали и предлагали более выгодные сделки за сохранение верности Князю, Вере и стране.

Мы подключали к работе русское православное духовенство, всячески поддерживая Церковь. И она нам очень помогала в этом.

Великий Князь, сам того не зная, обретал с нашей помощью все большее могущество.

Для чего мне это было нужно? Ответ простой. Мне требовался был еще более мощный оплот, православной веры противостоящий экспансии Папы Льва X на восток.

Я знал, что после того, как я сломаю власть Папы, он в отчаянии бросится на Восточную Европу.

Я прекрасно знал, что мой удар будет нокаутирующий, и после того, как он оправится, Папа поймет, что я готовился и набирался сил в России. Папа Лев X будет искать способ найти и уничтожить мою корпорацию.

Но пока активы клана дома, в России, папский двор не сможет до них дотянуться, даже при большом желании.

Папских попов здесь не жаловали, часто их не пускали в пределы страны, во многом благодаря и моим стараниям.

Вторая моя группа от клана Одержимого, которая действовала в Европе имела другие задачи.

Она готовила к протестам население и католических священников Европы, не согласных с безграничной властью Ватикана и безобразиями, творимыми от имени Бога.

Наконец-то мне пригодился университетский курс по PR.

Мои люди распускали слухи о приходе некоего нового священника, молодого, справедливого, который положит конец преступлениям священников, обнаглевших в край.

Денно и ночью на площадях, рынках европейских городов они запускали разговоры о том, что хватит терпеть поборы и то, что Папа Римский отпускает все грехи богатым за деньги. А бедных и несчастных не пускает на порог.

Папа просто продавал индульгенции при том, что Католическая Церковь была самой богатой организацией на Земле.

И всё это было чистой правдой, оспорить которую не решился бы ни один здравомыслящий человек.

Многие разговоры повторялись так много раз, что через несколько недель, большинство людей, обсуждавших Папу и Католическую Церковь стали считать эти мысли своими.

Я создал небольшую тайную типографию в которой печатал свой собственный перевод Библии на немецкий, английский и французский языки.

Они ничем не отличались от канонического перевода на латынь, кроме того, что вопросы справедливости и уважении к беднякам просто выделялись жирным шрифтом.

Написана она была простым народным языком. И имела бешенную популярность.

Я поставил мизерную цену на книгу и мои Библии раскупали, как горячие пирожки.

Все, кто не мог читать и понимать библию на латыни, теперь могли читать ее на родных языках.

Те, кто не умел читать, находили одного грамотного, сбивались в кружки и устраивали вечерние чтения Библии.

Люди действительно интересовались и начали трактовать Библию по-своему.

Католическим священникам посыпались неудобные вопросы про обширные земельные наделы, богатства Папы, расходы и образ жизни самих проповедников.

Это был мой дебют. Самое начало разворачивающейся игры.

Я все заранее точно рассчитал. Теперь мне оставалось ждать и наблюдать за красотой событий, которые я запустил.

Мой разум наполняла уверенность в справедливости того, что я делаю.

Папа больше не сможет безраздельно владеть умами.

Из штабов, расположенных во всех крупных городах Европы, неспящие доносили о том, что ситуация накаляется и Ватикан не успевает реагировать.

Котел закипал и мне пора было отправляться в самое пекло. Я был готов нанести главный удар.

Оставив Андреаса и Прохора на хозяйстве в Новгороде. Я под именем дьяка Дмитрия Герасимова в сопровождении Маэстро, сестер и восьми отборных одержимых, выехал с

верительными грамотами на посольской карете в Саксонию.

Документ и печати от князя мне раздобыл Маэстро, и я, как важный государственный человек со своей свитой, встречал везде надлежащий почет и подчеркнутое уважение.

Идя по картам, привезенным Маэстро

Мы добрались до Германии за рекордные сорок дней, успев привыкнуть к тяготам пути и вечно сменяющимся пейзажам, и городам.

К моему удовлетворению, неспящие отработали на отлично. Они обеспечивали незримые сопровождение и охрану с того момента, как мы пересекли границу с Великим Княжеством Литовским.

Нас везде пропускали без досмотра и формальностей, и мы не встречали особых препятствий на всем маршруте.

Я заранее выбрал конечным пунктом город Виттенберг, потому что вся городская власть и духовенство сплошь состояли из членов клана одержимого.

Прибыв в город уже ближе к полуночи, я мы заселились в один из самых роскошных гостевых домов Саксонии.

Мои спутники устали с дороги и я приказал накрывать роскошный ужин по причине прибытия пункт назначения.

Я попросил их начинать без меня и обещал скоро вернуться. А сам отправился один на центральную площадь. Людей и стражи на улице уже не было. Городок оставлял впечатление размеренного, спокойного места.

Через несколько минут, как только пробьет полночь я нанесу свой решающий удар.

Папа Римский Лев X сделал не один ошибочный ход и проиграл. Не нужно было злить и объявлять охоту на простого русского сисадмина Савву Филатова. Не нужно было трогать моих друзей.

Я мысленно обращался к моему врагу:

«Папа Римский Лев X. Ты слаб. Ты не смог меня найти. Тебя не хватило даже на легкий ветерок. А завтра ты пожнешь бурю! Ты мне не ровня! Ты хотел войны? Ты ее получишь! Грядет большая война!

Ты сделал мне больно — ты убил и замучил моих братьев и сестер, друзей, разорил их дома и семьи, ты убил ту, которую я люблю.

Но ты заплатишь! Ты заплатишь за это огромную цену! Завтра перестанет существовать единая Ecclesia Catholica Romana, Римская-Католическая Церковь в Европе.»

Я задыхался от ярости стоя перед дверьми, держа в руках молоток, гвозди и печатный лист бумаги. Громадный колокол зычным густым звоном возвестил о наступлении полночи...

Несколько десятков людей в черных капюшонах прибывали копии девяносто пяти тезисов к дверям церквей, соборов и костелов в крупных городах Европы.

Сама бумага была пропитана запахом духов, заказанных специально для этого случая в Кёльне. Это было сделано специально, чтобы никто не мог сфальсифицировать листовки в дальнейшем.

Я запустил необратимый процесс.

Одним из самых первых был пункт о внесудебных расправах над невинными людьми.

Те, кто погиб или были искалечены инквизиторами без особых причин, остались в памяти людей.

Наутро те, кто читали мои переводы Библии выстраивались у дверей храмов, чтобы задать вопросы священникам.

Возникали стихийные собрания на площадях городов и поселений. Растерянное католическое духовенство не знало, как реагировать на происходящее.

Некоторые священники трусливо убегали, другие хамили и угрожали пастве.

Но народ, почувствовав свежий глоток воздуха смеялся над ними.

Подобную картину я наблюдал из окон нашего постоянного двора, который назывался «Черный вебрь»

Пока я остался доволен результатом.

Сестры, видя перемену моего настроения в лучшую сторону, старались быть все время рядом.

Они были счастливы. Обе были готовы выполнить любую мою прихоть или приказ.

Я думал, что Ватиканотреагирует быстрее и жестче.

Все-таки, не каждый день ему бросают вызов.

Но то ли из глупости, то ли из страха передо мной, папские чиновники пытались приуменьшить значение происходящего и докладывали Папе полуправду.

Я заранее просчитал эту ситуацию.

Они бы так и пытались бы замять, скрывая информацию, если бы вскоре мои девяносто пять тезисов не появились бы на улицах и площадях Рима, а потом в самом Ватикане.

По рассказам очевидцев, появление листовки привело Папу Льва X в жутчайший гнев с истерикой, не утихавшей стуки.

Сотни тайных агентов были брошены для того, чтобы найти меня.

Но это не так-то просто.

В каком из городов Европы меня нужно было искать?

Как я выглядел?

Как искать и ловить человека по имени Мартин Лютер, о котором еще вчера никто ничего не знал.

По распускаемым мною слухам, я был католическим священником. Человеком, ведущим очень аскетичный и религиозный образ жизни.

Я вроде бы родился в городе Айсleben, в Саксонии, учился юриспруденции в Эрфуртском университете, но давно там не жил.

Это все что было обо мне известно.

Больше Льву X не за что ухватиться.

Когда реакция на первую волну моего наступления улеглась, Папа не придумал ничего лучше, чем вынести Мартину Лютера строгое предупреждение об отречении от Церкви.

Булла «Эксудже Домини» была зачитана во всех без исключения храмах католической церкви через три недели после появления моих тезисов.

Они были уверены, что эта булла непременно дойдет до меня.

Вместе с тем мне обещалось полное прощение и прекращение преследования, если я соглашусь публично покаяться и отречься от своей «ереси».

Слабый ход. Предсказуемый. Он и его подоплека читались заранее.

Те, кто его предпринял, наивно полагали, что он погасит напряжение, копившееся в пастве десятками лет.

Они думали, что успокоят меня и выиграют время, чтобы схватить и уничтожить.

Я не дал им такого преимущества.

В этот же день, сотни бойцов из моего клана снова вышли на площади в черных капюшонах, скрывающих лица.

Они публично сожгли папскую буллу.

Эта дерзость подхлестнула протесты до невероятного напряжения.

Народ поверил, что у них появился новый герой и защитник. Думающий о них и денно и ночью.

Народ пока не знал, что вместе с неспящим героем у них появился новый мститель, который одержим идеей справедливого возмездия.

Тот, кто всегда на шаг опережает Папу.

Потому что Ватикан теперь играет в мою игру. И Лев X только отвечает на мои действия.

Инициатива у меня в руках.

На этот раз информация о сожжении буллы дошла до понтифика довольно быстро.

Человек клана из его окружения, подбросил секретарям ложную информацию о том, что существует портрет Мартина Лютера, написанный десять лет назад неизвестным художником в Баварии.

В это раз Папа решил нанести двойной удар.

Во-первых, он приказал предать меня анафеме и отлучить от Католической Церкви, во-вторых, он требовал любой ценой достать мой портрет.

Я снова видел его ходы заранее.

Мне было смешно быть отлученным от того, к чему я и так не был причислен.

А вот с портретами Папу ждала настоящая бомба.

Я это задумал прямо на том ялике, с борта которого я наблюдал, как погибают моя любимая и мои друзья.

Все два года я скрупулёзно собирал данные о том, кто погиб по папскому прямому указу или был убит с его молчаливого согласия.

Это были аристократы и полководцы, простолюдины. Мужчины и женщины обвиняемые в колдовстве.

Словом, все те, кто по тем или иным причинам попал в немилость Льву X.

И были уничтожены.

Два года лучшие художники Европы выполняли заказ неизвестного господина Лютера и рисовали посмертные портреты по описанию близких, а иногда с натуры перед погребением.

Эти портреты потекли в Ватикан. Их везли как портреты Мартина Лютера, сына

Иоганна, то есть Иоанна.

Мартына Ивановича по-нашему.

Я внутренне улыбался.

Боярин Лютый был доволен.

После получения картин наступило долгое двухнедельное папское молчание.

Мои агенты из клана докладывали, что Папа ни с кем не разговаривал и перестал есть и спать.

Он впал в прострацию и потерял способность управлять своим престолом.

Я поикал в душе то, что называется удовлетворением от мести, но не нашел его там.

Его церковное окружение не на шутку встревожилось. Они уже поняли, что некие люди в черных сутанах с капюшонами появляясь одновременно во всех городах Европы, диктуя свою волю. Они не уловимы. Они безнаказанны. Они хитры и умеют испаряться среди ясного дня.

Неспящие подготовили достойную смену ушедшим братьям. Маэстро постарался.

На это католические чинуши отреагировали так, как я и предвидел.

Они повсеместно запретили носить черные сутаны. Всем католическим монахам, священникам и послушникам.

Я в душе смеялся над этими маразматиками.

Им было не известно слово «флеш-моб». Впрочем, как и слово «цугцванг».

Положение Ватикана ухудшалось с каждым новым действием, вызывая новую, все более мощную волну протестов.

На следующее утро после запрета десятки тысяч горожан вышли в черных сутанах с капюшонами. Они делали это чтобы позлить католическое духовенство и поддержать своего кумира — Мартина Лютера.

По началу их хватали и бросали в объятия инквизиторов, но очень скоро их выпускали.

Выяснялось, что люди не имеют никакого отношения ко мне и моим братьям.

С моей легкой руки в обиход вошло слово «протестантизм». Меня стали бояться, как огня.

Я очень больно жалил и по-прежнему оставался неуязвим.

На третью неделю, Папские советники стали подозревать, что клан неспящих связан с Мартином Лютером.

Но отправив гвардейцев на бывшие станции, базы и штабы неспящих, они не обнаружили ничего кроме разоренных и заброшенных помещений.

Мне стоило больших трудов уговорить Маэстро отказаться от этого «наследства» и начать строить все с нуля, на других принципах.

И я оказался прав.

Следующий шаг Папы я так же предсказал. Он потребовал от монархов присоединился к моим поискам и поимке. Папа Римский хотел видеть меня мертвого или живого.

Карл V обратился с гневным требованием ко мне. Я должен был подчиниться, прийти и сдаться.

Это было сделано заочно, считалось что я гражданин Саксонии.

Король пообещал за мою голову щедрую награду.

Я сделал паузу, показывая будто бы скрываюсь и ушел на дно.

На несколько недель.

Лев X уже начал думать, что ему можно расслабиться, но не тут-то было.

Через неделю появились листовки, в которых утверждалось, что Папа и есть нечистый. То есть они и есть сам сатана.

В титуле Папы Римского можно было найти код к цифрам зверя. Викариус филли деи «vikarius filli dei» такие слова сопровождали все документы, подписываемые Папой.

При определенной интерпретации эти три слова становились числом из трех шестерок — 666.

Эта листовка уже возбуждала нездоровый интерес у средних и высших слоев населения Европы. Я снова не забыл окропить весь тираж теми же духами.

Реакция Ватикана была далека от продуманной. Папские защитники обозвали протестантов хулителями веры.

Такое уже происходило в истории, но только «хула на Папу» не приобретала такие массовые масштабы.

Единичных конкурентов или противников можно было уничтожать, обвиняя в поругании веры.

Но на моей стороне была уже добрая треть населения.

Я сделал последний красивый ход.

Я согласился предстать перед Папой, но при условии, что он согласится прилюдно и добровольно вступить со мной в беседу об индульгенциях, его преступлениях и его вероотступничестве.

Нам должны были предоставить равные условия на трибунах Рима.

Сотни черных капюшонов снова прибили мои требования, благоухающими кельнским одеколоном, к дверям церквей.

Это было вопиющей, неслыханной дерзостью.

Ватикан больше не мог делать вид, что ничего не происходит. Не ответить на вызов — означало для них проиграть. Народ требовал публичных дебатов.

Папская администрация замолчала. Они обдумывали то, как можно выкрутиться из этого положения

Однако смысл моего хода был не столько в желании открыть дискуссию, сколько в том, чтобы продемонстрировать, что Папа боится честного разговора. И не пойдет ни при каких условиях на честный словесный поединок.

Для этого я инсценировал свое убийство на лесной дороге.

Я выкупил у местного гробовщика тело одного юноши. Примерно моего возраста, умершего от чахотки. У него совсем не было родственников, и я в некотором смысле помог обоим.

Первого сделал знаменитым, второму не пришлось хоронить тело за свой счет. Городской глава обязывал гробовщиков хоронить в кредит.

Фактически, похоронные лавки сами платили за такое погребение, потому что не могли дожидаться оплаты городским главой долгое время.

Мою люди постарались снабдить умершего юношу черным балахоном, кипой листовок, типографскими клише, на которых размножались все мои листовки.

Письмо от несуществующей матери своему сыну Мартину. Диплом университета, несколько копий портретов тех несчастных, что я послал Папе.

Три огромных флакона духов, которыми пахли все мои листовки.

Этих «доказательств» было достаточно, чтобы папские секретные службы пришли к заключению, что я умер. Кто даже мог погреть руки на этом.

Они доложили об этом Папе Римскому.

Народ же ждал его ответа на мое требование о дебатах.

«Моё» тело срочно доставили в Ватикан. После совета, на котором иерархи церкви во главе с Папой пришли к выводу, что со мной покончено, они объявили о моей одержимости дьяволом.

Провозгласили, что божья кара свершилась. Тело тайно предали огню и развеяли над морем.

Папа на воскресном богослужении оповестил паству, что Господь покарал Мартина Лютера собственной рукой.

Начались волнения. Как я и предполагал — народ не поверил Папе. Они посчитали, что меня убили по его приказу.

В Европейских городах появились тайные кружки обсуждающие мою доктрину о том, что человеку для общения не нужна Католическая Церковь, так же, как и не нужен Папа, присвоивший себе власть и ресурсы.

Первые столкновения стали предвестниками большой тридцатилетней войны между будущими протестантами и Ватиканом.

Я знал, что этот процесс необратим и он приведет к неизбежному падению Папы.

Отмщена ли Элайна и мои друзья? Затягиваются ли мои зияющие раны? Ответ — нет.

Мне этого было мало. Я хотел лишить Ватикан экономической мощи.

Богатство Ватикана росло в результате испанской экспансии в Америку.

Испанская корона щедро делилась с Папой, который снабжал её поддержкой духовенства в Европе.

Рука об руку, Ватикан и Испания жёстко покоряли Мексику, Центральную и Латинскую Америку

Враг моего врага — мой друг.

Савва Филатьев прекрасно понимал, что нужно в этой игре Британии.

Мои проповедники усиленно работали в Англии и теперь мне было известно, что им нужны были испанские карты морей и океанов с навигацией.

Достать их в Испании было невозможно. Испанцы блюли их, как Цербер охранял выход из Аида.

Но зато я знал, что карты печатаются в типографиях Ватикана.

Пришло время возвращаться в Рим

Хотел бы посмотреть Папе в глаза.

Я с близняшками и своей командой засобирались в дорогу.

На этот раз мы двигались по суше.

Благо моя посольская миссия должна была завершиться в Риме. Я должен был донести грамоту от Великого Князя Папе Римскому.

Мы прибыли в Рим через месяц.

Неспящие и Маэстро блестяще справились с нашей охраной и обеспечением в дороге и на этот раз.

Надо отдать должное Гольяту, он сумел выстроить клан так, что, оставаясь незаметными, люди клана обладали огромными связями и возможностями.

И если для высшего совета клана многое изменилось, то рядовые исполнители даже не знали, что создатель клана давно мертв, а сам клан влился в мой новый.

Тем лучше для всех. Независящие друг от друга звенья позволяли эффективно работать и

быть в тени.

По прибытию в Рим девушки вновь оказались в своей стихии. Их глаза горели в предвкушении нового задания, им не терпелось ринуться в бой.

Рим с его шумными улицами очень отличался от Новгорода. Хоть и в Италии они были на чужбине, но все же им тут было проще.

— Габриэлла, Анабелла. Мне нужно кое-что вам рассказать. Садитесь, — я указал на роскошный венецианский диван в моем просторном номере.

Мы остановились в богатом постоялом дворе «Граф Винченцо» на окраине Рима.

— Господин, неужели пришел и наш черед? — Игриво спросила одна из сестер, — нам уже надоело наблюдать, как люди в капюшонах качают ситуацию. Мы хотим поучаствовать в этом.

— Почувствуете, не беспокойтесь. Все, что делалась до сих пор, было прелюдией к вашему выходу.

— Это уже интригует! — захопала одна из них, широко улыбаясь. Я посмотрел на нее исподлобья. Скорее по привычке, нежели потому что мне не нравилось ее поведение.

Сестры давно привыкли ко мне и не обращали внимания на мою мимику.

— Дай угадаю, господин! Мы поедем в Ватикан вместе с тобой? Как ваши фрейлины? Кто вы на этот раз? Виконт? Отпрыск знатного рода?

— Да, точно, мы поедем в Ватикан. Но моя роль остается прежней. Я посол и выполняю поручения Великого Князя. А вот вы..., — я сделал паузу, — вы будете монахинями, сопровождающими меня с особой миссией. Мы повезем карты нашей Русского Царства в подарок Понтифику. Карты, которые печатаются в Уклюжском женском монастыре.

— Монахинями? — они озорно переглянулись, — Круто! Это очень возбуждает!

Я старался не привязываться к ним, потому что понимал, что могу в любой момент потерять их, но часто ловил себя на мысли, что их красота, задор и юмор превратили этих двух девушек из любовниц в моих друзей.

— Итак, красотки! Внимание, сосредоточились! Очень важно запомнить то, что я вам скажу, — они обе умолкли слушая меня, — риск того, что вас раскроют минимален, но все же он есть.

Они внимательно слушали меня.

— Если вы вдруг почувствуете малейшую опасность. То вы обязаны тут же отказаться от выполнения задания. У вас будет целых три пути отхода. Каждый из них проверен и безопасен. Понятно?

Они обе сосредоточенно молчали. Габриэлла едва кивнула.

— Отлично. Я терял близких людей и больше не хочу повторять своих ошибок. Я не для того два года готовился к этой ведетте. Ваша задача получить навигационные карты, копии которых хранятся в папском архиве. Если вы будете в точности следовать моим инструкциям, то вам даже не придется спать с папским архивариусом для выполнения задания.

— А если он привлекательный и импозантный сеньор? Для дела? — игриво спросила Анабелла

— Я понимаю, что вы готовы на все ради дела. Но я буду гордиться вами, если вы разоружите архивариуса одними улыбками и взглядами.

Я рассказал им ту часть моего плана, которая касалась архивариуса и двух близняшек.

— Завтра мы приглашены на прием. Я распорядюсь, чтобы вас отвезли в город, чтобы

вы могли подобрать себе монашеские одеяния. Уверен, они будут вам к лицу.

На следующий день, мы были собраны. Карета была запряжена шестеркой превосходных белых коней.

Мы только собирались выезжать на прием, как во двор верхом ворвался посыльный с письмом о том, что встреча с Папой по независящим причинам переносится на послезавтра.

Сначала я подумал, что тайные службы Папы что-то разнюхали про нас и аудиенция отложена из-за дополнительной проверки.

Но чуть позже стало известно, что на Папу было совершено покушение и перенос времени встречи никак с нами не связан.

Не состоявшегося убийцу поймали и приговорили к смертной казни.

Наш человек при папском престоле прислал голубя с информацией, подтверждающей покушение.

Мне предлагалось приехать в замок Касель Сант-Анжело, чтобы поприсутствовать на экзекуции.

Такую честь оказывали не всем послам.

Недолго думая, я согласился и отправился в сопровождении Маэстро в Сант-Анжело к полудню.

Кое-что не сходилось с этим покушением. Его не должно было произойти. Мне нужно было понять мотивы человека, напавшего на понтифика.

Приговорённому иногда давали последнее слово, и я рассчитывал, что тот расскажет по какой причине пытался убить Папу Римского.

Прибыв к крепости верхом, мы спешили у ворот. Это был правильный выбор, потому что кареты и повозки внутрь не пускали. Мы едва не опоздали.

По дороге образовалась огромная пробка, и многие приглашенные топали пешком сотни и тысячи метров.

Все старались не опоздать, и следуя мимо них верхом, я видел, как большинство обливается потом в июльскую жару.

После не долгой проверки моих посольских грамот нас с Маэстро впустили во внутрь.

Процедура оглашения приговора уже началась.

Внутри замка, представлявшего из себя цилиндрическое кольцо располагался основной корпус.

Мы взобрались по лестницам на верх на плоскую крышу.

Прямо по центру квадрата, под скульптурой ангелов плотники соорудили виселицу, представляющую из себя шест с установленной перекладиной.

С конца перекладины свисала веревочная петля.

Перед виселицей стояли ряды скамеек для зрителей. Они все были почти полностью заполнены людьми, приглашёнными на казнь преступника.

Маэстро легонько подтолкнул меня в плечо указывая на свободные места. Я огляделся, стараясь запомнить всех присутствующих.

— Папы тут не будет. Не ищи. Его сан не позволяет посещать подобные мероприятия, — прошептал мне мой напарник.

Тем временем прокурор светского суда зачитывал окончание вердикта.

— Таким образом подсудимый, Альфонсо Петруччи признан виновным по всем

пунктам и приговаривается к казни через повешение. В последнем слове преступнику отказано. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Его слова эхом разносились по крепости.

— Вывести осужденного и привести приговор в исполнение.

Раздался барабанный бой.

За спиной у прокурора раскрылись двери и двое стражников, держа осужденного за руки, вывели его на площадь. На голове у него был одет мешок из черной ткани.

Они проследовали до виселицы.

Руки осуждённого были связаны за спиной. Его походка и телосложение были до боли знакомы.

Появился палач.

— Осуждённый, желаете снять тюрик?

Тот молча кивнул в ответ. Я никак не мог вспомнить кто это.

Палач сдернул черную ткань с головы. Мое дыхание невольно остановилось.

Сначала он зажмурился от яркого света. Потом, спустя пару секунд он осмотрел площадку, виселицу и зрителей, пришедших в замок.

Будто надеялся увидеть здесь того, кого собирался убить. Но не найдя его в первых рядах улыбнулся так, будто бы посчитал, что понтифик струсил.

Он равнодушно скользил взглядом по лицам присутствующих пока не увидел меня.

Он сжал зубы и губы его побелели.

Нахмурился. Хотя он был вполне молод, но над надбровными дугами проявились морщины.

Его взор больше не отрывался от меня. Он вглядывался и не отводил взгляд. Я рассматривал его в ответ.

Бартель Тиельманс неотрывно смотрел мне прямо в глаза.

Его больше не волновали ни палач, ни публика ни казнь.

Он спокойно шагнул на скамью под веревкой, к которой его подвели.

Когда Тиельмансу стали одевать петлю на шею — он начал шевелить губами.

Сначала мне показалось, что он просто облизывает губы от жажды, но присмотревшись я понял, что он шепчет имена.

Он рассчитывал, что я пойму его!

И это было последним его желанием. В последние секунды своей жизни он транслировал важное послание.

И оно предназначаюсь только мне.

Я читал по его губам и меня осенило!

«Сьеса Леон — убийца Элайны! Одержимый, отомсти!».

Я шепотом повторил сказанное и увидел, как в его глазах отразилось удовлетворение от того, что я понял его послание.

Он счастливо улыбнулся. Я повторил еще раз шепотом, то, что прочел по его губам.

Он захлопал ресницами в знак того, что я его правильно понял. По щеке гиганта скатилась крупная слеза.

Неожиданно, палач выбил из-под его ног скамью, на которой он стоял.

Через несколько мгновений он начал дергаться, а затем его глаза стали стекленеть и вскоре его тело застыло.

Бартель Тиельманс, столь неожиданно встреченный здесь в замке, покинул эту грешную землю.

Меня очень озадачила эта непредвиденная и короткая встреча.

Бартель шел убивать Папу Римского. Но подозревал Сьеса Лиона в убийства Элайны. А следовательно, и в убийстве моих друзей.

Он был мне врагом, но повел себя в последние минуты своей жизни так, словно ему больше некому было доверять в этом мире.

Мое присутствие на казни было облегчением для него.

Он назвал меня одержимым. Он знал, про мой новый клан? Кто-то из моего окружения стучал ему?

Или он вспомнил нашу встречу в приказе Инквизитора в Розенлааре, где меня признали одержимым бесом?

Выходит, он тоже искренне любил Элайну.

Предстояло узнать почему Бартель Тиельманс желал убить Папу Римского. И почему на суде его называли чужим именем — Альфонсо Петруччи?

Я вспомнил о том, что он рассказывал про папскую охоту. «Они не успокоятся пока не убьют всех, кто тебе помогал», — говорил он мне в трактире при встрече наедине.

Я встал и направился к выходу, не дожидаясь пока снимут тело.

Лекарь должен был убедиться, что осужденный мертв. Но я понимал, что это не более чем формальность.

Маэстро последовал за мной.

Мы вышли из замка и не отвечая на вопросы любопытных зевак, пытающихся выяснить детали казни. Оседлав своих коней и разрезая толпу, поскакали прочь.

Отдалившись от замка на порядочное расстояние, я нарушил молчание.

— Что скажешь Маэстро?

— Разве для вас это было неожиданностью, сир Девитт?

— Что именно? — я подумал, что он спрашивает, про то, что под черным мешком оказалась голова одного из моих недоброжелателей.

— То, что он указал на убийцу сеньоры Элайны.

Меня словно ударило молнией. Я остановил коня, резко натянув удила. Мне не хотелось причинять животному боль, но последняя фраза Маэстро огорошила меня, и я потерял контроль. Мой спутник тоже остановил свою лошадь

— Что ты сказал? Ты знал об этом все это время?

Я спрыгнул и направился в его сторону

— Слезай! — прокричал я в ярости, когда нас разделяло метров двадцать.

Маэстро повиновался и невозмутимо спешился.

Подойдя к нему я с силой толкнул его двумя руками в грудь, так что он отлетел на несколько метров назад и чудом удержался на ногах. Меня душила злоба.

— Ты знал об этом все время, и ты ни разу не попытался мне сказать об этом! Но почему?! — я кричал на него, выхватывая свою рапиру.

— Вы никогда не спрашивали об этом, — ответил Маэстро со спокойным достоинством, — вы можете меня убить. Я не стану вам мешать, но мне казалось, что вы всё знаете без меня.

Я приставил кончик оружия к его кадыку.

— Что знаю? Что? — я яростно рассматривал его лицо.

— Я думал, что вы знаете, кто убил вашего отца. Думал, что вы знаете, что этот же человек убил вашу девушку и ваших друзей...

Я отступил на шаг и схватился за голову.

— О чём, нет, о ком ты, черт возьми, говоришь? Это не связанные между собой смерти. Мой брат Гольят убил моего отца, потому что хотел отомстить ему за смерть матери при моем рождении.

Я задыхался от чувства которые меня переполняли.

— Элайну и кузена Аарта приказал убить понтифик, о местонахождении, которых ему сообщила Дария. И мне еще предстоит ее найти, после того как я окончательно уничтожу Папу Льва X!

В ответ Маэстро промолчал. Я впервые за все знакомство с ним увидел, что он слегка

растерян. Он уставился в землю, и взяв себя за подбородок о чем-то размышлял.

— Вы хотите узнать, как все было на самом деле? — произнес он после минутного раздумья и поднял на меня пронизательные глаза.

— Клянусь тебе, если ты водишь меня за нос, то ты горько пожалеешь о том дне, когда я тебя спас!

Я тыкал ему пальцем почти в лицо. Оскал моих зубов не предвещал ничего хорошего. А мой пылающий взгляд красноречиво говорил о том, что ложь будет последней каплей. Я отступил показывая, что готов его выслушать.

— Нам понадобится много вина и времени.

Он повернулся ко мне спиной и вскочил на своего коня.

Не дожидаясь меня, он развернул лошадь и пустив ее шагом, направился в сторону центра города.

* * *

Мы сидели одни в таверне, которая по-прежнему принадлежала клану. Хозяин, узнав Маэстро выделил нам уютный столик в нише, где мы могли спокойно говорить, не опасаясь, что нас кто-то услышит.

— Не знаю с чего начать. Но эта история будет для вас не очень приятной, — сказал Маэстро наполняя мне бокал, — за клан Одержимого!

Он осушил свое вино до дна тут же налив себе еще один.

Я всего лишь пригубил. С той минуты, когда мы спешили у замка я не проронил ни слова.

— Первое что вам нужно знать, так это то, что ваш брат Гольят не убивал вашего отца. Более того, то что я вам сейчас скажу вас немного шокирует. Фаас Ланге не является вашим настоящим отцом. У вас с Гольятом общая мать, но разные отцы.

Он сделал паузу, давая мне осознать сказанное.

— Гольят никогда не желал смерти вашему приемному отцу. Вам — да. Вы сеньор Девитт — совсем другое дело.

Я молча слушал

— Он считал, что вы лишили его матери своим появлением на свет. Хотя, я понимаю, что это не ваш выбор, от вас ничего не зависело. Решение о вашем рождении принимал Хаас. Единолично. Как вы знаете, у него был выбор спасти мать или ребенка. Он выбрал вас.

Маэстро пересказал про войну между кланами Мстителей и каланом Знахарей. Всё то что я знал от Аарта.

— Вы знаете почему он это сделал? — спросил его я.

Мой собеседник кивнул.

— Он считал, что вы Элитио. И как показала история, он оказался прав.

— Ему не смогли простить этот выбор?

Маэстро медленно отрицательно покачал головой

— Ему не смогли простить, что он выбрал жизнь бастарда, появившегося на свет в результате насилия над вашей матерью.

— Чтооо? — мои глаза полезли на лоб, — вы хотите, сказать...

Мне было трудно договорить фразу.

— Жизнь поганая штука, иногда в ней происходят ужасные события. Руки вашей матушку добивались многие мужчины, она была невероятно красива и умна. Но она предпочла вашего отца и отказала тому, кто ее впоследствии изнасиловал.

Моя душа и сознание разрывалась на клочки от услышанного. Я уже не понимал кто я Савва, Девитт или кто-то другой.

Я собрался, стиснул зубы, наполненный новой жадой мщения. Мое сердце пылало, как вулкан, наполненный раскаленной лавой.

— Кто он? Кто мой настоящий отец?

* * *

Он пришел ниоткуда, никому доселе неизвестный, сколотил огромное состояние за считанные месяцы.

Его капитал достигал, таких масштабов, что всем самым богатым монархиям приходилось с ним считаться.

Подмяв под себя всю торговлю между Старым и Новым светом, ссужая деньги Ватикану, этот человек превратил Папу Римского в ручной инструмент своего влияния.

Он был жесток и безнаказан. Он получал все, что хотел. Люди всегда были всего лишь пылинками в его игре.

И вот ему захотелось заполучить дочь главы клана Знахарей.

Отец был не против, и приближенные слуги с обеих сторон готовились к свадьбе небывалых масштабов.

Все бы хорошо, но никто не спросил желания самой невесты. А она любила другого. Отца Девитта.

Она публично отказала жениху унизив его и опустив в глазах всего света ниже плинтуса. Во время церемонии обручения.

Она сделала выбор приняв предложение Хааса, сделанного в этот же день.

Отказать самому богатому, самому влиятельному человеку мира, с которым не могли соперничать кланы, даже если бы они объединили свои усилия — было чистым безумием.

Но глава клана Знахарей оказался крепким мужиком и встал на сторону своей дочери, разрешив брак с главой Мстителей.

Со временем, история с отказом богатейшему жениху стала забываться. Мстители и Знахари сыграли счастливую свадьбу затем шумно отпраздновали счастливое рождение моего брата Гольята.

Все шло хорошо. Они счастливо жили в своем поместье. Брат рос славным мальчишкой, ему уже исполнилось шесть.

Однажды, когда отец Девитта ушел выполнять вендетту взяв с собой лучших из клана, на мать Девитта напали. Охрана мужественно защищала ее и ребёнка. Они отбивались как львы, но силы были явно неравны.

Нападавшие тоже были искусными войнами, многократно численно превосходящими мстителей.

Когда всех мстителей на глазах матери и брата перебили, явился он — отверженный жених.

Он совершил насилие над женщиной.

И ушел, скрывшись за океаном в Мексике.

Вернувшийся отец, едва не сошел с ума от горя. Но его гены мстителя и крепкий характер жены, заставили обоих сплотиться вокруг цели — найти и покарать каждого из причастных к этому преступлению.

Они держали свои планы в тайне и никому не сообщили о произошедшем, но не подумали о том, что все это видел и запомнил Гольят.

Через три месяца стало известно, что мать беременна Девиттом.

В ту ночь отцу во сне явился прародитель клана Мстителей и приказал оставить и сбереечь ребенка, потому что только он способен отомстить за поруганную честь матери.

Мальчик в будущем будет сильнее насильника, потому что он «элитио» — самый умный, самый крутой представитель клана Мстителей.

Отец и мать решили оставить ребенка, несмотря на то, что это было настоящим удар для обоих.

Ослеплённый болью и жадой мести, отец совсем позабыл про то, что несчастье происходило на глазах у Гольята.

И в один из дней, когда дед Девитта по матери, Карлос, глава клана Знахарей навещал дочь и внука, Гольят проговорился про то, что произошло.

Слухи о том, что мать Девитта беременна от насильника быстро расползлись. Все ждали от Мстителей решительных действий, но ничего не происходило.

Отец поклялся матери любить и воспитывать ребенка как своего. Он остался верен этой клятве до конца.

После рождения Девитта и смерти матери, Знахари обвинили отца в трусости и поклялись вырезать всех до последнего.

Началась большая война, в которой мстители проиграли.

Но отец всё равно говорил, что преступник будет наказан.

О том, что возмездие придет от Элитио знал и сам насильник. Он пытался найти обоих братьев, но тщетно.

Отец спрятал детей в Розенлааре. Когда старший Гольят подрос, он стал задавать вопросы отцу.

Он никак не мог понять, почему клан Мстителей не мстит, и, не получив ответов, сбежал в четырнадцать лет, чтобы создать собственный клан.

Брат поклялся отомстить за мать Девитту и ее насильнику.

Хитрый враг искал отца долгие годы. И его поиски наконец увенчались успехом. Отца схватили люди насильника. Они пытали в замке Барона, заставляя раскрыть местонахождение Девитта.

Отец ничего не рассказал. Его истерзанного и обескровленного приговорили к сожжению на центральной площади, как еретика.

Те, кто искал Девитта покинули Розенлаарь на закате после казни так ничего и не добившись.

А Девитт видел все происходящее.

Следующие несколько месяцев он ни с кем не разговаривал, лишь иногда вслух произнося фразу «они сожгли моего отца»

Потом он перестал говорить вообще.

Казалось, что память юноши перепуталась и стерла воспоминания о том страшном дне. Он молча ходил на охоту. До тех пор, пока тело Девитта не объединилось с моим сознанием.

Дальнейшее я знал и так. Папа Римский был лишь ручным песиком в руках моего врага. Понтифик приказал взорвать корабль в угоду того, кого я собирался найти и жестоко наказать.

Мой враг надеялся, что я буду находиться на корабле, но Дария де Альба решила по-своему. Она желала моих страданий. И она их получила, правда значительно позже.

Бартель Тиельманс, смог проникнуть в папские покои под именем приглашенного кардинала Альфонсо Петруччи, потому что с момента появления девяносто-пяти тезисов понтифика усиленно охраняли.

Бартель не собирался убивать Папу. Он просто вытряс из него имя заказчика.

Но был схвачен и обвинен в покушении при попытке бегства.

Теперь все сходилось.

Сьеса Лион. Ученый, меценат, предприниматель.

Он не просто незримо все время находился где-то рядом.

Под видом благодетеля, он все время пытался меня убить.

В таверне Папы Пая при помощи ганзейских головорезов, во время абордажа.

Это он подослал убийцу к Августину в Собор Святого Петра, чтобы наш план не был одобрен в Ватикане.

Это он убил Стаса, и других в доме у кузена Дарии.

По рассказу Маэстро получалось, что Гольят знал о готовящемся нападении и лишь спасал свою любимую и моих друзей от нашего злейшего врага.

Мне ведь так и не удалось с ними переговорить.

Я не переговорил и с Маэстро до того, как Сьеса Лион приказал своему человеку подорвать корабль.

Теперь я видел всю картину целиком. Все сходилось. Кроме одного. Непонятно, как он заполучил свой капитал и влияние так быстро. Не очень-то верилось в то, что он возник ниоткуда.

Я собирался узнать об этом в самое ближайшее время.

Мне нужно было срочно попасть в архивы Ватикана.

И мои ангелочки-близняшки выполнили задание на отлично.

Они не только принесли все существующие навигационные карты испанского флота, но и весь архив финансовых операций Ватикана с моим врагом, с момента его появления при папском дворе.

Но даже не это было самым главным. Мне принесли «Mensa adventus hominum ex futuro».

Тайный журнал прибытия людей из другого времени.

Вначале я нашел там себя, а потом сопоставив первые финансовые отчеты по сделкам Ватикана со Сьеса Лионе, понял, что он такой же, как и я.

Просто пришедший на пятнадцать лет раньше.

Как же я не догадался!

Сьеса — попаданец. Он пришел из будущего, зная о покорении Мексики конкистадорами, и просто схватил удачу за хвост.

Надо отдать ему должное. Он обладал достаточным упорством, мужеством и энергичностью, чтобы подмять под себя всю европейскую торговлю.

По бумагам выходило, что никто на Земле не мог сравниться с ним по богатству.

Сьеса просто умело прятал сой капитал так, чтобы многое не было видно посторонним глазам.

Он владел флотами, землями, рудниками, многочисленными рабами. Целые города и небольшие королевства полностью работали на него.

Но деньги развратили его. Он считал, что все на свете можно купить.

Он не терпел отказа. То, что не шло к нему добровольно, он покупал за деньги. А то, что не мог купить забирал силой.

Очень часто ему был важен сам процесс отъема, а не предметы роскоши или женщины, которыми он хотел обладать.

Он безраздельно господствовал в мире. И считал, что, ему все можно.

А вот ту он ошибся. Притронувшись к матери Девицца, он обрек себя на смерть. Он ответит за свои злодеяния.

Элитио из Рингенбурга пришел за тобой».

Кто-то ему предсказал, что я разрушу его империю и убью его.

Мне надоела маска дичи. Теперь я тот, кто я есть на самом деле — теперь я разорву его!

Я больше никуда не торопился.

Месть нужно вкушать медленно.

Испанские карты были переданы англичанам, голландцам и португальцам. Если раньше испанский флот атаковали у берегов Европы, то теперь его стали грабить у берегов Америки.

Первая удачная добыча голландцев случилась у берегов Кубы. Двадцать четыре корабля Сьеса, груженные золотом, сдались после короткого боя.

Англичане начали теснить испанцев в Атлантике, Португальцы начали ходить в Индию, Китай и на Филиппины.

С каждым месяцем могущество Сьерра таяло словно сладкая вата.

Я откусывал по крупному куску его бизнеса.

И он занервничал. Он подготовил военный флот, чтобы дать генеральное сражение и уничтожить конкурентов на море.

К его несчастью, большая часть тяжелых неповоротлив кораблей затонула во время шторма у северного и западного побережья Ирландии.

Другая часть была выброшена на берег.

Его ресурсы испарялись с каждым днем. Теперь монархи зависимых стран, почувствовав неладное, стали припоминать ему былые унижения и отказывали один за другим в кредите и помощи.

Я организовал десять крупнейших восстаний в Мексике и золото с приисков перестало поступать в Испанию.

Когда протестанты набрались сил и стали готовы к вооружённому сопротивлению, то первым делом они вышвыривали из своих городов концессии и торговые дома Сьеса Лиона.

А уж потом брались за католических священников.

Я нагибал его и держал в напряжении из-за дня в день.

Я не давал ему вздохнуть. Бил и бил, каждый такой удар приносил мне силы. А его разрушал.

Я делал все очень расчетливо.

И вот, в день, когда во всех портах мира появились огромные постеры с его изображением и надписью, что за поимку и доставку Сьеса Лионе предлагается целый

галеон золота вместе с кораблем, тысячи головорезов отправились на его поиски.

Я хотел, чтобы он видел кто именно объявил на него охоту. Я подписал эти баннеры именем Девитта Ланге из Розенлааря.

Всемогущий, властный, некогда богатейший суперхищник Съеса Лион вот-вот должен был стать моей добычей.

Вот тогда он и сломался. Он побежал.

От его уверенности напыщенности не осталось и следа.

Я расставил людей повсюду, во всех крупных городах, и портах. Его пасли и искали дено и ночью.

Члены клана слушали и анализировали все сплетни, выдумки и реальные истории, связанные моими баннерами по поискам доктора Лионе.

Я ждал его во Фландрии, в Амстельштадте. Единственный временной портал, который по-прежнему был открыт — это трактир «у Оленя» в Розенлааре.

Именно сюда он по моим подсчетам должен быть прибыть. Здесь я собирался его перехватить и свершить возмездие.

С Фландрией я не ошибся, но вот с Амстельштадтом вышла промашка.

К концу десятой недели ожидания, мне пришло сообщение голубиной почтой из Денхаааха, что похожий субъект в сопровождении японца сошел на берег и направляется на двух лошадях в Розенлаарь.

В том, что это был он я не сомневался.

Съеса Лион шел в Ва-банк.

Он крупно рисковал быть узнанным и схваченным, но скорость и время были единственным, что его реально интересовало.

Девитт Ланге — Савва Филатов предусмотрел и такое. Я понимал, что он будет торопиться.

Мой враг в спешке совершал ошибку за ошибкой, теряя всё. Теперь он двигался в ловушку.

Я заблаговременно выставил усиленную охрану во главе с Маэстро у трактира в Розенлааре.

Я рванул за ним, потому что хотел встретить моего врага до стычки с моими головорезами.

Вскочив на коня, я помчался в погоню.

Теперь все зависело от выносливости лошадей и всадников.

Через десять часов пути, который я преодолел галопом постоянно сменяя коней на почтовых станциях, я понял, что сегодня удача была на его стороне. Мое сердце упало.

Еще издалека, на подъезде я заметил зарево бушующего пожара на холме. Моей досаде не было предела.

Это горел трактир «У Оленя».

Близилась полночь. Прискакав к холму, на котором располагался горящий кабак, откуда всё начиналось, я увидел раскиданные тела бойцов моего клана.

Окровавленный и раненый помощник Съеса, сидя по-японски на коленях, опустил голову на грудь и закрыл глаза. Одной рукой он опирался о меч воткнутой в землю, а другой пытался держать глубокий порез на животе.

Оттуда хлестала кровь. Его тело дрожало. Было видно, что он проживает свои последние минуты

Японец сумел один противостоять семерым первоклассным бойцам. Тосунака Хиромунэ умирал. Это был великий воин и я не стал его добивать.

Я обшарил глазами округу и увидел моего доброго старого Маэстро.

Он лежал на боку с открытыми глазами.

Подскочив к нему, я рухнул перед ним на колени дотронулся к его шее в поисках пульса, но его тело уже остыло.

Я закрыл ему глаза и хотел произнести слова благодарности, как в тот ж миг почувствовал острейшую боль в области левой лопатки.

Я выгнулся и закричал. Нестерпимое жжение электрическим разрядом поразило меня. Я до хруста сжал зубы.

Опрокинувшись на спину, я увидел над собой шатающегося японца. Он вытащил катану из моего тела.

Я чувствовал, как горячая кровь, сильными толчками вытекает из меня по спине.

Я понял, что тоже умираю. Вдруг вспомнил слова.

Впрочем, мне уже все равно.

Но набрав в последний раз воздуха в легкие я неслышно прошептал:

— Деус, темпус.

В следующую секунду все потемнело, мое сознание померкло.

Глава 27 Вместо эпилога

Наши дни Третьяковская Галерея.

Я ощущал, как лежу на полу, и кто-то бьет меня по щекам. Издалека я слышал очень приглушенно.

— Савва, вы меня слышите? Откройте глаза. Савва! — приятный женский голос обращался ко мне.

Я почувствовал, как мне задрали футболку и приложили холодный фонендоскоп к груди.

— Нужно адреналина вколоть! Прямо в сердце ему.

На это раз это был озадаченный мужской.

— Помогите снять футболку, — продолжила женщина Чьи-то руки приподняли мой торс и стащили верхнюю одежду.

— Господи, такой молодой... Откуда у него такой страшный рубец на лопатке? — женский голос прозвучал досадливо, — Его что топором рубили?

— Бог его знает. Разойдитесь граждане, вы мешаете работать, — мужчина явно нервничал, — Маш, давай пробовать. У нас один шанс.

И тут я почувствовал удар в грудную клетку, а затем иглу, проникающую в самое сердце.

Я резко открыл глаза и вдохнул с всасывающим звуком.

Я лежал на паркете зала иностранной живописи 16-го века, окруженный зеваками.

Прямо передо мной на корточках стояла врач скорой помощи и фельдшер перед раскрытым медицинском реанимационным чемоданом.

Я непонимающе озирался пока мой взгляд не уперся в знакомую картину.

Питер Брейгель «Охотники на снегу». Я

Я вспомнил все и закричал!

— Съесааааа! Сукааааа! Я знаю, ты здесь! Я иду за тобой!

Я искал его глазами, но его нигде не было.

Люди мгновенно отшатнулись и через несколько секунд

я остался один с врачом и фельдшером. Лишь пара старушек-смотрительниц боязливо выглядывая из-за угла тихонько переговаривались.

— Нет ты посмотри, они же все сейчас наркоманы!

— Да, точно! Этот вон как глаза вытаращил. Он одержимый. Бесами!

— Так вроде это наш сисадмин — Саввка. Филатьев...

Я искал глазами куда мог подеваться мой враг. И вдруг на паркете, под одним из полотен я увидел знакомый перстень с византийским орнаментом и сапфиром. Его обронили совсем недавно. Я поднял глаза на картину.

Конец первой части.

Больше книг на сайте - Knigoed.net